

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

№ 1 (26)
2011

Саратов

Научный журнал

Учредитель

**Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина**

Главный редактор – профессор **С.Ю. Наумов**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **С.Г. Сергеев**

Редакционный совет:

С.Ю. Наумов – председатель (доктор исторических наук, профессор, ректор ПАГС),
Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
П.Л. Ипатов (губернатор Саратовской области),
В.В. Артяков (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; **В.В. Герасимова**, д-р экон. наук;
Л.В. Константинова, д-р социол. наук; **Э.Г. Липатов**, д-р юрид. наук;
О.И. Марченко, канд. экон. наук; **Е.В. Масленникова**, канд. социол. наук;
И.В. Ракевич, канд. экон. наук; **А.Н. Романцов**, д-р экон. наук;
Н.В. Тельтевская, д-р пед. наук; **Ю.И. Тарский**, д-р социол. наук;
Т.П. Фокина, канд. филос. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
В.Л. Чепляев, канд. социол. наук; **Т.И. Черняева**, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС77-35069 от 23 января 2009 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – февраль 2011 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

© ФГОУ ВПО «Поволжская академия
государственной службы им. П.А. Столыпина», 2011

№ 1 (26)
2011

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
FOR CIVIL SERVICE

Science journal

Founder:

**Volga Region Academy for Civil Service
named after P.A. Stolypin**

Editor-in-chief: Professor **S.Yu. Naumov**
Deputy editor-in-chief: Professor **O.N. Fomin**
Executive secretary: **S.G. Sergeev**

Editorial council:

S.Yu. Naumov – Chairman (Doctor of History, Professor, Rector of PAGES),
L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
P.L. Ipatov (Governor of the Saratov Region),
V.V. Artiakov (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.N. Gasilin, Doctor of Philosophic Sciences; **V.V. Gerasimova**,
Doctor of Economic Sciences; **L.V. Konstantinova**, Doctor of Sociological Sciences;
E.G. Lipatov, Doctor of Law Sciences; **O.I. Marchenko**, Candidate of Sciences (Economy);
E.V. Maslennikova, Candidate of Sciences (Sociology); **I.V. Rackevich**,
Candidate of Sciences (Economy); **A.N. Romantsov**, Doctor of Economic Sciences;
N.V. Teltevszkaya, Doctor of Pedagogic Sciences; **Yu.I. Tarsky**, Doctor
of Sociological Sciences; **T.P. Fokina**, Candidate of Sciences (Philosophy);
O.I. Tsibylevskaya, Doctor of Law Sciences; **V.L. Chepliaev**, Candidate
of Sciences (Sociology); **T.I. Cherniaeva**, Doctor of Sociological Sciences

---

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

I.G. Napalkova
**The Analysis of Centre-Periphery
Relations in a Federative State
in the Light of Elites Theory**

The territorial-political understanding of the categories “centre” and “periphery” is represented. The essence of their interaction is defined. Western and home conceptions and approaches in studying the problem of centre-periphery relations in a federal state from the elites theory position.

Key words and word-combinations: “centre – periphery”, elitism, federalism theories.

Представлено территориально-политическое понимание категорий «центр» и «периферия». Определена сущность их взаимодействия. Проанализированы западные и отечественные концепции и подходы в изучении проблемы центрально-периферийных отношений в федеративном государстве с позиции теории элит.

Ключевые слова и словосочетания: «Центр – периферия», элитизм, теории федерализма.

УДК 005.521:32:316.34/.35
ББК 66.06:60.54

И.Г. Напалкова

АНАЛИЗ ЦЕНТРАЛЬНО- ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ФЕДЕРАТИВНОМ ГОСУДАРСТВЕ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЭЛИТ*

Федеративные отношения в своем идеальном воплощении основываются на реализации эффективного сочетания интересов Центра и регионов. Субъектами данного процесса выступают как федеральная, так и региональные политические элиты, имеющие определенные возможности воздействия на функционирование вертикальных и горизон-

---

* Статья подготовлена в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 годы)». Проект 2.1.3 /1134 «Внутри- и внешнеполитические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)».

тальных коммуникаций в федерации и принимающие в них самое активное участие.

Состояние и развитие системы политических, экономических, социокультурных и иных коммуникаций в государстве в немалой степени зависят от решения проблемы «Центр – периферия» как одной из важнейших в теории политико-территориальной организации общества. Центр имеет привилегированное положение на территории государства в смысле сосредоточения средств контроля над административно-политическими, экономическими, культурными и другими ресурсами, наличия властных институтов, принимающих стратегические решения и разрабатывающих символы и программы общегосударственного развития [1, с. 341–359]. Периферия понимается как отдаленная (в территориальном и в политическом отношениях) от центра принятия решений и зависимая – в результате трансляции воли и диктата Центра – территория (область) государства.

Центр и периферия на любом пространственном уровне связаны между собой потоками информации, капитала, товаров, рабочей силы и т.д., причем именно направления этих потоков определяют характер взаимодействия между центральными и периферийными структурами, превращая пространство в подобие силового поля [2, с. 189]. Сущность взаимодействия Центра и периферии заключается в том, что Центр осуществляет власть, а периферия является ее объектом. Как следствие центральная элита, находясь на вершине властной пирамиды, приобретает статус не только легального доминирующего актора коммуникаций по вертикали, но и арбитра и медиатора горизонтальных связей. Сила обратного воздействия периферии и периферийных элит на Центр и центральную элиту зависит, как показывает практика, от методов осуществления политической власти и способа территориальной организации государства.

Традиционно в России Центр определял правила и полномочия подчиненных ему органов регионального управления, что обуславливало и подконтрольность региональных элит. В то же время существовали разнообразные институты их взаимодействия: институты назначений, выборности, коллективных обращений (элементы последнего, как отмечает Н. Кирдина, в современных условиях наблюдаются в институте межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия – МАЭВ и в институте «землячеств») [3, с. 41–50]. Функционировали же центральные и региональные элиты по гильдейской системе, признаки которой сохранились и в советский период в результате становления номенклатурной системы.

Определенное изменение отношений между союзной и региональными властями в СССР происходило на фоне перехода от «форсированной индустриализации» и жесткой централизации управления кадрами к экстенсивному освоению территорий страны [4]. Сложившийся баланс интересов (осуществление региональными – периферийными – элитами властных функций на местах в обмен на безоговорочную поддержку центральной элиты) изменился во второй половине 1980-х годов, в частности вследствие ограничения сферы политического вмешательства Центра в региональные процессы. Итогом этого стал выход региональных элит из-под опеки центральной элиты.

Уменьшение подконтрольных Центру властных ресурсов, либерализация политического режима и децентрализация управления выразились в автономизации периферийных элит, ставших региональными в процессе относительной суверенизации и федерализации. Возросшая активность региональных элит в период трансформации постепенно обусловила появление региональных политико-идеологических центров. Эволюция системы иерархической вертикали и унитарной связи в систему федеративных отношений определяет иной характер коммуникаций и новый статус их агентов. Данные взаимодействия можно обозначить термином «взаимоотношения», что отражает превращение участников коммуникаций – как по вертикали, так и по горизонтали – в равноправных субъектов, то есть достижение равенства в «для – другого – отношениях» [5, с. 132].

Взяв на себя главную ответственность за внутрорегиональную стабилизацию, региональные политические акторы выступили в роли важнейших субъектов регионального политического процесса. «Культура большого пространства» [6, с. 81], ориентированная на обеспечение гармоничного синтеза региональной специфики и рациональных соображений по поводу необходимости поддержания целостности государства, предполагает их эффективные взаимодействия по горизонтали с сохранением лояльности по вертикали. Видение регионального политического процесса и, следовательно, деятельности региональных элит и ее результатов как «структурного элемента политической жизни страны» [5, с. 135], на наш взгляд, вполне целесообразно.

Таким образом, динамика сложных территориальных систем в целом и проблема центрально-периферийной конфигурации в частности могут анализироваться не только с позиций цивилизационного, миросистемного, эволюционного подхода, модернизационной парадигмы, теорий интеграции, дуалистического и кооперативного федерализма, но и с точки зрения теории элит.

Как в зарубежной, так и в отечественной науке в основу теории элит положен социальный анализ. Сформировавшись на рубеже XIX–XX вв., благодаря трудам В. Парето, Г. Моски и Р. Михельса теория элит получает свое развитие в XX в. («демократический элитизм», «неоэлитизм» и другие направления).

Постепенно в рамках элитарных концепций выделились две основные группы подходов к определению элиты.

Во-первых, властные подходы – «линия Моски – Михельса» (Г. Лассуэл, Р. Миллс, Ф. Хантер и др.), представители которых под элитой понимали лица и группы, обладающие решающей властью в обществе. В этой группе объединяются структурный (позиционный) подход: элита – это круг лиц, занимающих высшие должностные позиции в рассматриваемых институтах (властных структурах); функциональный (решенческий) подход: элита – это лица и группы, оказывающие наибольшее воздействие на принятие общественно важных решений, выполняющие важнейшие социально-политические функции. В 1980–1990-е годы распространился синтезирующий их установкой инструментально-функциональный подход.

Во-вторых, меритократические – «линия Парето» (М. Вебер, Э. Гидденс, Дж. Хигли и др.) – подходы основываются на признании имеющих у элиты особых достоинств и личных качеств, независимо от обладания властью.

Следует отметить, что последователи «линии Парето», ориентируясь на ценностно-качественный аспект проблемы, основное внимание уделяли элите как таковой, как особой социальной группе. Напротив, сторонники «линии Моски – Михельса», помимо исследования наиболее общих проблем теории элит, обратились к рассмотрению ее структуры и к специфике участия во власти различных уровней. Таким образом, именно они, применив аналитический подход, осуществили переход к изучению локальных элит.

Преобладающим в этом направлении стал анализ местных (локальных) элит, их участия в местном управлении, преимущественно на уровне городов. Так, Ф. Хантер, развивая теорию «плюралистической демократии», в результате исследования структуры власти в городе Атланта (США) сделал вывод о взаимодействии локальных элитных групп на основе корпоративных интересов. По его наблюдениям, эти интересы реализуются как посредством непосредственного участия во власти (использование определенных властных позиций), так и через оказание давления на властные институты благодаря связям с финансовыми кругами (экономической элитой).

В работах, посвященных политическим элитам субъектов зарубежных федераций (Т.Р. Дье, В. Буркин, А. Ребенсторф, Л.Н. Зиглер и др.), подчеркивается, что такие элиты – локальные элиты – оказывают воздействие на государственный процесс принятия решений главным образом через инкорпорацию в федеральную законодательную элиту. Одновременно они сохраняют достаточно сильную зависимость от «местного влияния» – собственно местных элит. В состав местных элит включают властную элиту субъектов Федерации, представителей политических, партийных организаций, глав местного самоуправления, экономическую элиту.

Например, Т. Дай и Л.Х. Зиглер, характеризуя «субэлиты», принимающую решения на уровне штатов, графств и общин, признают ее преобладание в сфере политики. Они указывают на различия в структуре элит в штатах, их обусловленность местной спецификой (политическими, экономическими, культурными условиями) и соответственно выделяют единую унифицированную систему элит, господствующие элиты среди прочих элит, биполярную и плюралистическую структуры элит [7; 8].

Предпринимаются и попытки исследования особенностей политического участия локальных элит, к которым относят, в частности, ориентацию на решение местных проблем, зависимость от властной вертикали.

Итак, у элитаристов, особенно у представителей «демократического элитизма» и «неоэлитизма», обнаруживается не только анализ дихотомии «местная элита – местное население», но и учет – хотя гораздо в меньшей степени – принципов территориального устройства государства. Наиболее показательными в этом отношении являются обобщающие работы по местному управлению: Культура местной власти во Франции, Gyford J., Leach S., Game Ch. The changing politics of local government, Local government in Europe: Trends and developments [9–11] и др.

Учитывая значительную роль демократического фактора в процессе преобразования конфигурации российской политико-территориальной системы, мож-

но использовать концепции состязательного элитизма и плюралистической модели. В рамках теории плебисцитарной демократии (М. Вебер) и теории демократии (Й. Шумпетер) демократия рассматривается в качестве метода отбора наиболее одаренной и компетентной властвующей элиты.

Современный демократический метод, с точки зрения Й. Шумпетера, акцентирует внимание на такой ценности демократии, как политическая конкуренция, и отводит большую роль феномену политического лидерства. Для его успешной реализации необходимы человеческий материал политики; определенная сфера действия политических решений; хорошо подготовленная бюрократия, имеющая высокий статус и исторические традиции; демократический самоконтроль. В отличие от концепции состязательного элитизма, представители плюралистической модели (Р. Даль, Д. Трумен) признают необходимость множества центров власти, следовательно и центров принятия политических решений. Разделяя основные институциональные характеристики либеральной демократии, плюралисты делают главный упор не на индивидов, а на многочисленные заинтересованные группы, каждая из которых стремится повлиять на процесс принятия решений [12; 13, с. 54–55]. Данный подход вполне может быть применен к проблеме формирования региональных центров политического руководства в постсоветской России.

Представители теории федерализма как теории территориальной организации государства и общества рассматривают указанную проблему уже не через призму основной дихотомии элитаризма (E. Deuerlein, D.J. Elazar), а с позиций построения и функционирования межуровневых отношений в федеративном государстве в контексте отношений федеральный Центр – регионы (субъекты Федерации). Федерализм понимается ими как целостная система, в которой гармонически сочетаются интересы социально-территориальных общностей, то есть как инструмент социально-политического регулирования. Одной из основных функций региональных властных элит (региональных властей) федералисты считают налаживание и развитие межрегиональной – горизонтальной – кооперации. Поскольку особое значение в федеративной теории придается принципам сотрудничества по вертикали и горизонтали и субсидиарности, федеральная и региональные политические элиты выступают равнозначными политическими акторами, которых объединяет общая цель-принцип – лояльность федерализму и федеративной системе [14, с. 69–78].

Функционирование властных элит в системе коммуникаций в федеративном государстве, то есть практическая сторона проблемы, освещается в специальных работах, посвященных анализу различных моделей федерализма и их реализации в отдельных государствах (P. Badura, K. Hesse, W. Kewenig, P. Lerche).

Проводятся исследования и по проблемам трансформационных процессов. Рассматривая развитие и различные аспекты трансформации, авторы указывают на элиты как на важнейшие субъекты данного процесса, ответственные за переход к демократии и за восстановление социально-политической стабильности. Особое значение представляют их теоретико-методологические построения, касающиеся складывания новой элиты и эволюции взаимоотношений элитных группировок: именно на этой основе созданы соответствующие транзит-

ные концепции, используемые в отечественной литературе при анализе процессов трансформации центральной и региональных политических элит в постсоветской России – это гипотезы о «врастании номенклатуры», о «втором хозяйстве» (о теневой экономике и роли экономических элит как контрэлиты), о «компрадорской элите», ориентированной на внешнее влияние [15, с. 92–93]; классификация элит – «идеологически единые», «объединяющиеся на основе вырабатываемого консенсуса» и «расколотые» [16, с. 27–42]. Авторы указанных работ справедливо высказывают мнение о необходимости корректировки моделей трансформации применительно к конкретным условиям и о связи между единством элит (в смысле ценностных ориентаций и доминант поведения) и политической стабильностью.

В практическом плане значительный интерес вызывают исследования зарубежных авторов о российских региональных элитах: например, Hanson Ph. *Regional Local Power and Economic Change in Russia; Russie. Le gouvernement des provinces*. Sous la direction de M. Mendras; Wasilewski J. *Hungary, Poland and Russia: The Fate of Nomenklatura Elites; Elites, Crises, and the Origins of Regimes* [8; 17; 18, с. 147–167] и др. Их появление – весьма знаменательный факт, свидетельствующий о признании особой роли региональных постсоветских элит в трансформации Российского государства. Примечательно, что подобные целостные исследования стали публиковаться почти одновременно с российскими. Замечание о незначительных изменениях качественного состава региональных элит сопровождается указаниями на преобладание в системе коммуникаций связей на основе экономических интересов, а в механизме функционирования – на административное управление и административное предпринимательство.

В целом оценка зарубежными авторами роли региональных властных элит как субъектов общероссийского политического процесса двойственна. По их мнению, с одной стороны, российские региональные элиты сыграли положительную роль, поспособствовав устранению прежней унитарной связи, диктата Центра, а также переходу к демократии, понимаемой достаточно широко; с другой – оказали негативное воздействие на общегосударственную стабильность.

Отечественная элитологическая литература весьма обширна и разнопланова, хотя ввиду преобладания в недавнем прошлом классово-детерминистского подхода, отрицающего элиту как таковую, ранее допускался лишь критический обзор зарубежных элитарных концепций [19, с. 132–138; 20; 21]. В то же время несомненна значимость исследований российскими учеными конкретной практики региональных элит. Используя преимущественно понятийный аппарат зарубежной теории элит, они ввели ряд новых понятий теоретико-методологического плана («формула правления», «легитимирующая формула», «региональный великий текст», «символ локализма»).

В отечественной литературе по проблемному критерию можно выделить ряд групп. Работы общего плана (Д. Бадковский, В. Березовский, О. Крыштановская, В. Червяков и др.) содержат обзор эволюции партийно-советской номенклатуры; в их основе – взгляды зарубежных авторов (М. Восленский и М. Джилас) и результаты социологических исследований. На основе конкретных данных

раскрывается преемственность постсоветской политической элиты. В то же время некоторые исследователи, не соглашаясь с характеристикой партийно-советской номенклатуры как тоталитарной, указывают на спад ее идеологизированности в 1960–1980-е годы и увеличение степени профессионализации. В анализе прежних властных групп они употребляют понятие «советская элита», коррелируют критерии принадлежности к политической элите.

К достижениям российских ученых следует отнести переход от преобладания «номенклатурноцентричной» модели генезиса и функционирования элит к разработке новых моделей на основе практики российских элит и транзитных концепций зарубежных авторов, а также сведение основных положений элитарной теории в совокупность методологических принципов исследования элит.

Промежуточную группу составляют работы, посвященные оптимизации взаимоотношений федерального Центра и субъектов РФ и проблемам становления «реального» федерализма (В. Гельман, Р. Туровский, С. Хенкин, Т. Хопф). Итогом реорганизации межуровневых отношений в России с начала 1990-х годов называется формирование новой модели российской правящей элиты, то есть смена двухполюсной конструкции «Центр – регионы» более сложной – «собственно федеральный Центр – региональные элиты, фактически являющиеся частью федерального Центра – правящие региональные элиты». Наибольшее внимание уделяется политике федерального Центра по отношению к региональным элитам, соответственно которой он стремится «купить» лояльность последних, нередко подвергая опасности целостность России.

Наконец, гораздо меньшее количество исследований имеют специальным объектом изучения региональные элиты в системе коммуникаций – это, как правило, статьи небольшого объема и описательного характера, отмечающие «размягчение» Российского государства вследствие латентного конфликта региональных и центральной элит. Заслуживает упоминания намечающаяся попытка авторов анализа построить «сценарии» взаимоотношений элит.

В целом исследователи отличаются приверженностью к социологическому подходу (это выражается в тщательном анализе состава региональных элит, карьерного роста региональных лидеров и т.п.). Таким образом, современный этап элитологических исследований характеризуется влиянием теоретико-методологических подходов, свойственных западной науке, и плюрализмом мнений.

Библиографический список

1. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
2. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М., 1999.
3. Кирдина Н.Г. Политические институты регионального взаимодействия: пределы трансформации // Общественные науки и современность. 1998. № 5.
4. Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 гг.). Пермь, 1998.
5. Дахин А.В., Распопов Н.П. Проблема региональной стратификации в современной России // Полис. 1998. № 4.
6. Панарин А.С. Философия политики. М., 1996.
7. Дай Т.Р., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты. Введение в американскую политику. М., 1984.

8. *Hanson Ph.* Regional Local Power and Economic Change in Russia. L., 1994.
9. Культура местной власти во Франции: науч. аналит. обзор. М., 1994.
10. *Gyford J., Leach S., Game Ch.* The changing politics of local government. L., 1989.
11. Local government in Europe: trends and developments. Houndmills, 1991.
12. *Кочетков А.П.* Демократия и элиты. М., 2009.
13. *Мадамов А.С.* Концепции и модели демократии: проблемы и дилеммы // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. 1999. № 1.
14. *Esterbauer F.* Die «Regionalistischen Leitende» // *Federalismus und Regionalismus in europäischer Perspektive* / Hrsg. von S. Huber. Wien, 1988.
15. *Тамаш П.* Роль элит в венгерском «мягком» переходе // Pro et Contra. 1996. Т. 1, № 1.
16. *Burton M., Gunther R., Higley J.* Introduction: elite transformations and democratic regimes // *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe.* Cambridge, 1992.
17. *Russie. Le gouvernement des provinces.* Sous la direction de M. Mendras. Geneve, 1997.
18. *Wasilewski J.* Hungary, Poland and Russia: The Fate of Nomenklatura Elites // *Dogan M. and Higley J. (eds.) Elites, Crises, and the Origins of Regimes.* Lanham, 1998.
19. *Ашин Г.К.* Концепции элитизма и плюрализма // Вопросы философии. 1976. № 7.
20. *Ашин Г.К.* Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985.
21. *Димитриев А.В.* Политическая социология США: очерки. Л., 1971.

Е.А. Попова
Political Aspects
of the Anthropocentric Approach
to the Federation Subjects
Development

The political aspects of the anthropocentric approach in the federation subjects development are studied. The special attention is given to the reevaluation of the role of the citizen in the long-term development meanings formulation processes.

Key words and word-combinations: the anthropocentric approach, long-term regional development, individual planning.

Исследуются политические аспекты антропоцентрического подхода в развитии субъектов Федерации. Особое внимание уделяется переоценке роли гражданина в процессах формулирования смыслов долгосрочного развития.

Ключевые слова и словосочетания: антропоцентрический подход, долгосрочное региональное развитие, индивидуальное планирование.

УДК 323.2
ББК 66.3(2Рос)

Е.А. Попова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО
ПОДХОДА
К РЕГИОНАЛЬНОМУ
РАЗВИТИЮ

В либеральном, плюралистическом понимании демократия является в первую очередь агрегированием различных существующих в обществе интересов [1, с. 118], поэтому антропоцентричный подход в политическом действии всех акторов в большей мере отвечает базовым ценностям демократии. Однако в странах с транзитивными политическими режимами он встречается очень редко. Как известно, взятый в идеальной форме, антропоцентричный подход противостоит директивному. В его рамках акцент при осу-

ществлении региональной политики развития делается на интересах жителей, в то время как директивный подход во главу угла ставит абстрактные государственные интересы.

«В спецификации антропологической формы в открытости становится разглядываемой идеальность цели и специфика целеполагания, как поставляющая критерии понимания человеческого прогресса / регресса» [2]. Полагание целей государственного регулирования процессов развития, как и политических целей «лучшего будущего» регионов, происходит в рамках господствующих в политической системе страны паттернов культуры, а значит, действительные цели – отвечающие за «бесконечные задачи» [3, с. 631] человека – должны нести творческие, новационные смыслы. Только в таком случае возможна модернизация страны и входящих в ее состав субъектов федерации через ориентацию экономики и связанной с ней политической линии на интересы граждан.

Нацеленность экономики на интересы человека свидетельствует о развитом демократическом управлении (при наличии иных обязательных для демократии процедур). Демократический режим является «утвердившимся», считают, например, политологи Р. Гюнтер, П. Диамандорус и Х.-Ю. Пуль, когда все «политически значительные» группы общества согласны с тем, что его ключевые политические институты обеспечивают «единственно легитимные рамки политического соперничества», и выражают приверженность «демократическим правилам игры» [4, с. 152–156]. По мнению цитируемых авторов, упомянутое определение включает в себя не только институциональный параметр, но и социально-психологический параметр, поскольку речь идет о восприятии существующих политических институтов как «приемлемых и не имеющих легитимных альтернатив». Затрагивается и поведенческий параметр, поскольку обращается внимание на необходимость согласия всех политически значительных групп действовать в рамках установленных норм и правил [4, с. 165–170]. Для этого нужна консолидация общества.

Содействуя учреждениям, ответственным за развитие, граждане являются свидетелями действенности процессов функционирования институтов демократии, в то время как государство, в свою очередь, ответственно за реализацию принимаемых в процессе коллективных обсуждений решений. Кроме того, вырабатывая региональную стратегию, чиновники и представители гражданского общества должны создавать условия, способствующие привлечению негосударственных инвестиций.

К примеру, в США местные бюджеты полностью находятся под контролем жителей. Директор российских и азиатских программ Института мировой безопасности (Вашингтон) Н. Злобин замечает: «Опыт США показывает, что нет лучшего союзника в противопожарной профилактике, чем частные страховые компании, которые рискуют своими деньгами. Страховщики успешно добиваются от местных властей не только выполнения всех необходимых мер, но и принятия жестких противопожарных правил для домов и населенных пунктов, ограничения максимального расстояния до источников воды и пожарных служб. В то время как в России почти 20% населения живут за пределами нормативной доступности для пожарников. Страховые компании в США заставили бы

власти всех уровней принять меры, взяли бы на себя расходы по строительству нового жилья и восстановлению инфраструктуры, не обременяя этим госбюджет» [5]. Из приведенного примера видны перспективы использования возможностей негосударственных акторов в вопросах осуществления социального контроля над рациональным расходованием ресурсов, чего в политическом и экономическом отношении не хватает региональным экономикам.

«Когда входов в систему очень мало и, что еще существеннее, когда сама система не имеет сложной разветвленности, инновационный потенциал резко ослабляется. Россия по сравнению с США (обществом, имеющим наиболее разветвленную социальную ризому среди всех современных стран) не имеет этой сложной многоуровневой сети и представляет собой относительно примитивный организм (хотя, конечно, любое общество в принципе сегодня невероятно сложно)» [6]. Введение же в политическую практику указанных и аналогичных им социальных технологий требует пересмотра распределения ресурсов власти, что в современной России без жесткого давления со стороны федеральной власти практически невозможно достичь в силу консервативности региональных и муниципальных элит.

Вместе с тем, как отмечает К.Г. Холодковский, рассматривая антропологическую компоненту в политической системе страны, «чрезвычайно важно, что корпоративные структуры и организованные группы интересов, причем не только предпринимательские организации и профсоюзы, но и отдельные корпорации, потребительские союзы, объединения экологистов приобретают все большее значение в процессе посредничества между обществом и государством. В подготовке и принятии социально-экономических решений они нередко оказываются более эффективными, нежели инструменты традиционной, партийной политики. Этому способствует широкое распространение во всех развитых странах органов функционального представительства, берущих на себя задачу согласования интересов в отдельных сферах» [7, с. 67], что связано с приматом интересов экономических акторов над абстрактными политическими лозунгами партийных программ.

Крупные по территории и социокультурно неоднородные государства имеют долгосрочные «траектории» политических процессов, которые нельзя адекватно осмыслить только на общенациональном уровне. Политический процесс в пределах государства является равнодействующей многих разнонаправленных изменений: глобальных, субнациональных (региональных) и локальных. Политическая система России может быть осмыслена как совокупность разноуровневых политий, взаимодействующих между собой и имеющих различные системы акторов, которые в большинстве своих политических практик игнорируют антропологическую компоненту принимаемых решений, что, на наш взгляд, ошибочно.

Анализ субъектности региональных политических процессов особенно важен для решения таких насущных российских проблем, как оптимизация баланса интересов государства и регионов, реформы федерализма и административно-территориального устройства, упрочение демократических практик взаимодействия участников политики [8]. Развитие периферийных регионов включает аспекты инфраструктуры, возможности развития экономики, образования, медицины, повышение качества жизни и привлекательности, соответственно

величину населения и качество человеческого капитала. При этом формируются новые части внутреннего рынка, новый потенциал для международной экономической конкуренции [9].

Представляется, что больше не работают так, как того хотелось представителям бюрократии, традиционные формы обязательств, возникающих в процессе административного давления власти на бизнес, а также на территориальные сообщества и структуры НКО. Долгосрочное планирование, в котором принимают участие только представители бюрократии, больше нельзя считать единственным механизмом, обеспечивающим информацию о потребностях территорий и приоритетах модернизации. Целесообразно задействовать и другие механизмы, к примеру региональные публичные обсуждения проектов долгосрочного развития с участием представителей гражданского общества и независимых экспертов. Ориентация на мобилизацию человеческих ресурсов – это не только повышение антропологичности политики, но и вклад в развитие политической модернизации.

В процессе развития региональной экономики задействованы муниципальные образования, федеральные и региональные органы исполнительной власти, бизнес-структуры, некоммерческие организации и население. Каждый из перечисленных акторов принимает решения и предпринимает какие-либо действия под влиянием друг друга через динамический набор отношений.

Вдобавок необходимо принимать во внимание фактор разнообразия обменов между вертикальными уровнями общественного принятия решений, влияющих на процессы развития региона. При этом не отменяются горизонтально ориентированные политические процессы внутри бюрократической сферы. Политическое (административное) действие региональной политики развития, таким образом, оказывает влияние на рынки и на структуры гражданского общества. В западных странах упомянутое разнообразие принятия решений называют «многоуровневым управлением». Этот феномен многие ученые [10] рассматривают в качестве добавленной ценности территориального развития.

Понятие участия не новое в общественных науках. За прошедшие несколько десятилетий оно обогатилось множеством смыслов. В современной России «участие территориального сообщества» в проектах развития территорий рассматривалось не как самостоятельный политический процесс, а преимущественно в непосредственной связи с голосованием и электоральными технологиями, применяемыми на выборах.

На наш взгляд, указанный подход не соответствует модернизационному вектору. Для развития необходима конвергенция обязательств государства с обязательствами граждан в формировании и реализации политики. Опыт стран с развитыми демократиями [11] подразумевает расширение политического участия, необходимого для поиска новых путей, используя которые граждане могут влиять на правительства. Тем самым граждане делаются ответственными за результаты долгосрочного и краткосрочного развития территорий. В результате формируется жизнеспособная социально-политическая система, которая способствует сотрудничеству между властью и негосударственными акторами, создается атмосфера инноваций и свобода экономического сотрудничества.

Указанные составляющие как раз и отличают западные экономические сис-

темы от российской экономики. Местные политические деятели могут в значительной степени мотивироваться выгодами, которые получают территориальные сообщества, следуя в русле политики развития региона. Для формирования указанного дискурса в обществе должна существовать философия взаимного обязательства. В России же институт взаимных обязательств между различными уровнями власти и управления практически отсутствует. Зафиксированные в нормативных актах права и обязанности различных уровней власти и управления хотя и являются важными инструментами координации деятельности государственных, а также муниципальных структур, тем не менее на практике не отвечают возросшим требованиям. Зарубежный опыт реализации концепции «многоуровневого управления» показывает, что бюрократии достаточно сложно приспособиться к процессам согласования интересов различных региональных акторов, что неизбежно сопровождается конфликтами.

Если же в основу фундамента многоуровневого управления будут положены интересы населения, становится возможным согласование интересов с учетом уменьшения вероятных рисков и угроз. Для достижения такого результата в регионах должны быть разработаны механизмы согласования мнений заинтересованных политических акторов, действующих в рамках публичных площадок демократии.

Политический принцип взаимных обязательств не является чем-то новым для общественного развития. Взаимные обязательства находятся в основе того, что следует понимать под термином «общество». Таков один из принципов существования политической и социальной системы в любой стране. Любое общество вовлекает индивидов в политическое действие, в рамках которого происходит развитие ресурсов, прежде всего интеллектуальных, и осуществляется мобилизация социума.

Процесс долгосрочного развития в рамках антропоцентричной парадигмы подразумевает не только политические свободы, но и инструменты ограничения индивидуального поведения взамен на безопасность, экономическое и социальное благополучие, а также предоставление со стороны государства различных необходимых гражданам и бизнесу услуг. Граждане и политические акторы в обществе буквально «связаны вместе» набором взаимных ожиданий и обязательств. В случае же патерналистской модели граждане воспринимают государство как источник различных благ, для создания которых они не обязаны прилагать усилия. Результатом становится самоотстранение гражданина от процесса развития региональных экономических систем и, соответственно, снижение эффективности реализуемой правящей элитой политики модернизации.

Для достижения заявленных руководством страны целей модернизации, по нашему мнению, повестка дня развития регионов должна, во-первых, включать постановку перед территориальным социумом вопроса о новых формах вовлечения местных сообществ (постоянно существующих коалиций, групп с временными обязательства перед своими членами, социальных сетей) в процессы разработки и реализации стратегии регионального развития. Для этого важно не только задействовать уже существующие некоммерческие организации, но и создать систему стимулов, необходимых для вовлечения ранее политически

пассивных граждан в политические процессы. Во-вторых, более широкий подход к проблеме развития региональной политико-экономической системы должен вовлечь местных жителей в процессы долговременного *индивидуального планирования*, коррелирующие с интересами территориального сообщества. Говоря иными словами, личностно-мотивированное участие в политико-социальных процессах добавляет дополнительную политическую ценность представительной демократии.

На практике «горизонт планирования» граждан России чрезвычайно узок, подтверждением чему являются данные социологических исследований. К примеру, 2–5 июля 2010 г. Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр) провел опрос по репрезентативной выборке 1600 россиян в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов на вопросы этого исследования приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов [12].

В целом 39% в июле 2010 г. ответили, что «обычно не строят планов на будущее», еще 34% указали, что не загадывают больше чем на «ближайшие год-два» вперед. Эти установки меняются медленно. Наибольшая положительная динамика (увеличение горизонта планирования) отмечается по категориям, отражающим среднесрочную перспективу: во-первых, представление о будущем на один-два года: с 16 до 25%; во-вторых, представления о будущем на три-пять лет: с 5 до 9%. Применительно к долгосрочному планированию положительные изменения лишь наметились: количество людей, имеющих представления о будущем на 6 и более лет вперед, увеличилось с 3 до 6%, но эти цифры по-прежнему еще находятся в рамках статистической погрешности. Около половины россиян все еще смотрят вперед не более чем на несколько месяцев (хотя их число и уменьшилось с 61% в предкризисном 1997 г. до 53% в 2010 г.).

Анализ представленных данных подчеркивает необходимость учета при разработке стратегий развития регионов потребностей населения в целом и каждого индивида в частности, что будет способствовать повышению доверия к представителям правящей элиты. Однако согласование целей личного развития с интересами региона невозможно без перехода к антропоцентричной парадигме функционирования территориальных акторов. Данный подход подразумевает в том числе общественное обсуждение множества связанных с модернизацией ключевых тем контекстов территориального развития. Первичная цель такого обсуждения должна состоять в том, чтобы облегчить обмен информацией, касающейся управления территориями и вопросов стратегического развития. Для этого прежде всего в сознании чиновников важно сформировать новый стиль мышления, ориентированный на выгоды улучшенного доступа к информации относительно возможностей для облегчения информационного обмена, координацию оказания всех видов интеллектуальной поддержки, развития межрегионального сотрудничества и навыков долгосрочного планирования в условиях перманентной модернизации.

Не случайно политолог Т. Гурова констатирует: «Культура информационной открытости и доступности сформировала новое понимание качества жизни среднего класса: он хотел быть мобильным, еще быстрее перемещаться, жить и

в городе и в деревне одновременно – и это породило спрос на новые транспортные технологии; он захотел быть необычным – и это изменило индустрию одежды; он захотел работать в небольшой компании, чтобы не быть винтиком, – и это изменило спрос на образование; он устал потреблять – и это скоро повлияет на цели его жизни» [13, с. 14]. Указанный дискурс особенно актуален для России – страны, реализующей сценарий догоняющей модернизации, основной движущей силой которой может стать увеличение числа жителей, относящих себя к среднему классу.

Таким образом, в условиях модернизации регионального развития актуализируется проблема расширения диапазона социальных арен, на которых происходит обсуждение вариантов использования имеющихся ресурсов в интересах повышения эффективности региональных экономик и выбора вариантов долгосрочного развития. Основными препятствиями повышения антропологичности политики выступают слабая научная разработанность моделей, связанных с модернизационным вектором развития, и отсутствие стимулов у правящей элиты изменять паттерны отношений с гражданским обществом и отдельными инициативными гражданами, проявляющими модернизационные инициативы.

Федеральная власть может осуществить предписание новых форм взаимодействия региональной бюрократии и гражданского общества через программы реформ. Необходимы более динамические отношения между государством и негосударственными акторами, подразумевающие достижение не только тактических, но и стратегических целей в рамках концепта «многоуровневого управления». Для этого требуется переоценка роли гражданина в процессах формулирования долгосрочного развития. В частности, необходимо развитие в коллективном бессознательном чувства региональной принадлежности – индивидуальной реакции людей, которая возникает в процессе индивидуального восприятия групповой идентичности и персональной ответственности за долгосрочное развитие территорий.

На первый взгляд основная идея политической антропологии достаточно проста: власть и иные политические акторы должны ориентироваться на интересы развития человека. Однако на практике наблюдается примат интересов бюрократии, не желающей даже на ментальном уровне ставить проблему антропоцентризма в повестку дня. Однако без изменения восприятия роли человека в политических процессах невозможно добиться заявленных в процессе модернизации целей.

Библиографический список

1. *March J.G., Olsen J.P.* Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. New York, 1989.
2. *Гибелев И.В.* Идея прогресса в свете понятия открытости // Научный эксперт. 2010. № 6. С. 84–94.
3. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука. Минск, 2000.
4. *Gunter R., Diamandorus P.N., Puhle H.-J.* O'Donnell's «Illusions»: A Rejoinder // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7, № 4, October.

5. Злобин Н. Кремлинология: Уроки пожаротушения // Ведомости. 2010. № 141 (2659).
6. Ямпольский М. Инновационный потенциал и структура общества // Новое литературное обозрение. 2009. № 100.
7. Холодковский К.Г. Партии: кризис или закат? // Политические институты на рубеже тысячелетий, XX–XXI вв. Дубна, 2001.
8. Баранов А.В. Акторы региональных политических процессов в постсоветской России. Краснодар, 2005.
9. Розов Н.С. Геоэкономические перспективы России. Статья 2: Ориентиры и приоритеты // Научный эксперт. 2010. № 4. С. 5–22.
10. Christenson J.A., Fendley K., Robinson J.W. Community Development // Community Development in Perspective / ed. by J.A. Christenson and J.W. Robinson. Ames, 1989. P. 3–25.
11. Gaventa J., Valderrama C. Participation, Citizenship and Local Governance // Background note for Workshop: 'Strengthening Participation in Local Governance'. Sussex, 1999. June 21–24.
12. Волков Д. Представления россиян о будущем // Пресс-релиз Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр). 2010. 21 июля.
13. Гурова Т. Не стать слепыми муравьями // Эксперт. 2010. № 14 (700).

G.V. Gryzunova
**Transformation of Value-Ethical
Bases of Civil Service
in Russia and Kazakhstan**

The problems of government employees' ethical behavior standards in the context of human vital forces sociology are considered. The main accent is made on the formation of government employees' spiritual maturity by means of culture centrality of their professional socialization.

Key words and word-combinations: vital forces and vital space of government employees, culture centrality of civil service.

В контексте социологии жизненных сил человека рассматриваются проблемы этических норм поведения государственных служащих. Основной акцент делается на формирование духовной зрелости государственных служащих посредством культуросоциальности их профессиональной социализации.

Ключевые слова и словосочетания: жизненные силы и жизненное пространство государственных служащих, культуросоциальность государственной службы.

УДК 35.08:174(470+571)+(574)
ББК 67.401.02:87.754(2Рос+5Каз)

Г.В. Грызунова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНО-ЭТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ

Современные Россия и Казахстан являются крупнейшими и наиболее стабильными политическими образованиями на постсоветском пространстве. Вопросы становления социально ответственной государственной службы для них особенно актуальны, поскольку успешность дальнейшего развития национальной государственности в значительной степени связана с эффективностью государственного управления. Результативность государственной службы, в свою очередь, напрямую зависит от качества социокультурных, ценностно-этических оснований профессио-

нализма государственных служащих, уровня развития у них социально значимых личностных качеств.

Научное осмысление процесса модернизации государственной службы предполагает познание данной системы, процессов ее воспроизводства и изменения. Представляется необходимым в сравнительном ключе выявить этически ориентированную совокупность параметров, обеспечивающих жизнеспособность деятельности института государственной службы в России и Казахстане. По этой причине правомерно рассматривать сущность и специфику современной государственной службы в ее взаимосвязи с социокультурными и этическими регуляторами поведения современных государственных служащих с позиции социологии витализма [1; 2]. В обозначенном контексте, с нашей точки зрения, государственная служба может быть представлена как сложная многоуровневая социокультурная система, центром которой является человек.

Функционирование государственной службы выражается в форме деятельности облеченных полномочиями субъектов – органов и их должностных лиц. Выполняя свои обязанности, государственные служащие вступают в социальное взаимодействие, реализуя свои жизненные силы. Их профессиональная деятельность осуществляется в определенном жизненном пространстве, характеризующемся комплексом ценностей, норм, ролей, статусов, формальных и неформальных правил относительно средств обеспечения, воспроизводства и совершенствования условий, методов и результатов служения государству и обществу. Вот почему государственная служба может считаться сферой деятельности, где происходит формирование и подъем жизненных сил человека, его социальное и профессиональное развитие.

Взаимосвязь и взаимообусловленность жизненного пространства и жизненных сил государственного служащего находит конкретное проявление в системе установок, ценностных ориентаций, ожиданий, стереотипов и других диспозиций, через которые люди оценивают и воспринимают себя и свою деятельность, а также других людей и их деятельность. Эти диспозиции опосредствуются целями, ценностями и организацией деятельности, в рамках которой проявляется способность человека воспроизводить и совершенствовать жизнедеятельность государственной службы, реализовывать свой личностный и творческий потенциал.

По нашему мнению, основная исследовательская гипотеза состоит в том, что эффективность проводимой модернизации государственной службы определяется не столько социально-структурными изменениями, сколько необходимостью формирования новой социальной культуры, перестройки поведения людей с учетом особенностей взаимосвязи их жизненных сил и жизненного пространства, ценностно-нравственной позиции государственных служащих как критерия их социально-профессиональной зрелости. В связи с этим представляется актуальной идея культуроцентричности государственной службы, суть которой заключается в том, что модернизация государственной службы может быть успешной лишь в том случае, когда идеи модернизации усваиваются и принимаются государственными служащими на уровне имеющего социокультурную значимость личностно-ценностного смысла.

Мотивационная направляющая реализации данных задач проявляется в сис-

теме таких ценностей, как безопасность, этичность, духовность – именно они зависят от особенностей национальной культуры и характеризуют личность в ее отношениях с обществом.

В системе государственной службы Республики Казахстан представители казахского этноса составляют подавляющее большинство (более 80%), что дает возможность говорить о важности социокультурных особенностей именно данного этноса применительно к рассматриваемой теме. Став титульной нацией в современном Казахстане, казахи заняли решающие позиции во властных структурах и реализовали этнократическую тенденцию, столь очевидную после провозглашения суверенитета [3, с. 74].

Фундаментальным качеством казахов стал их громадный потенциал адаптации к постоянно изменяющимся условиям жизнедеятельности. Это накладывается на такую присущую им традиционную национальную черту, как основанный на родовых отношениях коллективизм. Возвращенные на такой ценностной основе коллективная ответственность, уважение к старшим, авторитаризм последних выступают целостной характеристикой, позволяющей понять истоки различных по своей природе общественных отношений, в том числе и реализуемых в системе власти. Здесь обнаруживается достаточное сходство с ценностными основаниями российского общества, чему в немалой степени способствовал исторический опыт длительного совместного проживания и усвоения евразийского типа культуры. В политической культуре современного российского общества приоритетное место исследователи отводят ценностям коммунитаризма, обуславливающим приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы личности. По своей природе они восходят к общинному коллективизму и в конечном счете предопределяют ведущую роль государства в регулировании политической и социальной жизни.

Схожими для российского и казахстанского общества являются требования нравственного характера деятельности власти, персонифицированное ее восприятие, потребность в харизматическом лидере, играющем роль «спасителя Отечества». Общими чертами в механике государственного управления выступают недопонимание роли представительных органов власти, тяготение к исполнительным функциям с ограниченной индивидуальной ответственностью. Все это, на наш взгляд, во многом исторически определяется влиянием географического фактора на становление и развитие государствообразующих этносов и общностью социокультурного пространства. Методологически схожую оценочную позицию высказывали многие мыслители. В частности, Н. Бердяев подчеркивал взаимосвязь «шири русской земли» с доминированием религиозно-нравственных установок в культуре, а «скудноземельность» стран Запада – с доминированием установок экономико-институционального характера [4, с. 279].

Западный человек более независим от окружающих людей в мотивации и организации своего поведения в силу того, что, свободно путешествуя по разным странам, он мог менять место обитания, статус, род занятий, знакомиться с различными типами культуры. В результате у него формировались индивидуальные механизмы саморегуляции, создавалась система потребностей личности, способная противостоять непосредственному влиянию социального окружения. К

примеру, Америка была освоена выходцами из Европы – людьми особого психического склада, склонными к риску, ориентированными на собственные индивидуальные потребности, что предопределило формирование таких ценностей, как свобода, индивидуализм, личностный выбор, уверенность в собственных силах.

Суровые климатические условия, большая протяженность территории России и Казахстана, долгое время входящего в состав России, культивировали коллективные формы поведения, основанные на общинных или родовых отношениях. Для человека становилось особенно значимо его социальное окружение; формировались зависимость от межличностных отношений и социальных связей, подчиненность мнению социальной группы, ориентация на социальный статус. Не случайно попытка реализовать идеи коммунизма, понимаемого в терминах равенства, братства и коллективизма, была предпринята именно в России, где главенствовали идеи общинности, а мнение большинства всегда становилось законом для меньшинства.

Важным следствием европейского пути развития культуры следует считать глубокое изменение позиции человека через реализацию идей демократии и свободы личности. Можно утверждать, что в Европе и США юридические законы стоят выше воли руководителя; в России и Казахстане воля «правителя» почитается выше юридических законов и норм, поведение людей подчиняется не формальным правилам, а устойчивым человеческим связям.

Казахстанское общество вполне можно назвать «обществом устойчивых связей». Отклонение поведения человека от этих таких связей – случай обычно исключительный. Устойчивость иерархии обеспечивается социальными и психологическими механизмами воспитания группового патриотизма, ценностей рода, семьи, родителей, причем верность этим принципам переносится и на структуру власти, закрепляется в ней, находит выражение в почитании статуса власти. Как следствие, для общества характерны преклонение перед вышестоящим и самоутверждение над нижестоящим через демонстрацию своего более высокого положения. Обычным является поиск высокого покровителя – как правило, родственника – для получения поддержки или протекции.

Возникающая в условиях модернизации новая позиция личности характеризуется разрывом с привычными нормами и традициями, поиском своего места, необходимостью адаптации к изменяющимся условиям. Переход общества к рыночному хозяйствованию, социальное расслоение привели к резкой дифференциации граждан в образе жизни, способах и формах деятельности, к различиям в системах ценностей, норм, идеалов. Все это обусловило стремление человека мобилизовать свои жизненные силы для того, чтобы занять достойное место в жизненном пространстве, выйти на более высокий социальный уровень, прежде всего за счет своего положения, когда должность играет ключевую роль в господствующих товарно-денежных отношениях. Статус государственного служащего стал иметь еще более значимым, поскольку его носителю гарантировалось достойное место в системе социальных взаимодействий.

Вместе с тем современный конкретно-исторический период связан со стремлением государства и общества создать на основе лучших традиций зарубежного и отечественного опыта социально оправданную модель государственной службы. В этом направлении достаточно много сделано, однако внедрение инноваций

концентрируется в области создания условий деятельности и в целом не затрагивает трансформацию ценностно-смысловой сферы личности госслужащих.

Сегодня объективно востребованы такие качества управленца, как профессионализм, законопослушность, инициативность, ответственность, безупречная нравственность, однако они предстают как внешне заданные, навязанные, противоречащие традиционному типу культуры. Например, в Казахстане разработаны и утверждены Указом Президента Республики Казахстан от 3 мая 2005 г. № 1567 Кодекс чести государственных служащих и Книга контроля этики государственных служащих. Предусмотренные данными документами меры направлены на повышение нравственности и моральной ответственности государственных служащих. Однако в процессе практической реализации выяснилось, что они не содействовали росту требовательности государственных служащих к себе и существенно не повлияли на повышение качества и результативности деятельности. Внешняя конформность государственных служащих к происходящей модернизации аппарата управления находит выражение в том, что они принимают новшества на уровне деклараций, но не личностных смыслов – это отражается как на самой личности, так и на профессиональной группе, организации, обществе в целом.

В мае – июне 2010 г. в Восточно-Казахстанском регионе среди служащих органов государственного управления Республики Казахстан был проведен экспертный опрос с целью выявления ценностных оснований профессиональной деятельности государственных служащих. Было опрошено 200 человек, пропорционально представляющих основные отрасли государственного управления региона. 69,8% респондентов составили женщины, 27,9% – мужчины; в возрасте от 36 до 50 лет – преимущественное количество респондентов (62,3%); средний стаж работы составил около пяти лет у 48,3%, 5–10 лет – 29,7%; по национальному составу 79,8% опрошенных – казахи, 13,9% – русские, 2% – украинцы, другие – 3,5%; ошибка выборки составила $\pm 8\%$.

Полученные данные говорят о том, что к личным ценностям государственных служащих, определяющих их жизнеспособность в профессиональной среде, относятся дисциплинированность (88,3%), исполнительность (75,9%), умение строить дружеские отношения (65,8%), доброжелательность (60,1%), адаптивность (55,6%), терпимость (53,3%), работоспособность (53,1%), обязательность (53,1%), честность (50,2%). Этот блок ценностей соответствует потребности в безопасности, выделяемой А. Маслоу в качестве одной из жизнеобеспечивающих потребностей человека.

К существующим организационным ценностям государственных служащих, характеризующих профессиональную среду, были отнесены иерархичность (79,8%), наличие «пожарных» методов работы (71,9%), протекционизм в подборе кадров (60,2%), перегруженность работой (45,9%), профессионализм (40,4%), дефицит профессиональных кадров (35,8%). Среди желаемых организационных ценностей, к которым должны стремиться государственные служащие, выделены высокое качество услуг (79,8%), признание работников (70,7%), отсутствие клановости и родственных связей (58,8%), профессионализм (55,5%), отсутствие бюрократизма (55,1%), законопослушность (50,7%), умение работать в команде (48,4%), непрерывное совершенствование (35,1%).

Таким образом, государственные служащие Казахстана в своей деятельности в основном ориентируются на личную эффективность. Их личностное сознание направлено на обеспечение выживаемости и построение отношений в своей профессиональной среде. Они занижают свои персональные стремления и сосредотачивают личные стратегии на выживании, получении сиюминутного результата, что зачастую приводит к использованию должности как источника дохода, порождает коррупционные отношения в системе государственной службы. Частые структурные перестройки, острая неуверенность в стабильности пребывания в должности ориентирует служащих на достижение краткосрочных целей – это значительно повышает ценность адаптивности.

Адаптивность как стратегия выживания прослеживается на всех уровнях государственной службы. Она означает максимальную зависимость человека от логики внешних обстоятельств, изначальное его согласие на ту действительность, в которой он оказался. В такой форме проявляется потребность в безопасности, в результате чего следуют ориентация на установленные правила, готовые образцы поведения, на освоенный опыт, выбор уже апробированного решения, освоенных альтернатив; установка на мнение значимого окружения; ослабление инициативы и ответственности; выполнение только исполнительских функций.

Способность людей выживать, охранять свою жизнь в меняющихся условиях приводит к появлению функциональных противоречий государственной службы. С одной стороны, она в меньшей степени, чем бизнес, подвержена неопределенности и риску. Отсюда проистекает желание людей через эту сферу профессиональной деятельности обрести безопасность и стабильность; они стремятся любыми способами попасть на государственную службу, не имея профессионального опыта и знаний, не разделяя нравственных принципов, положенных в основу этического кодекса государственных служащих. С другой стороны, государственная служба в силу специфики деятельности, широкого диапазона взаимодействий с различными социальными группами дает возможность государственным служащим обрести связи и войти в сферу предпринимательства, что приводит к утрате квалифицированных кадров, феминизации органов государственного управления.

На этом фоне столкновение индивида с новыми ценностными ориентирами, а также противоречия между реальной жизнью и декларируемыми ценностями нередко приводят к формированию «многослойных» ценностных систем. Миссия государственной службы в них зачастую лишь заявляется, но не осознается и не проявляется в реальном поведении конкретного чиновника.

Преодоление обозначенных противоречий невозможно лишь принятием организационных решений в сфере государственной службы. Большое значение имеет трансформация мировоззренческой позиции общества, изменение гражданской позиции конкретного человека, его социальной субъектности. Человек сопоставляет свою деятельность и значимые жизненно важные для себя задачи с социальными требованиями, сравнивает свою активность с активностью окружающих [5, с. 91]. В связи с этим необходимо осознать, что нравственная составляющая профессионализма высокопоставленных кадров государственного управления является ключевой проблемой. Рядовой чиновник, подражая и копируя поведение вышестоящих руководителей, более статусных людей, ориентируется на них.

Исходя из того, что основой ценностных устремлений государственных служащих должна стать их постоянная направленность на соблюдение интересов гражданского общества, ориентация на достижение государственных интересов через профессиональную деятельность, необходимо, чтобы нормы и ценности государственного управления превратились в постоянные мотивы профессиональной деятельности, отражающие духовную зрелость специалиста. Именно это и определяет необходимость в кардинально иной расстановке ценностей в сознании государственных служащих, формировании нового типа социальной культуры современных государственных служащих, ключевым аспектом которой является развитие их духовной зрелости. Это открывает новые возможности для реализации жизненных сил чиновников.

Духовная зрелость профессионала, находящегося на государственной службе, выражается в безусловно воспринимаемых им нравственных регуляторах социального поведения. В то же время она обусловлена качественным состоянием рефлексивных способностей личности, дающих возможность осваивать и порождать позитивные ценности, нормы, правила, превращая их в лично значимые смыслы.

Современные исследователи подчеркивают, что «культуроцентричность как идея понимания мира в его различных ракурсах может быть рассмотрена в качестве императива выживаемости общества и человека. А сама культура как порядок мироустройства и сфера бытия личности должна быть своеобразным свидетельством жизнеспособности общества, выполняя целый ряд витальных функций» [6, с. 85]. Следовательно, идея культууроцентричности применительно к сфере государственной службы заключается в необходимости признания ответственного духовно-нравственного выбора и ценностно-мотивированного поступка как основы личностной и профессиональной зрелости государственного служащего.

Культуроцентричность государственной службы должна быть основана на решении следующих задач: формирование мировоззренческой позиции государственного служащего, осознание и принятие им миссии государственной службы, основанной на принципах профессионализма и духовной зрелости; усвоение общечеловеческих норм гуманизма, следование им в жизни и культивирование духовности как значимой ценности; уважение к законам и гражданским правам личности; приобретение навыков рефлексии и саморефлексии. Нравственная составляющая профессионализма кадров государственного управления является ключевой проблемой эффективности управления и устойчивого социально-экономического развития общества.

Ценностная направленность кадров государственного управления службы видится в реализации принципа нравственного императива, признания верховенства этических норм, уважения правовых норм и обеспечения их исполнения; принципа повышения доверия к деятельности государственных служащих; принципа социальной ответственности кадров государственного управления перед потребителями государственных услуг, обществом, государством. Практическая реализация принимаемых управленческих решений возможна лишь при условии интериоризации данных принципов на уровне лично значимых смыслов (в первую очередь – у государственных управленцев высшего порядка).

Совершаемые государственными служащими поступки будут соответство-

вать декларируемым принципам только тогда, когда современный чиновник будет обладать индивидуальной и социальной субъектностью, зрелой гражданской позицией и развитым чувством социальной ответственности. Это может быть достигнуто только через формирование целевых приоритетов, отражающих социальные запросы. Модернизация государственной службы в современных условиях требует от управленцев умения соотносить свою профессиональную деятельность и личную жизнь с актуальными требованиями, формулируемыми государством и обществом.

Библиографический список

1. Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего: избр. статьи. Барнаул, 2001.
2. Григорьев С.И. Новые отношения субъектности в социальной сфере современной России как проблема социологического витализма. М.; Барнаул, 2004.
3. Байдельдинов Л.А. Социокультурная общность в Республике Казахстан и вопросы консолидации общества // Социальная структура современного Казахстана. Астана, 2003.
4. Бердяев Н. Русская идея. Судьба России. М., 1997.
5. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1993.
6. Социологический витализм: новые направления развития: сб. науч. ст. / под ред. С.И. Григорьева, О.Т. Коростелевой. М.; Барнаул, 2006.

I.A. Manakhov
From the Practices
of the Public Administration
Apparatus Training:
Officials for the Empire

The educational policy of the Ottoman Empire in the late XIX – early XX centuries, and the system of state educational institutions is studied. Special attention is paid to the analysis of the public officials' training bases.

Key words and word-combinations: the Ottoman Empire, the state education system, officials' training, public administration apparatus.

Исследуется образовательная политика Османской империи в конце XIX – начале XX в. и система государственных образовательных учреждений. Особое внимание уделяется анализу основ подготовки государственных чиновников.

Ключевые слова и словосочетания: Османская империя, государственная система образования, подготовка чиновников, государственно-административный аппарат.

УДК 373(560)(09)|18/19|
ББК 74.03(5Туз)

И.А. Манахов

ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННО- АДМИНИСТРАТИВНОГО АППАРАТА: ЧИНОВНИКИ ДЛЯ ИМПЕРИИ

Для ряда стран Востока, в особенности Османской империи, XIX век прошел под знаком реформ. Осмысление этих реформ имеет прикладной характер, в связи с чем их изучение представляется сегодня интересным и актуальным. Подобный опыт вполне может стать частью инструментария анализа реформаторских устремлений современных обществ и власти. В первую очередь следует обратить внимание на подготовку квалифи-

цированных управленцев, поскольку в большинстве случаев она прямо обусловлена господствующими тенденциями социально-экономического и научно-технического прогресса.

Со времен начавшихся в 1830-х годах реформ Танзимата одной из важнейших миссий Османского государства было воспитание государственных чиновников в духе «цивилизаторской миссии». Для объединения подданных Империя составила определенную программу образования, показав себя тем самым государством-воспитателем [1, с. 142]. Воплощавшийся первоначально в высших военных и гражданских учебных заведениях, к периоду правления Абдул Хамида II такой подход был положен в основу реформ начального образования [2, с. 110].

Как и во всех империях, основной целью образования было воспитание лояльных подданных. Одновременно требовалось, чтобы каждый из них государственные ценности считал своими, а поэтому и дорожил ими. Этот принцип народного образования был навеян враждебным по своей сути для восточной страны, как, впрочем, и для любого монархического общества, духом Французской революции [3, с. 72]. В России нечто похожее, касающееся в основном иноверческих народов, легло в основу проведенных под руководством министра просвещения графа Уварова преобразований [4, с. 83].

Принцип единства языка как основы, обеспечивающей единство нации и государства, реализовывался и в Османской империи. К примеру, один из идеологов реформ в области образования Ахмет Шакир-паша считал, что языком народного образования должен быть турецкий язык. Этот подход лег в основу борьбы и конкуренции с растущим влиянием миссионерских школ и школ христианских меньшинств [5, с. 184].

Интересен тот факт, что представители духовной власти также выступали за реформы в сфере образования. По их мнению, в основе реформ, направленных на подготовку лояльных государству чиновников, должен быть положен принцип духовного воспитания. В связи с этим примечательно предложение относительно реформ в сфере образования представителя духовной власти Шейх-уль-ислама – второго после султана-халифа человека по вопросам религии.

2 марта 1887 г. Шейх-уль-ислам Ахмет Эсад эль-Урьяни обратился во дворец с предложением изменения программы обучения в средних школах (*ruşdiye ve idadi*). Содержание его предложения состояло в том, что для укрепления религии и успешного решения частных и общих задач образования реформы в этой области необходимо начинать с начальных школ, а не с высших учебных заведений [6].

По мнению Шейх-уль-ислама, основу начального образования должно составлять образование религиозное, вводимое с начальных ступеней образования в школах *idadi*. Высказывалась мысль, что в средних школах *ruşdiye* в первый год в программе обучения из 12 учебных часов восемь часов должно быть отведено религии и арабскому языку. Грамматика турецкого языка должна опираться на правила исламской морали. В целом же в официальной государственной образовательной политике уже не было места арабскому языку – основе османского языка и исламской религии.

Подобные принципы предлагалось распространить и на военные, медицинские и инженерные высшие учебные заведения. Как отмечал Шейх-уль-ислам, власть не вправе обсуждать проблемы научного образования, но введение в образовательный процесс и религиозного образования будет достаточным для укрепления духовности населения [6].

Исключение здесь могла составлять лишь организация образовательного процесса в Галатасарайском лицее, поскольку это учебное заведение было основано и организовано согласно французской модели образования. Однако, по мнению Шейх-уль-ислама, при обучении в Галатасарайском лицее нельзя использовать книги западных авторов, содержательно и идеологически противоречащие основным ценностям Османского государства. Кроме того, он считал, что в религиозных учебных заведениях следует запретить преподавание на иностранных языках, а переводить на османский язык разрешалось только книги, прошедшие цензуру.

Схожие взгляды выражал и директор Галатасарайского лицея, предлагавший исключить из программы обучения преподавание латинского языка и философии. Он считал, что не следует рассказывать ученикам о западных мыслителях, чьи взгляды и идеи противоречат государственной идеологии Османской империи. Религиозное образование, по мнению директора лицея, следовало бы усилить; преподаватели должны быть религиозно просвещенными и лояльными по отношению к государству.

Столь консервативные позиции в целом уже не соответствовали проводимой государственной политике. Танзиматские реформы, во многом повлиявшие на судьбу Османской империи вплоть до конца ее существования, ориентировали государство на светский путь развития. Власти пошли лишь на некоторое увеличение количества учебных предметов, связанных с религией, во всех элитных учебных заведениях империи. При этом, например, Министерство военных учебных заведений официально обосновывало свои действия политикой сохранения Османской империи и исламской религии [7].

Важно, что, несмотря на определенные различия в подходах и акцентах, и духовная и светская образовательная мысль основной целью османских школ и лицеев считали подготовку компетентных чиновников, преданных государству [8].

Особое внимание в образовательной политике Османской империи отводилось контролю за учебными пособиями. Пристальный интерес к ним был отнюдь не случаен. Так, 7 марта 1898 г. при проверке Министерством просвещения подготовительных военных школ в географических картах были обнаружены неточности в изображении азиатских границ Империи, о чем было незамедлительно сообщено во дворец [7]. В результате на министерском уровне было принято решение, что география должна вводиться в учебный процесс только с третьего года обучения; на ее изучение выделялось по одному часу из 12 учебных часов. Географические карты для учебного процесса должны были проходить цензуру. Министерская проверка коснулась и школы государственных чиновников *Mekteb-i Mülkiye*. Министр просвещения Зухту-паша приказал проверить учебники, использовавшиеся в школе на уроках международного

права, и запретить все материалы, противоречащие официальной османской политике. Для этого была создана специальная комиссия [9]. В Морское училище *Mekteb-i Bahriye-i Şahane*, куда отбирались лучшие претенденты, официальные власти, озабоченные духовным воспитанием учеников, сделали запрос: требовалось сообщить названия учебной литературы по религии, имена и учебные должности преподавателей религии [9].

Существовал еще один метод для ограничения распространения враждебной и противоречащей официальной государственной политике идеологии – запрет на обучение за границей. Использование этого метода, достаточно консервативного для своего времени, особенно практиковалось в последние годы правления султана Абдул Хамида II.

Контролирующие органы в сфере образования отметили, что в целях получения образования и опыта в сфере торговли молодежь балканских провинций империи уезжала учиться в Швейцарию или Францию. Если им это не удавалось, то молодые люди поступали учиться в открытые иностранцами торговые учебные заведения, расположенные в Салониках. Такие формы образования молодежи не соответствовали как религиозным исламским, так и светским османским имперским методам воспитания. Чтобы защитить молодежь от влияния враждебной идеологии, контролирующими органами было предложено не отправлять молодых людей из аристократических семей Салоников на обучение в Европу, но одновременно добавить в учебные программы османских учебных заведений данной территории предметы, связанные с торговлей и финансами [10].

Основной упор в образовательной политике был сделан на подготовку государственных чиновников. Как отметил в своем исследовании Картер Финдлей, во время правления султана Абдул Хамида II, и в частности под его руководством, в таких учебных заведениях, как школа *Mekteb-i Mülkiye*, началась подготовка государственных чиновников нового типа, отвечавших, по мнению официальных государственных властей, всем актуальным требованиям. Кроме того, исследователь указывает, что началась работа и над формированием профессионализма государственных чиновников [11, с. 243].

В 1899 г. директор школы государственных чиновников *Mekteb-i Mülkiye* Мехмет Реджаи подписал записку, направленную во дворец. Ее текст совпадал с желанием падишаха готовить молодых чиновников, считавших себя одним целым с государством, патриотично настроенных и духовно воспитанных. Все формы прогресса, по мнению автора документа, напрямую зависят от образования народа, защиты духовных и национальных ценностей [12]. В записке говорилось о том, что подданные султана должны получать образование, сохраняя присущую Востоку духовность, бережно относиться к традициям своего общества.

Документ получил одобрение со стороны Министерства образования. Его следствием стало то, что теперь при подборе преподавателей чиновники Министерства стали в большей степени уделять внимание идеологической подготовке преподавательских кадров. Учебные программы, начиная с начальной школы до высших учебных заведений, были пересмотрены в пользу религиозного обучения. За поведением учеников устанавливался дополнительный контроль.

Большой проблемой, заслуживающей отдельного внимания, была подготовка чиновников для арабских вилоятов Османского государства. Направляя управленцев в арабские вилояты, центральным властям требовалось учитывать местные особенности, традиции и обычаи для сохранения порядка и упреждения различных бунтов. Султан и его окружение решили сделать ставку на подготовку чиновников из молодежи, детей знати и глав религиозных общин самих арабских вилоятов.

Интерес государства к арабскому и курдскому населению был совсем не случаен. Балканские кризисы, итоги русско-турецкой войны привели к потере Империей значительных территорий. В арабских и курдских регионах при поддержке англичан возникали сепаратистские настроения и набирали силу национальные движения. Чтобы удержать здесь власть, в местной администрации должны были служить лояльные султану гражданские чиновники, а воинские подразделения – возглавлять преданные султану офицеры. По этой причине османское правительство предприняло попытку решить эту проблему, открыв школу для племен под названием *Mekteb-i Aşiret*. По задумке властей школа должна была воспитывать патриотизм среди курдов и арабов. Власти считали, что подготовленные в таком направлении дети арабских шейхов и племенной знати в будущем будут препятствовать росту английского влияния на территории Османской империи в целом и в арабских вилоятах в частности. Со временем подобную образовательную политику планировалось проводить в направлении воспитания и образования балканских народов [13, с. 117].

Подобный подход был отнюдь не нов для османских властей, которые издавна старались изменить традиционный уклад жизни племен, стараясь прикрепить их к земле и заставить выполнять государственные повинности. Султан Абдул Хамид II, а именно он и был главным инициатором создания школы для племен, лишь довел политику прежних султанов до логического завершения.

Mekteb-i Aşiret открыла свои двери 3 октября 1892 г. [14, с. 22]. Школа сначала представляла из себя интернат с двухлетним сроком обучения, который впоследствии был продлен до пяти лет. Целью образовательного процесса было просвещение племенной молодежи из арабских и курдских вилоятов и воспитание будущих лояльных государству чиновников. В программе обучения особое внимание уделялось изучению турецкого языка, однако из-за того, что большинство поступивших в школу учеников не владело турецким языком, преподавание в школе параллельно велось и на арабском языке.

Главным исполнителем султанского проекта стал губернатор одного из арабских вилоятов Осман Нури-паша. Он подготовил проект о создании школы, позже утвержденный правительством. Согласно документу министерством просвещения во главе с министром Зухту-пашой был составлен учебный план, определен состав учителей.

К открытию школы каждый вилоят (Сирия, Багдад, Алеппо, Басра, Мосул, Диярбекир, Траблусгарб) направил на обучение по четыре ученика возрастом от 12 до 16 лет. Им предполагалось выплачивать стипендию в размере 30 курушей. Вилояты Йемен и Хиджаз направили по пять учеников. Таким образом, правительство уделяло особое внимание этим регионам Империи, так как здесь

более всего ощущался недостаток лояльных османской администрации чиновников.

Обучение в школе было бесплатным. Учеников набирали из знатных семей арабских и курдских шейхов и военачальников. Позже под давлением, оказанным на правительство албанской знатью, было принято решение принимать в школу и албанцев.

По утверждению министра внутренних дел Халила Рифат-паши, арабские шейхи, ранее не пускавшие своих детей дальше своих шатров, увидели единственный путь для преодоления невежества. Они с большим желанием направляли своих детей на учебу, даже конкурируя между собой [15]. Показателен пример, когда из-за того, что квота, выделенная на его вилоят была заполнена, шейх Али эль-Неджати отправил своего сына на учебу, понеся дорожные расходы и заплатив за обучение [16, с. 83–107].

Школа открылась во дворце Эсма Султан в Стамбуле в районе Бешикташ. Ее первым директором стал Реджаи Эфенди. Для детей, оказавшихся вдали от родителей и к тому же не знавших турецкого языка, обучение оказалось достаточно трудным. Дисциплина в школе была очень строгой; ученики находились практически под домашним арестом – лишь изредка им разрешалось выходить в город и то под строгим контролем. Ученикам, имевшим в городе родственников, разрешалось оставаться у них на выходные дни. Но таких было меньшинство, и вскоре из-за зависти других учеников, не имевших родственников в городе, это было запрещено. Как писал министр просвещения Зухту-паша, детей из «диких семей», незнакомых с цивилизацией, в город пускали, но только под строгим контролем. По пятницам для них организовывали экскурсии в главные мечети, что им очень нравилось [17]. По приказу руководства школы все письма учеников к родственникам проходили цензуру и «ненужные слова» исправлялись [18].

За время обучения в школе из «дикого кочевника», а именно такими виделись представители племен османской администрации, предполагалось подготовить настоящего *эфенди* (интеллигента). Ученики изучали классический арабский и османский, фарси и французский языки. Для создания официального иконографического представления о могуществе империи и двуединой светской и духовной султанской власти преподавались османская история и история ислама. Большое внимание уделялось таким дисциплинам, как география и математика. Оценки в школе выставлялись по 100-балльной системе, принятой и в наши дни в современной Турции.

Сам султан Абдул Хамид II был очень заинтересован в работе данного учебного заведения и лично интересовался успехами каждого ученика. Ему ежегодно предоставлялась информация об успеваемости [19]. Учеников с неудовлетворительным поведением запрещалось отправлять в отпуск домой. После окончания школы выпускники продолжали образование в Галатасарайском лицее и в школе государственных чиновников *Mekteb-i Mülkiye* [13, с. 116]. По окончании этих высших учебных заведений они становились учителями или чиновниками и возвращались в свои вилояты.

В первое десятилетие своего существования школа приняла более 300 учени-

ков, из них около сотни стали выпускниками. Однако выпускники этого учебного заведения, познав все прелести цивилизации, уже не хотели возвращаться в свои проблемные регионы и стремились остаться на службе в Стамбуле или, по крайней мере, искали возможности для трудоустройства в центральных городах своих вилюатов [20].

Вплоть до 1895 г. школа подчинялась Министерству просвещения, затем была подчинена Военному министерству. 22 сентября 1897 г., по информации одного из высших чиновников Военного министерства маршала Мустафы Зекипаши, первые 50 выпускников этой школы были направлены на обучение в высшие военные и гражданские учебные заведения [21].

Школа была неожиданно закрыта в 1907 г. Причиной закрытия, официально объявленной властями, стала стычка между учениками из-за качества питания. Но, на наш взгляд, есть еще другая и более серьезная причина – арабский национализм и растущее влияние движения младотурок, в то время набравшее силу среди гражданских чиновников и военнослужащих [22, с. 126].

В целом следует отметить, что, несмотря на непоследовательность проводимой политики, Османское государство показало готовность идти на компромиссы. Реформы в области образования дали толчок переменам как в социальной, так и в политической жизни страны. Преобразования снимали диспропорции в общественном развитии и позволяли государственной системе более устойчиво функционировать. Кроме того, в дальнейшем осуществленная на основе этих реформ реорганизация государственного механизма усилила способность имперской структуры реагировать на меняющиеся во внутренней и внешней политике условия. В обществе образовалась новая прослойка – интеллигенция, начавшая активно участвовать как в политической, так и в общественной жизни страны. Реформы в области образования положили начало формированию новой, более передовой идеологии, направленной на внедрение прогрессивных идей в систему государственного управления.

Библиографический список

1. *Smith A.D.* Ethnic Origin of Nations. Oxford, 1986.
2. *Hobsbawm E.* Nation and Nationalism. Cambridge, 1990.
3. *Weber E.* Peasants in to Frenchmen. The Modernization of Rural France 1870–1914. Stanford, 1970.
4. *Anderson B.* Imagined Communities. London, 1991.
5. *Karaca A.* Doğu Anadolu İslahatı ve Ahmet Şakir Paşa 1838–1899. İstanbul, 1993.
6. Başbakanlık Arşivi Yıldız Mentevvi Maruzat (Архив премьер-министра. Обращения в резиденцию султана дворец Йылдыз. Далее ВВА. Y. Mtv). 25/52. 2 Mart 1887. Bab-ı Fetva Encümen-i Maarif, Şeyhülislam Ahmed Es'ad El-Uryani.
7. ВВА. Y. Mtv. 175/234. 7 Nisan 1898. Serasker Rıza Paşa'dan Maarif Nazırı'na.
8. ВВА. Y. Mtv. 189/184. 6 Ocak 1891. Maarif Nezareti'nden tamim.
9. ВВА. Y. Mtv. 113/49. 9 Şubat 1893. Maarif Nazırı Zyhdy Paşa. Maarif Nezareti No. 62.
10. ВВА. Y. Mtv. 172/20. 23 Ocak 1898. Yaver-i Şehriyari ve Askeri Okullar Nazırı Mustafa Zeki Paşa'dan Yıldız Sarayı'na.
11. *Findley C.* Ottoman Civil Officialdom. A Social History. Princeton, 1989.
12. ВВА. Y. Mtv. 189/184. 11 Mayıs 1899. Maarif Nezareti. Maarif Nazırı Ahmet Zyhdy Mekteb-i Sultani Mьдыгь Abdurrahman Şeref, Mekteb-i Mьlkiye Mьдыгь Mehmed Recai tarafından imzaanan tezkire.

13. *Akpınar A.* Osmanlı Devleti'nde Aşiret Mektebi. İstanbul, 1997.
14. *Kodaman B.* Sultan II. Abdülhamid'in Doğu Anadolu Politikası. İstanbul, 1983.
15. BBA. Y. Mtv. 67/90. 20 Eylül 1892. Dahiliye Nazırı Halil Rifat Paşa'dan Yıldız Sarayı'na. Bab-ı Ali Dahiliye Nezareti, No 42.
16. *Rogan E.* Asiret Mektebi: Abdülhamid II's Scholl for Tribes 1892–1907 // International Journal of Middle East Studies. 1996. No 28.
17. BBA. Y. Mtv. 70/14. 26 Ekim 1892. Maarif Nazırı Zыһть Paşa'dan Yıldız Sarayı Mabeyin Kitabeti'ne.
18. BBA. Y. Mtv. 73/99. Aşiret Mektebi'nin Talimname-i Dahiliyesidir.
19. BBA. Y. Mtv. 76/88. 8 Nisan 1893. Maarif Nazırı Zыһть Paşa'dan Yıldız Sarayı'na.
20. Başbakanlık Arşivi Yıldız Sadaret Resmî Maruzat (Архив премьер-министра. Скрытая переписка резиденции султана дворца Ыылдыз). 134/17. 25 Mart 1905. Dahiliye Nezareti'nden Sadaret Dairesi'ne. No. 161.
21. BBA. Y. Mtv. 167/189. 21 Eylül 1897. Askeri Mektepler Nazırı Мьşir Mustafa Zeki Paşa'dan Yıldız Sarayı'na. О личности маршала Мустафы Зеки Паши см.: Salname-i Devlet. 1315.
22. *Mardin Ş.* Religion and Social Change of Modern Turkey. New York, 1989.

O.L. Moskalenko
Professional Aspect
of the Personal Culture
of the Coast Guard Officer

The nature, specificity and structure of personal culture of the coast guard officer as a subject of border activity is considered. The relationship between the general and professional culture, their role and place in the personal culture are revealed.

Key words and word-combinations: coast guard officer, personal culture, professional culture.

Рассматривается сущность, специфика и структура культуры личности сотрудника береговой охраны как субъекта пограничной деятельности. Раскрывается взаимосвязь общей и профессиональной культуры, их роль и место в культуре личности.

Ключевые слова и словосочетания: сотрудник береговой охраны, культура личности, профессиональная культура.

УДК 005.336.5:351.749.2
ББК 87.774п:67.401.213

О.Л. Москаленко

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ
ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА
БЕРЕГОВОЙ ОХРАНЫ

Происходящие в мире преобразования в экономической, политической, социальной и военной сферах остро ставят вопрос о сохранении суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации. На современном этапе развития Российского государства идет формирование нового облика Государственной границы. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечено, что надежная защита и охрана государственной границы Российской Федерации является одним из условий обеспечения национальной безопасности [1, с. 15].

Реальные угрозы, возникающие в морском пограничном пространстве, наносят серьез-

ный ущерб национальным интересам Российской Федерации. Важнейшее место среди них занимает расхищение морских биологических ресурсов. По оценкам Главного контрольного управления Президента России, от незаконного вылова и экспорта морепродуктов государство ежегодно несет потери, составляющие до 2,5 млрд долларов США, что сопоставимо с цифрами, характеризующими отток капитала за рубеж.

В целях обеспечения национальной безопасности в морском пограничном пространстве осуществляется формирование береговой охраны ФСБ России как комплексной, многофункциональной и многокомпонентной системы, способной обеспечить противодействие существующим на море угрозам. Она значительно отличается от предшествующей системы охраны границы и морского пространства. В частности, появилась потребность в новом типе личности сотрудника береговой охраны, характеризующемся высокими социально-нравственными качествами в сочетании с хорошей профессиональной подготовкой.

Сотрудник береговой охраны должен быть образованным человеком, способным творчески решать текущие и перспективные задачи, возлагаемые на соответствующее подразделение. Исходя из этого, выдвигаются особые требования к уровню его подготовленности, и прежде всего к уровню личностной культуры.

Как социальный феномен культура личности сотрудника береговой охраны представляет собой явление достаточно сложное и объемное. Она складывается из знаний, умений, ценностных ориентаций, потребностей и проявляется в характере общения и созидательной деятельности ее носителя. Уровень культуры личности определяет качественную сторону профессиональной деятельности, придавая ей целостность и устойчивость. Вместе с тем необходимо отметить, что в настоящее время нет специальных исследований, посвященных социально-философскому осмыслению такого феномена, как культура личности сотрудника береговой охраны, поэтому определение сущности культуры личности сотрудника береговой охраны, выявление ее основных структурных компонентов и их взаимосвязи, роли и места в ней профессиональной культуры особенно актуально.

Сотрудник береговой охраны, несмотря на специфичность своей профессиональной деятельности, глубоко и органично включен в определенную систему отношений, сложившихся в обществе, поэтому его культура личности включает в себя многие структурные компоненты, присущие гражданам вообще.

Понятия «культура» и «личность» тесно взаимосвязаны между собой. Их содержание достаточно точно определено в социальной философии, однако содержание понятия «культура личности» не имеет четкой дефиниции и требует социально-философского осмысления.

Анализ научной литературы позволяет выделить три основных подхода к раскрытию содержания структурных компонентов культуры личности: по соотношению духовного и практического, по сфере проявления и по степени обобщения.

С точки зрения соотношения духовного и практического в культуре личности выделяются теоретический, чувственно-психологический и деятельностный уровни. По сфере проявления культуру личности можно представить как единство внутренней и внешней культуры. Внутренняя культура включает духовное

богатство личности, ее мировоззрение, знания и чувства, убеждения и взгляды, жизненные идеалы и принципы; внешняя – степень реализации духовного богатства личности, ее знаний и чувств в повседневной деятельности, внешний облик, культуру общения, определенные умения, навыки, приемы деятельности и поведения. По степени обобщения культуру личности можно разделить на общую и профессиональную. Общая культура включает в себя все то, что характерно для всего общества и представляет собой определенный уровень развития существенных сил человека, проявляющийся в знаниях, навыках, умениях, привычках, качествах, необходимых человеку в повседневной жизни. Профессиональная культура представляет собой меру и качество деятельности человека в определенной, строго ограниченной сфере деятельности.

Различные подходы к пониманию содержания культуры личности не противоречат, а дополняют друг друга. Все рассмотренные структурные компоненты находятся в тесной диалектической взаимосвязи и позволяют оценивать культуру личности с различных сторон ее жизнедеятельности. Таким образом, культура личности – это определенный уровень ее духовного развития, сознания и поведения, в котором отражается степень освоения данной личностью окружающего мира и способность реализовывать его результаты в повседневной жизни в системе существующих общественных отношений.

Специфика пограничной деятельности детерминирует общие свойства и качества культуры личности сотрудника пограничных органов, определяющие уровень его духовного развития и способствующие реализации возложенных на них профессиональных задач. Вот почему культура личности сотрудника береговой охраны включает в себя многие структурные компоненты, присущие всем сотрудникам пограничных органов.

Культура личности сотрудника пограничных органов специалистами анализируется в своеобразном единстве военно-профессиональной, политической, правовой, познавательной, нравственной, эстетической, художественной, экологической, речевой и физической культур [2, с. 94].

Таким образом, культуру личности сотрудника береговой охраны необходимо рассматривать в единстве общего и особенного. Это означает, что она включает в себя структурные компоненты, присущие всем людям вообще и сотрудникам пограничных органов в частности: образованность, эрудицию, политическое и правовое самосознание, нравственность, культуру поведения и общения, чувство чести и собственного достоинства, а также профессионализм. В то же время культура личности сотрудника береговой охраны как субъекта пограничной деятельности имеет свои характерные черты. Именно специфика выполнения задач по защите и охране морских пограничных пространств формирует не только облик личности, но и определяет основные структурные компоненты культуры личности сотрудника береговой охраны.

Рассмотрим основные особенности профессиональной деятельности сотрудника береговой охраны в морском пограничном пространстве.

Во-первых, охрана морского пограничного пространства подразделениями береговой охраны происходит повседневно в процессе оперативно-служебной деятельности. Корабль охраняет определенный участок границы и выполняет

конкретную боевую задачу. В этих условиях каждый сотрудник береговой охраны несет персональную ответственность за исполнение возложенных на него обязанностей.

Во-вторых, специфика оперативно-служебной деятельности на морских и особенно на озерных и речных участках государственной границы заключается в скоротечности изменения обстановки, что, в свою очередь, повышает требования к профессиональным качествам, навыкам, знаниям каждого специалиста. От усвоения и применения установленных правил поведения зависит успех охраны границы в целом.

В-третьих, морская служба пограничников может проходить в районах различной юрисдикции. Это означает, что в открытом море, исключительной экономической зоне, территориальном море и во внутренних водах пограничники имеют различные права и обязанности по отношению как к своим, так и иностранным судам и кораблям. Особую роль здесь играет знание сотрудниками береговой охраны международно-правовых норм.

В-четвертых, специфика деятельности обусловлена непосредственным общением с иностранными гражданами. Существуют установленные полномочия по осмотру и задержанию иностранных судов в определенных районах, что потенциально может затрагивать международные отношения. По этим причинам сотрудник береговой охраны должен уметь общаться на иностранном языке (преимущественно английском), проявляя при этом строгость и принципиальность, корректность и вежливость в любых ситуациях [3, с. 276–277].

В-пятых, заметное влияние на личность оказывает относительная изоляция сотрудников, непосредственно исполняющих профессиональные обязанности в составе боевых постов и боевых частей с одновременным стремлением к единению в силу относительной малочисленности экипажей кораблей и катеров [4, с. 16].

В-шестых, от сотрудников требуется умение действовать в агрессивной среде. В последнее время браконьерство в морских пространствах России стало более масштабным, дерзким и изощренным. Со стороны браконьеров и их пособников отмечается рост противоправных акций, направленных против сотрудников пограничных органов. Вот почему, выполняя оперативно-служебные задачи, сотрудник береговой охраны должен быть постоянно готов действовать в различных ситуациях.

Итак, особенности пограничной деятельности в морском пространстве позволяют выделить основные составные компоненты культуры личности сотрудника береговой охраны: морскую культуру, политическую и правовую культуру, культуру жизненного самоопределения, нравственную и эстетическую культуру, речевую и физическую культуру. Структурные компоненты культуры личности взаимосвязаны между собой и в совокупности на различных уровнях проявляются в общей и профессиональной культуре сотрудника береговой охраны. В целом же культура личности сотрудника береговой охраны объективно требует от него постоянного духовного и физического развития; зримо проявляет меру и способ реализации сложившихся черт сознания, компетенций и поведения в профессиональности деятельности по охране и защите морских пограничных пространств.

Общая и профессиональная культура сотрудника береговой охраны имеют единую методологическую основу. Они находятся между собой в функциональной связи и взаимодополняют друг друга. Все элементы общей и профессиональной культуры в совокупности составляют основу культуры личности сотрудника береговой охраны.

Вместе с тем специалистами высказывается мнение, что не совсем правомерно включать в структуру профессиональной культуры такое понятие, как общая культура, так как они имеют между собой отношение соподчинения, а не субординации [5, с. 61]. В контексте рассматриваемой темы следует заметить, что общая и профессиональная культура представляют собой два равных структурных компонента культуры личности, обуславливающих друг друга, но не совпадающих.

Общая культура является фундаментом личности сотрудника береговой охраны и его профессиональной культуры. Она включает в себя широкий спектр знаний (социально-политических, правовых, военно-научных, экономических, этических) и проявляется в различных формах общественных отношений. Общая культура оказывает решающее влияние на результаты деятельности сотрудника береговой охраны. Это связано с тем, что для обеспечения высокого уровня профессионализма необходима культурная основа профессиональной деятельности: сотрудник должен сочетать в себе профессиональные способности, знания, умения, навыки и опыт при достаточно высоком уровне общей культуры.

Профессиональная культура сотрудника береговой охраны представляет собой сложное системное единство специальных теоретических знаний, практических навыков и умений, а также моральных норм и правил, необходимых в профессиональной деятельности. Она находится на границе общей культуры сотрудника береговой охраны и его специальной подготовки, включая в себя и критерии, определяющие его отношение к профессиональной деятельности, и требования, существующие в обществе вне профессиональной деятельности.

Таким образом, культура личности сотрудника береговой охраны представляет собой сложное социальное явление, обладающее определенной автономией и включающее в себя общую культуру личности и профессиональную. Вот почему, только решив задачу по формированию у сотрудника береговой охраны общей и профессиональной культуры, можно говорить о том, что он полноценно подготовлен качественно выполнять важные государственные задачи по обеспечению безопасности личности, общества и государства в морском пограничном пространстве.

Библиографический список

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Рос. газ. 2009. 19 мая, № 88.
2. Рыжков В.Н. Культура офицера пограничных органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации: учеб. пособие. М., 2007.
3. Гуманитарные основы управленческой деятельности в войсках и органах Пограничной службы России: учебник: в 2 т. М., 2000. Т. 2.
4. Морская пограничная культура / П.И. Лемперт [и др.]; науч. ред. В.А. Дмитриев. М., 2009.
5. Черницкий О.А. Профессиональная культура российского офицера: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. М., 2001.

**I.L. Prokhorenko
The Spanish Model
of Local Government:
the Experience for Russia**

The stages and lines of the local government reform during the period of democratic changes in Spain after Franco's death are revealed. The general analysis of the local government system of Spain in the context of the state and territorial structure of the country is given.

Key words and word-combinations: local government, municipal bodies, municipal electoral systems, municipalities funding.

Показаны этапы и направления реформы местного самоуправления в период демократических перемен в Испании после смерти Франко. Дан общий анализ системы местного самоуправления Испании в контексте государственно-территориального устройства страны.

Ключевые слова и словосочетания: местное самоуправление, муниципальные органы, муниципальные избирательные системы, финансирование муниципалитетов.

УДК 352/353:342.25(460)
ББК 66.3(0),124:67.400.7(4Исп)

И.Л. Прохоренко

**ИСПАНСКАЯ МОДЕЛЬ
МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ:
ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ**

В отличие от федеративной по форме государственного устройства России, Испания является разновидностью регионального государства, для которого характерно сочетание унитарных и федеративных черт. В Испании установлена континентальная модель управления на местах, которой присущи сочетание местного самоуправления и государственного (в форме контрольных органов) управления, выборности и назначаемости должностных лиц, иерархии и ограниченной автономии местных сообществ.

После краха режима Франко Конституция Испании 1978 г. предоставила провинциям, имеющим территориальную, историческую, культурную и экономическую общность, право получить самоуправление. В итоге, соответственно прежнему делению страны на провинции и исторические области, было образовано 17 автономных сообществ (регионов), после чего Королевство стали называть «государством автономий». Конституция страны гарантирует автономию и местным сообществам – муниципалитетам и провинциям. Оно предоставляет им всю полноту прав юридического лица.

Испания поделена на 50 провинций (47 – на полуострове, 3 – на островах). С принятием Конституции 1978 г. место провинции в территориальном управлении государства изменилось. С одной стороны, были сформированы, начали функционировать и развиваться институты регионального управления, с другой – в структуре местной власти возросли роль и значение муниципалитетов.

Муниципалитеты (их около 8 тыс.) являются первичным звеном территориального устройства. Численность населения в них составляет от нескольких жителей (около 84% муниципалитетов насчитывают менее 5 тыс. чел., а 60% – менее 1 тыс. чел.) до более 3 млн человек (6 городов перешагнули полумиллионный рубеж, а население еще 60 городов достигло 100 тыс. жителей). Существуют надмуниципальные территориальные образования – комарки и манкомунисипалитеты – в границах регионов. Особый статус имеют столичные округа. Организацию и финансирование местного управления Наварры и Страны Басков устанавливает форальный режим, регулирующий их отношения с центром на основе соглашений по типу старинных средневековых вольностей фуэро. В отношении остальных провинций и муниципалитетов действует общий режим.

Важной вехой стал Закон 1985 г. о регулировании основ режима местного управления [1]. В его текст были внесены изменения и дополнения в 1999 г. [2] и в 2003 г. [3]. Реформа проходила при взаимодействии центра с автономными сообществами, которые институционально оформились ко второй половине 1980-х годов и приняли свои статуты.

Разграничение предметов ведения, полномочий и функций центральной, региональной и местной властей представляет собой непрерывный, постоянно развивающийся процесс, цель которого – достичь согласования интересов. После вступления Испании в 1986 г. в Европейский союз и подписания ею Европейской хартии местного самоуправления европейская интеграция становится важным фактором этого процесса.

Закон 2003 г. дополнил базовый Закон о регулировании основ режима местного управления новым разделом о режиме организации крупных городов. К ним относятся муниципалитеты с населением свыше 250 тыс. человек; столицы провинций, чье население превышает 175 тыс. жителей; столицы провинций, автономных сообществ или места нахождения автономных институтов и учреждений; муниципалитеты с населением свыше 75 тыс. человек, имеющие особую экономическую, социальную, историческую или культурную значимость.

В отличие от регионов, обладающих административными и законодательными полномочиями, местные сообщества Испании располагают лишь административными полномочиями. Объем компетенций местных властей напрямую зависит от численности населения муниципалитета (пороговыми величинами выступают следующие цифры: до 5 тыс., до 20 тыс. и свыше 50 тыс. жителей). Чтобы система местного управления отвечала современным требованиям, было решено разделить стратегические, наиболее важные политические и нормотворческие функции местной власти, с одной стороны, и исполнительно-административные – с другой. Для открытого и конструктивного обсуждения и контроля совещательным и контролирующим органом местной власти становится пленум – орган политического представительства граждан муниципалитета, в состав которого входят выборные советники во главе с председателем – алькальдом (мэром).

Советников выбирают путем прямых выборов по пропорциональной системе (по партийным спискам) с использованием формулы д'Ондта. Партиям следует набрать 5% голосов избирателей, чтобы получить места в органах местного само-

управления. Количество избираемых советников зависит от численности населения. Муниципалитеты с населением до 250 жителей избирают 5 советников, от 251 до 1 тыс. – 7, от 1 до 2 тыс. – 9, от 2 до 5 тыс. – 11, от 5 до 10 тыс. – 13, от 10 до 20 тыс. – 17, от 20 до 50 тыс. – 21, от 50 до 100 тыс. – 25. В крупных муниципалитетах число советников возрастает на единицу с каждыми 100 тыс. жителей. Несколько иные цифры существуют в отношении выборов советников территорий Канарских островов. В случае смерти лица, избранного на пост советника, неспособности и отказа советника исполнять свои обязанности, его место передают другому кандидату, следующему за ним в партийном списке.

Запрещено выдвигать кандидатами лиц, которые являются прямыми или опосредованными должниками органа местного самоуправления и в отношении которых вынесено судебное решение; адвокатов и прокуроров, представляющих в суде конфликтующую с органом местного самоуправления сторону; руководителей служб, должностных лиц или служащих местной администрации; директоров провинциальных и местных сберегательных касс; подрядчиков или субподрядчиков по контрактам, чье полное или частичное финансирование возложено на орган местного самоуправления или подчиненное ему учреждение. Выборы алькальда не являются прямыми: его выбирают советники из своего числа абсолютным большинством голосов. Если никто из кандидатов не набрал необходимого числа голосов, алькальдом становится кандидат, возглавивший партийный список победившей на местных выборах партии.

Закон предусматривает смещение с поста алькальда в результате вынесения вотума недоверия абсолютным большинством голосов от списочного числа советников. В свою очередь, алькальд вправе поставить перед пленумом вопрос о доверии себе.

Главными политическими функциями пленума являются контроль и инспектирование муниципальных органов, голосование по вопросу о вотуме доверия / недоверия председателю. Среди законодательных функций пленума – утверждение обязательных нормативных документов и внесение в них изменений и дополнений. Это положения о пленуме муниципалитета, общественном совете города, комиссии по рассмотрению жалоб и предложений, дополнительных органах и процедурном порядке участия граждан, разделении муниципалитета на районы, определении и регулировании работы районных органов, полномочиях органов представительства и участия граждан в деле определения организации и полномочий исполнительных органов муниципальной администрации.

В компетенции пленума оказалось и утверждение документов, имеющих институциональное и стратегическое значение в управлении муниципалитетом. Они касаются прежде всего участия в надмуниципальных образованиях; порядка создания, функционирования и упразднения территориальных образований субмуниципального уровня; разграничения и изменения границ муниципалитета, изменения столицы муниципалитета, его названия и символов; принятия бюджета. Пленум также определяет формы управления муниципальными службами и режим трудового вознаграждения для членов пленума, его генерального секретаря, который назначается на конкурсной основе из числа

служащих государственной администрации, алькальда, членов совета местного управления и руководящих работников муниципальных органов. Именно пленум выносит конфликты полномочий для их решения в другие местные учреждения или перед иными органами государственной администрации.

При пленуме работают комиссии. На них возложены подготовительная, распорядительная и контрольная функции. Система комиссий позволяет осуществлять разделение труда между членами пленума и советниками, а также представлять собой механизм контроля над деятельностью муниципальных чиновников. В состав комиссий входят представители победивших на местных выборах партий пропорционально числу избранных от партии депутатов, которые не обязательно являются советниками. Создание счетной комиссии, а также комиссии по рассмотрению жалоб и предложений для обеспечения участия в местном самоуправлении граждан и защиты их интересов является обязательным.

Алькальд наделен правом высшего представительства муниципалитета, обладая исполнительными полномочиями для руководства управлением и администрацией муниципалитета, несет ответственность за управление муниципалитетом перед пленумом и гражданами. Он созывает и ведет в качестве председателя заседания пленума и совета местного управления, разрешая ситуации, при которых подано одинаковое количество голосов, с помощью решающего голоса; назначает и освобождает от должности своих заместителей и председателей районных советов. Руководя муниципальными службами и контролируя их деятельность, алькальд издает приказы, распоряжения и инструкции. В его подчинении находятся муниципальная администрация и полиция. Именно он осуществляет экономическую деятельность, распоряжаясь расходной частью бюджета.

Значительными функциями наделены коллегиальные исполнительные органы – советы (хунты) местного управления в муниципалитетах и провинциях. До трети численности советов, исключая алькальда, могут составлять лица, не являющиеся выборными советниками, а представляющие собой профессионалов-управленцев. Алькальд вправе назначать и освобождать от должности членов совета.

Некоторые эксперты полагают, что именно недостатки пропорциональной системы объясняют непосредственную зависимость выдвижения депутатов от позиций партийного аппарата, бюрократии, которая может, руководствуясь своими узкогрупповыми интересами, включать в партийные списки непопулярных людей. Однако возможность такого рода действий зависит от характера внутривнутрипартийных отношений. В партиях с развитой внутривнутрипартийной демократией она минимальна.

В полномочия совета входит утверждение проектов распоряжений и положений. В их числе документы, составляющие основной корпус местных законов, за исключением нормативов, регулирующих работу пленума и его комиссий. На рассмотрение совета выносятся проект бюджета, проекты и планы муниципального строительства и благоустройства, планы управления муниципальным хозяйством и проекты муниципального строительства. На совет возложены также выдача лицензий; заключение договоров и выдача концессий; дея-

тельность по управлению, приобретению и отчуждению имущества; осуществление хозяйственной деятельности; выдача разрешений и распоряжений в сфере расходования средств, а также работа с кадрами.

Закон позволяет алькальду передавать совету часть своих полномочий в сфере руководства и контроля над деятельностью муниципальных служб. Аналогичным образом совет наделен правом делегировать различные полномочия заместителям алькальда, членам совета, должностным лицам местной администрации. В отличие от заседаний пленума, заседания совета являются закрытыми – на сферу его деятельности распространяется принцип коммерческой тайны.

Анализ распределения властных полномочий в организационной структуре органов на местах позволяет говорить о существовании в Испании смешанной модели по аналогии с соответствующими формами государственного правления – парламентской и президентской. Исполнительная и представительная власть четко не разделены: алькальд является председателем пленума с правом решающего голоса, хотя и не обладает правом вето на решения представительного органа местной власти. Это позволяет избежать противостояния вплоть до политической оппозиции между алькальдом и пленумом, как это случается в странах с классической президентской моделью организации местного самоуправления.

Функции исполнительной власти распределены между алькальдом и коллегиальным исполнительным органом – советом. Избираемый советниками алькальд несет индивидуальную ответственность за руководство муниципалитетом и подотчетен пленуму, который может вынести ему вотум недоверия. В итоге не происходит избыточной концентрации управленческих полномочий в руках одного лица, а значит, единоличного руководства местной администрацией, что оказывается особенно важным для страны с давними традициями каудильизма (почтение перед личностью предводителя, каудильо).

Некоторые эксперты полагают, что именно недостатки пропорциональной системы объясняют непосредственную зависимость выдвижения депутатов от позиций партийного аппарата, бюрократии, которая может, руководствуясь своими узкогрупповыми интересами, включать в партийные списки непопулярных людей. Однако возможность такого рода действий зависит от характера внутривнутрипартийных отношений. В партиях с развитой внутривнутрипартийной демократией она минимальна.

Одним из главных направлений реформы местного самоуправления стали меры по децентрализации и усилению участия граждан в данной сфере, что затрагивает сущностную структуру общества и способность его членов к коллективному действию.

Закон о регулировании основы местного управления в редакции 2003 г. предусматривает меры по снижению степени концентрации административной деятельности в сфере муниципального управления. Этот пример может оказаться полезен для России. Территориальная децентрализация достигла субмуниципального уровня для больших городов: внутри муниципалитетов создаются районы как территориальные единицы, наделенные органами управления в целях поощрения и развития участия граждан в управлении делами муници-

палитета. Закон обязывает муниципальные власти определять в виде нормативов минимальный процент бюджетных средств, которыми должны распоряжаться районы в совокупности. Разделение на районы обладает несомненными достоинствами практического и демократического характера, но порождает проблему координации действий различных местных органов и поддержания определенного равенства (прежде всего в финансовой сфере) между районами с неодинаковыми источниками самофинансирования.

Предусмотрено создание общественного совета города, куда входят представители наиболее значительных экономических, общественных, профессиональных организаций и объединений жителей. Жители муниципалитетов, обладающие активным избирательным правом, получили право законодательного предложения – народной инициативы. В муниципалитетах с числом населения менее 5 тыс. человек для этого требуется 20% подписей от общего количества жителей, от 5 до 20 тыс. жителей – 15%, свыше 20 тыс. – 10%.

В то же время передача административных рычагов локальной автономии не является автоматическим решением проблемы представительной демократии. Сообщество представляет собой не просто территорию, а пространство как организованную территорию, где проживает группа лиц, функционируют институты, формируется совокупность взаимодействующих интересов, а значит, складываются условия и обстоятельства для возникновения естественных конфликтов как между территориальными единицами и центром, так и между самими территориальными единицами.

В целях организации административного контроля центра над местными властями, постоянного и эффективного взаимодействия между ними была создана Национальная комиссия местной администрации под председательством главы министерства территориальной политики (до недавнего времени – министерства государственной администрации). Комиссия состоит поровну из представителей местных территориальных образований и государственных служащих.

Для взаимодействия территориальных образований различного типа – городских и сельских муниципалитетов и провинций – между собой, а также с центральными и региональными властями в 1981 г. была учреждена Испанская федерация муниципалитетов и провинций, объединившая около 7 тыс. муниципалитетов. Ее председатель наделен полномочиями члена пленума Национальной комиссии местной администрации с правом решающего голоса. На региональном уровне функционируют ассоциации местных территориальных образований, в той или иной форме связанные с Федерацией. На международной арене Федерация выступает в качестве испанской секции Совета муниципалитетов и регионов Европы, а штаб-квартира Федерации является официальной резиденцией Иберо-американской организации межмуниципального сотрудничества.

Нельзя обойти стороной вопрос об эффективности местного самоуправления в сфере экономики, о влиянии проводимой местными властями политики расходов и налогообложения на макроэкономическую политику государства. На органы местного самоуправления возложены следующие экономические функ-

ции: размещение ресурсов, включая деятельность естественных монополий – служб водоснабжения и канализации, коммунальных служб, торговых организаций, служб недвижимости (например, предоставление жилья надлежащих стандартов), что требует прямого вмешательства или регулирования со стороны местных органов; распределение и перераспределение доходов через налоги и субсидии; регулирование как выполнения на местах регулирующих функций центрального правительства (примером здесь может служить политика в области землепользования, урбанизации, экологии); стабилизация. Проблема успешной экономической деятельности на местах, в том числе и в плане энергоэффективности и энергосбережения, особенно важна для России, где дополнительную сложность представляют суровые зимы, а значит, долгий отопительный сезон и трудоемкая уборка снега.

Предполагается, что местные органы управления имеют больше возможностей для нововведений и экспериментов при поиске собственных путей решения тех или иных проблем. Ошибки местного масштаба, масштабы и издержки возможных экспериментов в финансово-экономической сфере менее опасны, чем ошибки, совершаемые центральным правительством. В Испании доля местных органов управления в структуре общественных расходов (13–14%) соответствует аналогичным показателям в других странах Евросоюза, например в Германии, которую считают образцом федеративного государства с устоявшимися традициями местного самоуправления [4, с. 9], а также России (18% консолидированного бюджета [5]).

Итогом процессов децентрализации в государствах – членах ЕС стало смещение доли расходов на субнациональный уровень, а значит, повысилась ответственность местных властей за проводимую ими финансовую и социально-экономическую политику в соответствии с передаваемыми им центральной властью полномочиями и функциями.

Закон о регулировании основ режима местного управления в последней редакции перечисляет основные принципы финансово-экономической деятельности местной власти (ст. 133). Прежде всего это выполнение задачи обеспечения бюджетной стабильности, что отвечает положениям Генерального закона 2001 г. о бюджетной стабильности. Определение степени выполнения этой задачи на этапе принятия, а затем подведения результатов исполнения осуществляется согласно требованиям Европейской системы национальных и региональных форм учета и отчетности и предполагает отсутствие финансового дефицита.

Выделение средств в соответствии с принципами действенности и эффективности должно согласовываться с определением и выполнением поставленных задач. Это особенно важно в связи с тем, что финансовая задолженность стала одной из главных проблем местной власти, которую невозможно решить без участия центра. В этом смысле эффективными оказались меры государства по введению лимитов и ограничений на проведение кредитно-денежных операций муниципалитетами и провинциями; обязательное разрешение министерства экономики и финансов соответствующего региона на взятие долгосрочного кредита местными властями; налаживание механизмов контроля, инспек-

тирования и обмена информацией с участием министерства, Центробанка страны, Банка местного кредитования и автономных сообществ.

Принцип отделения функций бухгалтерского учета и проверки от управления финансово-экономической деятельностью означает завершение существования традиционной модели, когда бухгалтерский учет и проверка были совмещены. С 2003 г. документы, акты и досье муниципальной администрации и всех подчиняющихся ей учреждений и организаций подлежат не только внутреннему контролю, но и проверке со стороны генеральной муниципальной инспекции, не зависящей от муниципальных органов и учреждений. Ее руководитель назначается государством из числа чиновников местной администрации. К сожалению, в случае с Россией подобные институты финансового контроля созданы лишь в трети муниципальных образований [5].

Сложность организации налогового управления на местном уровне связана напрямую с усложнением самой этой сферы деятельности и ее значением для муниципалитетов, особенно с большой численностью населения. Это не просто составление списков и баз данных налогоплательщиков и управление ими, сбор налогов, налоговая инспекция, а также оформление и вынесение решений по делам о наложении налоговых санкций, контроль и упорядочение исполнения доходной части бюджета в части налоговых поступлений. Необходимо выстроить единое комплексное оперативное и эффективное управление муниципальной налоговой системой, поскольку налоги и различные сборы составляют основной источник доходов местных органов (налог на имущество (движимое и недвижимое), различные косвенные налоги).

Испанский опыт местного управления и самоуправления показывает, что требуются дальнейшие шаги по реформированию указанной сферы, особенно в контексте реформы статута автономных сообществ и модели финансирования регионов.

Реформа по децентрализации власти в современной Испании реализуется вот уже более четверти века. Испанский опыт может представлять несомненный интерес для России. Несколько проблем, которые можно решить лишь в более широком общегосударственном контексте, привлекают особое внимание. Среди них – финансовая задолженность местных территориальных образований, коррупция на местном уровне, проблема защиты окружающей среды.

Библиографический список

1. Ley Reguladora de las Bases del Régimen Local // Boletín oficial del Estado. 1985. № 80. P. 8945–8964.
2. Ley de modificaciyn de la Ley 7/1985, de 2 de abril, Reguladora de las Bases del Régimen Local // Boletín oficial del Estado. 1999. № 96. P. 14928–14936.
3. Ley de medidas para la modernizaciyn del gobierno local // Boletín oficial del Estado. 2003. № 301. P. 44771–44791.
4. *Pérez González D., Cantareo Prieto D.* Descentralización fiscal y crecimiento económico de las regiones españolas // Papeles de Trabajo del Instituto de Estudios Fiscales. Madrid, 2006. № 5.
5. Стенографический отчет о заседании в Кремле Совета по развитию местного самоуправления 5 октября 2010 г. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9147>

**D.V. Potapov
Russian-Ukrainian Relations:
the Development Factors
and Trends**

The Process of reformatting the foreign policy of Ukraine in the latest period is studied. The dynamics of Russian-Ukrainian relations is shown.

Key words and word-combinations: foreign policy, multi-vector policy, Russian-Ukrainian relations.

Исследуется процесс реформирования внешнеполитической деятельности Украины в новейший период. Показана динамика российско-украинских отношений.

Ключевые слова и словосочетания: внешняя политика, многовекторность, российско-украинские отношения.

УДК 327(470:477)“2005/2010”

ББК 66.4(2Рос:4Укр)

Д.В. Потапов

**РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ:
ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ**

Большое влияние на трансформацию постсоциалистических политических систем оказывает общая структурная перестройка мирового политического и социально-экономического порядка. В мире происходит изменение соотношения сил между мировыми центрами политической и экономической мощи, расширение региональных экономических и политических союзов (ЕС, НАТО и др.), а также восхождение новых государств, претендующих на глобальное лидерство (Япония, Китай, Индия). В этих условиях трансформирующимся странам приходится непрерывно адаптироваться к быстро меняющейся ситуации, постоянно искать себе новое место в международном политическом пространстве.

В современном мире Запад оказывает целенаправленное давление на переходные общества, прикрываясь лозунгом «глобальной демократической революции». Его на себе испытывают и Украина, и Россия, однако реакция на него политических элит данных стран существенно различается. Если заметная часть украинской элиты ориентирована на тесное взаимодействие с США и нацелена на интеграцию с ЕС и НАТО, то российская, исходя из невозможности подобного пути, видит в действиях Запада лишь стремление ослабить страну. В итоге на Украине давление западных стран способствовало расколу элиты (что отчетливо проявилось во время «оранжевой революции»), а в России, на-

против, ее консолидации в рамках формирующегося централизованного патерналистского режима [1, с. 20].

Директор Института стран СНГ К.Ф. Затулин справедливо отметил, что для интересов США и Запада в целом было бы выгоднее цивилизационно разделить Украину с Россией, вовлечь ее в НАТО и, может быть, в Евросоюз. [2].

Принципиальное различие между двумя странами заключается в том, что Россия по-прежнему претендует на роль самостоятельного центра политической и экономической силы, а Украина озабочена прежде всего созданием единой нации-государства, близкой по своему характеру к европейским. При этом Украина испытывает поляризующее ее воздействие со стороны сразу двух мировых центров – Европейского союза и России. Именно данным обстоятельством, а не только советским прошлым объясняется усиливающееся противостояние между западными и восточными областями Украины, а также упорная и внешне непродуктивная конфронтация различных элитных групп [1, с. 20–21].

Исследование внешнеполитической парадигмы Украинского государства, причин, обусловивших процесс их смены, и содержание концепций нынешней политики существенно усложняется внутренней нестабильностью в этой стране. Трудно проследить тенденции и усмотреть за ситуативными действиями наличие четко продуманной программы или, по крайней мере, идеологии движения.

В период президентства Л. Кучмы был создан своеобразный стиль внешней политики Украины – так называемая «многовекторность», смысл которой – двигаться в сторону Запада, не порывая окончательно с Россией.

Последующие главы Украинского государства – В. Ющенко и В. Янукович – являются выходцами из команды Л. Кучмы, оба они в период его президентства возглавляли правительство Украины, оба принадлежат к «западникам», хотя их «западничество» имеет некоторые отличия. В. Ющенко был ориентирован на Соединенные Штаты, это видно на примере того, что после «оранжевой революции» на Украине США вошли в пятерку основных торговых партнеров страны. В. Янукович (и поддерживающая его территориальная группа) придерживается курса на сближение со «Старой» Европой, в первую очередь речь идет о Германии, которая и сегодня является главным внешнеэкономическим партнером Украины.

В настоящий период большинство украинской элиты, вне зависимости от отношения к России, ориентировано на Запад. Наиболее «мягкую» форму это носит у идеологов донецкой финансово-промышленной и политической группы, создавшей Партию регионов. «Регионалы», как и представители «Нашей Украины», всегда выступали за интеграцию в Европу, с той лишь разницей, что вступлению в ЕС они предпочитали вхождение в единое экономическое пространство Европы [3; 4]. Принципиальная разница между двумя правящими элитами состояла в том, что на смену «кучмистам» – осторожным западникам-прагматикам – пришла команда более радикально настроенных западников и националистов, открыто лоббирующих западные интересы и легко сдающих позиции Украины по ключевым вопросам.

Объективно внешняя политика Л. Кучмы была более реалистичной и эффективной. Непопулярность его на Западе объяснялась относительной несговорчивостью тогдашнего президента, который из прагматических соображений не торопился сдавать позиции Украины на международной арене, прекрасно понимая, что излишняя уступчивость сужает пространство для маневра и возможность торга.

Команда Ющенко – Тимошенко, пришедшая к власти при организационной, финансовой и политической поддержке Запада, нарушила ключевой для стратегии «кучмизма» принцип «многовекторности» и пошла на резкий демонтаж украино-российских связей. Внешнеполитическими задачами «оранжевого» руководства стали скорейшее вхождение в западные надгосударственные институты (ЕС, НАТО) и максимальное дистанцирование от России. Хотя В. Ющенко заявлял о двухвекторности украинской внешней политики, реальный выбор был сделан в пользу односторонне западного курса. Заявления о двухвекторности делались в надежде ослабить негативное впечатление от сомнительной по своему характеру победы на президентских выборах. Кроме того, несмотря ни на что, «оранжевая» власть рассчитывала сохранить низкие цены на российские энергоносители.

Отказавшись от политики «многовекторности», президент В. Ющенко избрал прямолинейную западноориентированную линию внешней политики. В результате в кратчайшие сроки были максимально испорчены отношения с Россией. Обращает на себя внимание несовпадение настроений правящих элит и «простого» народа Украины.

Анализируя новейшую американскую политику в отношении Украины, можно заметить, что администрация США продвигает свои прагматические интересы и реализует идеологические установки. «Оранжевая революция» стала своеобразной «спецоперацией», в ходе которой к власти был приведен президент с откровенно прозападной ориентацией и пользующийся широкой поддержкой США [5, с. 82–83]. В определенной мере справедливо говорить о насильственной «демократизации» Украины.

Хотя проамериканский и евроцентристский вектор внешнеполитической стратегии нового руководства Украины получил одобрение западных политических элит, достаточно скоро выявилось, что реализацию односторонней прозападной стратегии Киева в целом нельзя назвать удачной. Первые проблемы возникли в конце 2005 г., когда стало понятно, что внешнеполитический вес страны уменьшился. «Сдавшаяся» Украина перестала интересовать ведущих мировых игроков даже в роли «международного резонатора» – объекта международной политики, с помощью которого удобно выяснять отношения [6].

Та часть украинского социума, которая поддержала революцию, питала иллюзию, что процесс интеграции в Европу всего лишь искусственно тормозится авторитарным режимом Кучмы. Однако быстро выяснилось, что Европа не стремится распахнуть перед демократической Украиной двери для вхождения в «клуб избранных». Вопрос не только не был решен положительно – не была даже объявлена дата переговоров о рассмотрении украинского досье (проше-

ние президента, премьер-министра и председателя Верховной Рады о принятии Украины в НАТО). Оно, судя по заявлениям ряда европейских политиков, переносилась на неопределенный срок. Уже в конце января 2007 г. стало известно, что Европейский союз решил не вносить в новое соглашение с Украиной вопрос о будущем развитии отношений и членстве [7]. В высказываниях официальных представителей ЕС прозвучало мнение, что Украине не стоит концентрироваться только на европейской интеграции – необходимо также развивать экономические отношения с Российской Федерацией, поскольку курс только на Европу таит в себе множество рисков для украинской экономики.

Какую же роль отводит Запад Украине? Г. Киссинджер считал, что Украина расположена на востоке геополитического пространства, которое разграничивает два из шести названных им глобальных носителей могущества – Европу и Россию. Исходя из этого, он считает главной задачей Североатлантического альянса стать гарантией того, что российский миссионерский и имперский национализм не выплеснется за пределы этой страны. Поэтому глобальный баланс сил, который хотели бы установить США, включает Украину в круг вероятных кандидатов на «уравновешивание» России в Европе [8, с. 52–57].

Геополитическая роль Украины как нового суверенного государства сводится к «последней линии», «культурной границе» Европы, к защите европейцев от гегемонистских претензий России, постоянного мощного азиатского давления [9, с. 132]. Многие западные эксперты оценивают Украину прежде всего как инструмент давления на Россию и усиления влияния в Ближневосточном регионе. Комиссар Евросоюза в книге «Границы Европы» (2003) пишет: «На востоке существует политическая необходимость в буферной зоне между ЕС и Россией, которая должна быть сформирована из стран, не принадлежащих к какому-либо блоку» [10].

Несколько иную оценку дает европейский ученый В. Шнайдетерс. По его мнению, Украина, расположенная между ЕС и Россией, играет ключевую роль в отношениях между этими двумя частями Европы. И для Брюсселя, и для Москвы стратегическое значение имеет как внешняя ориентация, так и внутреннее устройство этой «ничейной полосы» в европейском промежутке, ставшей точкой пересечения европейского соседства и ближнего зарубежья. Он уверен, что из расположения Украины в европейском промежутке вытекает и европейская функция Украины: исторические, культурные и личные связи с Россией определяют миссию Украины, призванной не только помешать возникновению нового политического водораздела внутри Европы, но и создать густую сеть связей между Европейским союзом и Россией. Чтобы справиться с этой европейской функцией, Украине нужна опора в виде надежной перспективы членства в ЕС. Для Украины, поглощенной Россией, такая задача окажется непосильной. При этом речь идет не о начале переговоров о вступлении в ближайшее время, а о заявлении со стороны ЕС о принципиальной готовности к такому подходу, подкрепленной предоставлением ассоциированного статуса Украине [11].

На современном этапе Украина по-прежнему находится в состоянии геополитического

литического транзита, но при этом начала движение в сторону ЕС и уже прошла не малый путь в сторону НАТО. Вместе с тем едва ли можно ожидать, что одновекторная внешняя политика сохранится надолго. Отделившись от России, Украина погрузилась в болезненные поиски своей идентичности. Она старается избежать идеологического и национального раскола на западную и восточную части и, не имея опыта деятельности на международной арене, пытается определить роль, которую она может играть в регионе. Все это происходит в условиях слабости политической системы страны. Киев осознал, что у Украины нет шансов вступить в ЕС в ближайшее время.

Это открывает перед Россией новую возможность улучшить отношения с Украиной [12, с. 107]. В последующее время Украина будет вынуждена проводить многовекторный курс, балансировать между геополитическими интересами других стран, идти на компромиссы и договариваться с Россией на стратегически важных направлениях. Тенденции последнего времени, характеризующие уровень и состояние российско-украинских отношений, а также реакция на них не только на массовом, но и на экспертном уровне дают основания полагать: украинское общество не готово, да и не настроено порывать отношения с Россией и превращаться в недружественного к ней соседа [13, с. 221].

В тезисном виде итоги международной деятельности «оранжевой» власти можно сформулировать следующим образом:

– резко испортились отношения с соседом и главным партнером Украины – Россией, что актуализировало вопрос о возможности выхода России из двухсторонних договоров, гарантирующих суверенитет Украины и ее территориальную целостность;

– односторонне западная внешнеполитическая ориентация ослабила ту относительную самостоятельность, которой Украина обладала при Кучме за счет маневрирования между Западом и Россией, при этом задачи, которые были поставлены командой Ющенко – Тимошенко (вхождение в НАТО, вступление в ЕС), безотносительно к тому, насколько они соответствуют национальным интересам страны, не были выполнены. В украинском социуме наблюдается устойчивая тенденция падения популярности идей участия страны не только в евроатлантической, но и в европейской интеграции;

– в энергетической сфере Украина выступает в роли аванпоста Евросоюза, выдвинутого против России и дружественных ей стран Каспийского региона (Казахстан и др.). Украина наряду со странами Прибалтики выступила главными критиком энергетической политики России, озвучив позицию США и ЕС.

В силу объективных причин Украина не может не развивать отношения с Россией, с которой ее связывает многовековая история. Россия и Украина – страны с общим историческим прошлым, близкими традициями у преобладающих в составе населения этносов, на протяжении столетий живших в составе одного государства. Успешное и долгосрочное развитие социокультурных, политических и экономических взаимосвязей двух стран – объективная потребность.

Библиографический список

1. *Лапкин В.В., Пантин В.И.* Политические трансформации в России и на Украине в 2004–2006: причины и возможные последствия // Полис. 2007. № 1.
2. *Затулин К.Ф.* Значение особых отношений с Украиной для России невозможно переценить // Газета «2000». 2007. 2 нояб.
3. Стратегия интеграции Украины в Европейский Союз // Официальный сайт Министерства иностранных дел Украины. URL: <http://www.mfa.gov.ua/mfa/ua>
4. *Гузенкова Т.* Универсалии украинской политики // Материалы Интернет-конференции Фонда стратегической культуры. URL: <http://ukraine.fondsk.ru>
5. *Новикова О.Н.* Украина – зона особого внимания Вашингтона на постсоветском пространстве // Политика США на постсоветском пространстве. М., 2006.
6. *Мишин А.* Неутешительные итоги: внешняя политика Украины в 2006 году. URL: <http://bin.com.ua/61080-.html>
7. Евросоюз отказал Украине в перспективе членства. URL: www.regnum.ru/news/770382.htm
8. *Киссинджер Г.* Новый мировой порядок // Философия политики. Киев, 2003. Т. 4.
9. *Костырев А.* Украина: буфер или межцивилизационный форум // Современная Европа. 2008. № 4.
10. *Балкешитайн Ф.* Границы Европы. URL: <http://pravda.com.ua/ru/news/2004/3/8/8114/htm>
11. *Шнайдерс В.* ЕС или НАТО – смена приоритетов Украины? // Зеркало недели. 2008. № 11 (690), 22–28 марта.
12. *Шнайдер Э.* Внешняя политика Украины при В. Ющенко // Вестник аналитики. М., 2005. № 3 (21).
13. *Гузенкова Т.* Россия и Украина: современная политика и политические процессы // Политический процесс в России. М., 2007.

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

K.S. Mokin, N.A. Baryshnaya
Deprivation Analysis
of Social Tensions:
the Possibilities of Indication

The prevailing approaches to the indication of expectations deprivation are analyzed. The authors' model capable to describe the structure and dynamics of social tensions in a territorially limited community is proposed.

Key words and word-combinations: social tension, protest activity, expectations deprivation.

Анализируются сложившиеся подходы к индикатированию экспектационной депривации. Предлагается авторская модель, способная описать структуру и динамику социальной напряженности в территориально ограниченном сообществе.

Ключевые слова и словосочетания: социальная напряженность, протестная активность, экспектационная депривация.

УДК 316.334.3
ББК 60.561.3

К.С. Мокин, Н.А. Барышная

ДЕПРИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ ИНДИКАТИРОВАНИЯ*

Понятие «относительная депривация» появилось впервые в послевоенном исследовании американской армии [1] и было позже формализовано У. Рансиманом в теории социальной справедливости [2]. Подход, предложенный У. Рансиманом, в течение 10–15 лет (по 1980 г.), подвергался серьезному критическому осмыслению. Появились новые теоретические концепты, например «теория способностей» [3]. В экономических исследованиях понятие относительной депривации, как его описывали Стоуффер и Рансиман, было операционализировано с разра-

---

* Работа выполнена в рамках Гранта РФФИ 10-06-00166-а «Разработка методов анализа и прогнозирования динамики протестной активности населения на основе многофакторной модели экспектационной депривации».

боткой относительного индекса лишения, впервые введенного С. Ютжаки в 1979 г. [4, с. 321–324]. Отношение между относительным лишением и неравенством дохода привлекло внимание С. Ютжаки и последующих исследователей, работающих в этой традиции [5, с. 567–573; 6, с. 353–376; 7, с. 1–15, 32]. Осуществлялись также серьезные исследования в области анализа исторических изменений в общественном восприятии социальной несправедливости в контексте политических конфликтов и восстаний [8, с. 5–19]; проводились эксперименты в социальной психологии [9, с. 85–113].

Однако основной акцент в разрабатываемой теории относительного лишения (относительной депривации) был сделан на ненормативном поведении, связанном с низким уровнем благосостояния и высоким уровнем социальной несправедливости (в частности, в системах поощрения и вознаграждения) [10, с. 1223–1250]. При этом основные фокусы исследования смещены, как правило, на эффекты относительного экономического лишения, связанного с самооценкой уровня благосостояния людей [11, с. 125], на связи между высоким уровнем относительной экономической депривации и уровнем преступности [12, с. 114–129]. В российском контексте дискуссия по вопросам исследования относительной депривации практически отсутствует [13, с. 132].

Под относительной депривацией в рамках изложенного подхода и результатов исследований в области теории депривации (Relative Deprivation Theory) [2] следует понимать рассогласование между уровнем ожиданий (уровнем притязаний) и уровнем фактической оценки конкретных событий, фактов, отношений «здесь – и – сейчас». При этом **основным критерием** относительной депривации (ОД) можно считать величину рассогласования между ожидаемым уровнем вознаграждения за приложенные усилия (ожидаемый доход, победа на выборах – ожидаемый уровень поддержки / голосования, ожидаемая степень / величина социального статуса) и фактическим уровнем полученного блага (вознаграждения). Этот критерий может быть детализирован по трем характеристикам:

– величина ОД (magnitude), представляющая собой разницу между желаемым (ожидаемым) состоянием и оценкой человеком своего фактического состояния;

– уровень ОД (degree) – интенсивность переживания депривации;

– распространенность ОД (frequency) – доля группы (величина социальной группы, сообщества), переживающей депривацию.

С учетом данных показателей, на наш взгляд, ОД может быть представлена следующей зависимостью:

$$ОД = K_d (M_{ожид} - M_{достиж}) \times (I_d) \times (f_d),$$

где K_d – вес (доля) конкретной социальной группы в обследуемом сообществе; $M_{ожид}$ – уровень ожиданий данной группы; $M_{достиж}$ – уровень достижений (фактическая оценка своего состояния) данной группы; I_d – интенсивность (уровень) переживания данной конкретной депривации; f_d – распространенность депривации в данной группе (сообществе).

Использование предлагаемого концептуального подхода позволяет определить особую плоскость изучения межгруппового взаимодействия, в основе которой лежит система ожиданий, причем как позитивных, так и негативных. В системе социальных отношений данный подход согласуется с теорией У. Томаса: «Если ситуация определяется человеком как реальная, то она реальна по своим последствиям» [14]. Иначе говоря, исходя из перспективы построенных ожиданий, человек фактически определяет свое поведение, стратегии достижения поставленных целей.

Относительная депривация (ОД), порожденная рассогласованием ожидаемого и получаемого, во многом определяет и характер межгруппового взаимодействия, стратегию поведения индивидов в рамках групп и уровень конфликтности межгрупповых отношений.

Исследуя видоизменение факторов, влияющих на структуру и величину ОД, необходимо отметить темпоральные характеристики формирования депривации.

Стоуффер во второй части работы ввел два критерия неудовлетворенности, лежащей в основе ОД: первый – содержательный, характеризующий разрыв между нынешним состоянием человека и тем, к которому он стремился (референтным состоянием); второй – темпоральный, показывающий разрыв между реальным темпом приближения к ожидаемому состоянию и запланированным темпом (референтным темпом) приближения к ожидаемому состоянию (цели) [1]. Очевидно, что ОД может возникать и в случае отсутствия расхождений между содержательными оценками уровней ожидания и достижения, то есть при $(M_{\text{ожид}} - M_{\text{достиж}}) = 0$.

Для возникновения ОД достаточно расхождений в скоростных оценках этих показателей. Исходя из этого, можно в целях анализа ввести темпоральные параметры динамики, отражающие скорость видоизменения оценок за определенный промежуток времени, – иначе говоря, зафиксировать темпы изменения параметров ожиданий / надежд и фактических оценок своего состояния у населения. Так, в ходе мониторинговых опросов можно сопоставлять темпы изменения ожиданий и темпы изменения оценок текущего состояния. Например, если обследования проводились в интервале / с дискретностью $t_0, t_1, t_2, \dots, t_n$, то можно оценить динамику следующим образом: сопоставить отношения оценки ожиданий за промежуток $(t_1 - t_0)$ и $(t_2 - t_1)$:

$$\frac{M_{\text{ожид}} t_1}{M_{\text{ожид}} t_0} / \frac{M_{\text{ожид}} t_2}{M_{\text{ожид}} t_1} = \Delta_{\text{ожид}} (t_1 - t_0);$$

$$\frac{M_{\text{ожид}} t_1}{M_{\text{ожид}} t_2} / \frac{M_{\text{ожид}} t_0}{M_{\text{ожид}} t_1} = \Delta_{\text{ожид}} (t_2 - t_1).$$

В случае, если $\Delta_{\text{ожид}} (t_2 - t_1) > \Delta_{\text{ожид}} (t_1 - t_0)$, то констатируется рост темпов формирования ожиданий. Аналогичным образом рассчитывается динамика темпа формирования оценок фактического состояния респондентов. Если $\Delta_{\text{ожид}} (t_2 - t_1) \gg \Delta_{\text{достиж}} (t_2 - t_1)$, отмечается значительный рост темпоральной составляющей ОД, связанной со значительным ростом величины ожиданий за относительно небольшой промежуток времени при сохранении текущего уровня формирования степени удовлетворенности [15, с. 166].

Чем больше величина ОД, тем выше уровень латентной напряженности. Дальнейшее разложение ОД на проекции по аналитическим плоскостям (экономика, политика, социальная сфера) позволит выявить ключевые факторы (фрустраторы), влияющие на рост напряженности, и обозначить ожидаемые формы протестной активности. Иными словами, знание динамики и структуры ОД в конкретном регионе дает представление о фактической структуре протестной активности и ожидаемых формах ее реализации.

При доминировании в структуре ОД микроэкономической составляющей – снижение уровня дохода населения, высокий уровень имущественного расслоения, рост затрат, направленных на удовлетворение элементарных потребностей (рост цен на товары, услуги ЖКХ и т.д.) – можно с высокой долей уверенности говорить о возможных протестных акциях / действиях населения, направленных на минимизацию негативных последствий.

Доминирование в структуре ОД макроэкономической составляющей, как правило, свидетельствует: 1) о росте недоверия инструментам (как собственно и институциям) макроэкономического регулирования, снижении экономической активности населения территории, капсулировании финансовых средств населения (ориентация на капитализацию, а не на инвестирование), снижении покупательской активности населения; 2) о снижении доверия экономической системе региона (государства) в целом (в частности, институциям, ответственным за реализацию экономической политики государства – министерствам, ведомствам, инспекциям и т.д.). Здесь важно отметить, что макроэкономическая составляющая ОД – это скорее «фоновая» составляющая, определяющая экономический (предпринимательский) климат на определенной территории. Соответственно, в случае протестных акций, основные требования (как в виде лозунгов, так и в виде резолюций) будут направлены региональному и федеральному руководству о необходимости разрешения противоречий.

Доминирование в структуре ОД политической составляющей, как правило, связано с высоким уровнем разочарования населения территории в системе политических отношений и ее конфигурации. Разочарование ведет к отказу от активного участия населения в политических процессах, «выталкиванию» политической проблематики на периферию социального внимания общества (существенное снижение доверия представительным органам власти, политическим партиям, отказ от участия в выборах и т.д.). Возможны компенсаторные сценарии, когда в сообществе появляются радикальные политические настроения, в дальнейшем институционализирующиеся в виде деструктивных, маргинальных общественно-политических партий и движений.

Безусловно, все перечисленные составляющие ОД тесно связаны между собой и оказывают друг на друга взаимное влияние.

Обобщение динамики представлений населения о различных сторонах общественно-политической и экономической жизни страны в настоящее время проводится путем построения специальных сводных индексов. Преимущество индексного подхода, с одной стороны, состоит в эффективной оценке результатов социальных преобразований и целенаправленной социальной политики,

разработки рекомендаций по ее совершенствованию; с другой – появляется возможность оперативного информирования структур и лиц, ответственных за государственное и региональное управление, общественности в целом о последствиях принятых решений и реализуемых программ [16]. Кроме того, существует возможность на основе анализа динамики индексов социальных настроений прогнозировать экономическое и социально-политическое поведение населения в краткосрочном периоде.

Практика построения подобных сводных показателей широко распространена в других странах и имеет давнюю историю. Особенно это касается индексов, отражающих динамику представлений людей об экономических сторонах жизни, прежде всего о личном потреблении. Широко применяются во многих странах такие показатели, как *Consumer confidence index* [17], *Consumer sentiment index* [18], *Consumer comfort index* [19]. Элементы *Consumer sentiment index* являются составной частью группы показателей *Leading economic indicators* [20] – набора индикаторов, на основании динамики которых разрабатывается краткосрочный прогноз развития экономики США. Значителен также опыт в области построения более общих индикаторов динамики развития общества: *TIPP Economic Optimism index*, *TIPP Presidential index*, *TIPP National outlook index*, *Harris Alienation index*, *Harris Feel Good index*.

В России первым опытом комплексного подхода к оценке динамики общественных настроений стала разработка Левада-центром *индекса потребительских настроений* (ИПН) (аналог *Consumer sentiment index*). ИПН – сводный индекс, измеряющий влияние настроений людей на динамику личного потребления, включающий в качестве составляющих *индекс текущего состояния* (ИТС) и *индекс экономических ожиданий* (ИЭО). ИТС отражает динамику оценок фактического положения, ИЭО – изменения в оценках перспектив развития.

Опыт построения ИПН и анализ его динамики в России в 1990-е годы показали, что существует тесная взаимосвязь политических, экономических, общественных оценок и мнений респондентов, в частности относительно общественно-политических событий и формирования потребительских настроений в обществе. Методология построения этого показателя исходит из предпосылки о том, что частные мнения людей о различных сторонах собственной жизни, отношении к экономическим и социальным событиям, действующими лицами которых они являются, формируют обобщенную оценку восприятия социально-экономической и политической действительности.

Таким образом, индексный подход является более гибким и предоставляет более широкие возможности для анализа, особенно если спектры данных оценок разложить по половозрастным, профессиональным и иным персонализирующим показателям.

Опыт предыдущих проектов [21] показывает, что относительная депривация населения отдельной территории складывается из четырех основных компонент, в частности: 1) относительной макроэкономической депривации, 2) относительной микроэкономической депривации, 3) относительной политической депривации, и 4) относительной социальной депривации. Выбор

указанных компонент является инструментальным и преследует лишь цели аналитического описания и конструирования системной модели. Каждая из компонент при необходимости может быть разбита на более мелкие подсистемы отношений, что будет продемонстрировано далее. Таким образом, относительная депривация населения на конкретной территории (регион, район, город, муниципальное поселение) может быть представлена в виде аддитивной формулы:

$$ОД_{территории} = P_1 D_{микроэконом} + P_2 D_{макроэконом} + P_3 D_{полит} + P_4 D_{социал}$$

или обобщенно:

$$ОД_{территории} = \sum P_i D_j,$$

где P – весовая характеристика конкретной компоненты с условием $\sum P_i = 1$.

Введение весовых значений анализируемых компонент интегрального индекса относительной депривации позволяет учесть в конкретных условиях и в конкретный период значимость компонент (вклад конкретной сферы противоречий в уровень социальной напряженности на конкретной территории).

А. Индекс экономической депривации населения территории по своему физическому смыслу является показателем уровня напряженности экономических отношений, сложившихся на данной территории. При этом следует *инструментально* разделить собственно *макроэкономические* отношения (федерального и регионального уровня), уровень экономического развития территории в целом, наличие, значимость и разнообразие экономических агентов и *микроэкономические* параметры, включающие в себя уровень и качество материального положения населения, величину доходов. В обобщенном виде индекс экономической напряженности («экономический депривационный разрыв») выглядит как сумма взвешенных показателей макроэкономической напряженности и микроэкономической напряженности:

$$D_{эконом} = P_1 D_{микроэконом} + P_2 D_{макроэконом}$$

где P – весовая характеристика конкретной компоненты с условием $\sum P_i = 1$.

Микроэкономическая напряженность (микроэкономическая относительная депривация) находится, в свою очередь, в зависимости от таких факторов, как депривация в связи с материальным положением населения; депривация в связи с уровнем допустимых (приемлемых) экономических различий (экономического расслоения на конкретной территории); депривация, имеющая в своей основе уровень экономической мобильности населения (доминирующий тип экономической стратегии населения – активное приспособление, пассивное приспособление к текущим экономическим условиям и т.д.).

Макроэкономическая напряженность (макроэкономическая относительная депривация) находится в зависимости от таких факторов, как оценка населением фактического состояния макроэкономики (оценка населением состояния экономики региона, оценка населением состояния экономики Российской Федерации в целом); ожидания населением макроэкономических

изменений, которые соответственно являются проекцией ожиданий по отношению к экономике региона и ожиданий по отношению к экономике России в целом.

Для целей проекта принципиально важно, что макроэкономические показатели и их вклад в относительную депривацию являются фоновым значением, определяющим, скорее, контекст экономического поведения населения, а не ситуативной характеристикой, отражающей конкретные действия социальных групп. В широком контексте можно рассматривать оценки макроэкономических преобразований как определенные фреймы, регулирующие средне- и долгосрочные тренды развития ситуации на конкретной территории.

В процессе реализации проекта было выявлено: чем более значимы и положительны оценки макроэкономических преобразований, тем более экономически активно население, тем больший темпоральный горизонт планирования проявляется у домохозяйств. Росту положительных оценок макроэкономических преобразований соответствует рост величины кластера накопления у населения (инвестиции в ценные бумаги, рост вкладов в банках, увеличение совокупной доли потребительского кредитования и т.д.).

Б. Индекс политической депривации населения локальной территории по своему физическому смыслу является показателем уровня напряженности политических отношений, сложившихся на данной территории. При этом необходимо *инструментально* разделить собственно социально-политическое напряжение *местного уровня* (как результат социально-политических процессов локального уровня, отражающих местную специфику; включенность отдельных социальных групп в борьбу за символические и властные ресурсы), социально-политическое напряжение *регионального уровня*, отражающее региональную специфику (в том числе дифференциацию отношений между локальными территориальными сообществами и региональным центром) и проекцию социально-политического напряжения *федерального уровня* (как результат транслируемых федеральным центром политических и идеологических предпочтений населения страны в целом).

В обобщенном виде индекс политической напряженности – «политический депривационный разрыв» – выглядит как сумма взвешенных показателей напряженности указанных уровней:

$$D_{\text{полит}} = P_1 D_{\text{политМУ}} + P_2 D_{\text{политРУ}} + P_3 D_{\text{политФУ}}$$

где $D_{\text{политМУ}}$ – величина депривационного политического разрыва (напряженности) на муниципальном (локальном) уровне; $D_{\text{политРУ}}$ – величина депривационного политического разрыва (напряженности) на региональном уровне; $D_{\text{политФУ}}$ – величина депривационного политического разрыва (напряженности) на федеральном уровне; P – весовая характеристика конкретной компоненты с условием $\sum P_i = 1$.

Основным источником *относительной депривации на микрополитическом (муниципальном, локальном) уровне* является рассогласование между социально-политическими ожиданиями населения территории и фактичес-

кой оценкой уровня приемлемости для населения локального социально-политического поля. Структура социально-политического напряжения местного уровня и степень учета властью интересов жителей определяют континуум стратегий реакций населения на действия властей. Важно отметить, что реакция населения на действия властей может иметь как позитивную (например, митинги в поддержку), так и отрицательную (митинги протеста) оценку.

Диапазон, направленность и вероятность тех или иных форм (стратегий) реакции населения на действия властей определяются эмпирически, путем введения в опросный инструментарий вариантов ответов, характеризующих приемлемость / неприемлемость тех или иных коллективных действий для большинства населения территории. В частности, выявлено, что более 60% населения одобряют лишь те действия протеста, которые, во-первых, находятся в правовом поле (критика в листовках и газетах, официальные митинги, обсуждение действия властей на интернет-форумах и т.д.), а во-вторых, скорее относятся к формам манифестирующего протеста, а не активных форм противостояния (голодовки, забастовки, вооруженное сопротивление и т.д.)

Политическая напряженность регионального уровня (относительная депривация мезополитического уровня) находится в свою очередь в зависимости от таких факторов, как текущая оценка населением уровня жизни в регионе и связанной с ним текущей социально-политической ситуацией, ожидаемого вектора изменений уровня жизни и связанной с ним социально-политической ситуацией и степени информированности населения о социально-политических событиях на региональном уровне.

Политическая напряженность федерального уровня (макрополитическая относительная депривация) воспринимается как проекция социально-политической напряженности федерального уровня, будучи для подавляющего числа жителей лишь фоновой характеристикой общероссийской ситуации, и находится в зависимости от таких факторов, как оценка текущей политической ситуации в государстве и ожидания возможного изменения вектора развития этой ситуации, основанной на непрерывном видоизменении политических (партийных) предпочтений у граждан; текущая оценка уровня и качества социальной политики, проводимой государством, а также ожидания возможного ее изменения; оценка (доверие) деятельности первых лиц государства и ключевых федеральных структур; степень информированности населения о социально-политических процессах на федеральном уровне.

Основным критерием значимости проекции социально-политической напряженности федерального уровня на население региона выступает оценка уровня и качества социальной политики, проводимой государством – одного из направлений его деятельности по регулированию социально-экономических условий жизни общества [22]. Социальная политика государства может быть определена как система мероприятий, проводимых правительством через местные и региональные органы власти, направленных на улучшение качества и уровня жизни больших социальных групп, финансируемых из средств госбюджета и соответствующих либо идеологическим установкам государства на дан-

ный момент, либо ценностным ориентациям общества на долговременную перспективу [23].

Оценку собственно политической ситуации в государстве и ожидания возможного изменения вектора развития этой ситуации предлагается проанализировать через динамику непрерывного видоизменения политических (партийных) предпочтений у граждан. В данном случае следует исходить из допущения, что для большинства населения граждан России политическая система представляет собой, в первую очередь, проявление партийной деятельности в дискурсивном пространстве и отражает в той или иной мере доминирующие политические ценности и установки в широком диапазоне – от консервативного государственничества (имперскости) до либерального индивидуализма. В частности, полагая, что современная политическая система России представляет собой специфический феномен «полупартии», при которой существует одна крупная партия и некоторое количество партий-сателлитов, можно, оценивая уровень доверия к представленным партиям и доминирующей партии, оценить уровень доверия населения к самой политической системе [24, с. 24].

В. Индекс социальной депривации населения локальной территории по своему физическому смыслу является показателем уровня напряженности социально-психологических (межличностных, межгрупповых) отношений, сложившихся на данной территории, под влиянием фрустраторов социального поля и / или скорости изменений социальных структур (скорости социальных изменений).

В данном случае под социальными изменениями понимаются изменения, относящиеся к глубоким социальным трансформациям – таким, как социокультурные изменения. Подобные изменения приводят к полному нарушению равновесия социальных структур, так как превышают предел их адаптивных способностей.

Ключевыми факторами, определяющими травматичность социальных изменений, являются величина (частота) и скорость видоизменения социальных структур. С ростом числа социальных изменений и их обширности растет уровень социальной напряженности и, как следствие, относительной депривации. На уровень и структуру социальной напряженности влияет также уровень приемлемости существующих в сообществе социальных различий, социального расслоения. Определенный уровень приемлемости социальных различий в обществе напрямую влияет на оценку населением текущего уровня социальной справедливости.

Уровень оцениваемой социальной справедливости, по сути, может быть интегральным критерием, отражающим наличие относительной групповой депривации. С точки зрения анализа социальных процессов, чем выше и радикальнее уровень неприемлемости существующих социальных различий (например, расслоения на богатых и бедных), тем ниже уровень оценки социальной справедливости населением, и тем выше уровень латентной социальной напряженности.

Библиографический список

1. *Stouffer S.A.* The American Soldier. Adjustment During Army Life. Princeton University Press, 1949.
2. *Runciman W.G.* Relative Deprivation and Social Justice. Reports of the Institute of Community Studies. London, Boston and Henley: Routledge and Kegan Paul, 1966.
3. *Sen A.* Commodities and Capabilities. Amsterdam: Elsevier, North-Holland, 1985.
4. *Yitzhaki S.* Relative deprivation and the gini coefficient // The Quarterly Journal of Economics. 1979. Vol. 93, № 2.
5. *Hey J.D., Lambert P.J.* Relative deprivation and the gini coefficient: Comment // The Quarterly Journal of Economics. 1980. Vol. 95, № 3.
6. *Podder N.* Relative deprivation, envy and economic inequality // *Kyklos*. 1996. Vol. 49, № 3.
7. *Chakavarty S.R., Chattopadhyay N., Majumder A.* Income inequality and relative deprivation. Keio / Economic Studies, 1995.
8. *Davies James C.* Toward a Theory of Revolution // *American Sociological Review*. 1962. Vol. 27, № 1.
9. *Crosby Faye.* A Model of Egoistical Relative Deprivation // *Psychological Review*. 1976. Vol. 83, № 2.
10. *Gunnar B., Thorlindsson T., Sigfusdottir I.D.* Relative Deprivation and Adolescent in Iceland: A Multilevel Test. *Social Forces* 87(3), March, 2009.
11. *Jarjoura G. Roger, Ruth Triplett.* The Effects of Social Area Characteristics on the Relationship Between Social Class and Delinquency // *Journai of Criminal Justice*. 1997. Vol. 25, № 2.
12. *Blau J.R., Blau P.M.* The Cost of Inequality: Metropolitan Structure and Violent Crime // *American Sociological Review*. 1982. Vol. 47, № 1.
13. *Урнов М.Ю.* Динамика массовой агрессивности в сообществах с различным уровнем достижительного поведения // *Общественные науки и современность*. 2008. № 4.
14. *Thomas W., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America. N.Y., 1972.
15. *Урнов М.Ю.* Эмоции в политическом поведении. М., 2008.
16. *Красильникова М.* Динамика социальных настроений и их влияние на поведение населения // *Мониторинг общественного мнения*. 2002. № 1.
17. Индекс потребительского доверия, оптимизма. URL: <http://www.conference-board.org/economics/consumerConfidence.cfm>
18. Индекс настроения потребителей Мичиганского университета (Michigan consumer sentiment index). URL: <http://www.sca.isr.umich.edu/>
19. Индекс потребительского комфорта. URL: <http://abcnews.go.com/>
20. Индекс опережающих экономических индикаторов. URL: http://economics.about.com/cs/businesscycles/a/economic_ind.htm
21. Многофакторная модель депривационного анализа конфликтогенного потенциала обществ в условиях структурных преобразований / С.Ю. Наумов, М.В. Мамонов, К.С. Мокин, Н.А. Барышная, О.А. Лиценбергер; под ред. С.Ю. Наумова. Саратов, 2009.
22. *Ермишин П.Г.* Основы экономической теории. М., 2004.
23. *Чикалова И.Р.* У истоков социальной политики государств Западной Европы // *Журнал исследований социальной политики*. 2006. Т. 4, № 4.
24. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А.* Постсоветский человек и гражданское общество. М., 2008.

**E.A. Chernov
Political Subjectivity
of Interest Groups
in Modern Russia:
the Research Potential
of the System Analysis**

The problems of political subjectivity of interest groups in modern Russia are shown. The heuristic possibilities of the system analysis in this subject research are presented.

Key words and word-combinations: interest groups, political subjectivity, system analysis.

Показаны проблемы политической субъектности групп интересов в современной России. Представлены эвристические возможности системного анализа в исследовании указанной тематики.

Ключевые слова и словосочетания: группы интересов, политическая субъектность, системный анализ.

УДК 321.01(470)

ББК 66.01(2Рос)

Е.А. Чернов

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СУБЪЕКТНОСТЬ ГРУПП
ИНТЕРЕСОВ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ
СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА**

Теория групп интересов, имеющая глубокие корни в политической науке и получившая в XX в. основательную концептуальную проработку, является на современном этапе одной из самых популярных исследовательских рамок, используемых для анализа процессов функционирования и развития политических систем. Исходная методологическая позиция ее приверженцев сводится к утверждению, что объектом политологического исследования должны быть не законодательные нормы и формальные моменты политической организации общества, не существующие в его рамках политические идеи и программы, а коллективные (групповые) действия людей, направленные на достижение своих политических целей.

В интерпретации Ф. Тённиса такие коллективные действия людей воплощены в ассоциациях, деятельность которых конституирует гражданское общество в процессе модернизации [1; 2]. Классик американской политической мысли, один из соавторов знаменитого политического эссе «Федералист» Дж. Мэдисон писал о коалициях граждан, объективно возникающих на основе общности интересов вследствие неравномерного распределения собственности. Он видел в них опасность для республики и демократии, предлагал способы и механизмы минимизации их роли [3, с. 78–86].

В целом подобного рода ассоциации сторонниками теории понимались как «фракции», занимающие первичные позиции в структуре общества, и анализировались в контексте процесса социального и политического управления.

Определить функциональные и ролевые аспекты субъектности групп интересов в рамках политической сферы позволила теория политической системы. В качестве магистрального теоретико-методологического направления политической науки она оформилась в 1950–1960-е годы, сменив в таком качестве концепцию государственной организации.

Первые трактовки политической системы можно найти в работах американского исследователя Д. Истона («Политическая система», 1953; «Модель для политического исследования», 1960; «Системный анализ политической жизни», 1965). В его интерпретации системный анализ политической жизни опирается на представление о системе, находящейся в некоторой среде и подвергающейся внешним возмущающим воздействиям. Сама политическая жизнь рассматривалась как сложный комплекс процессов, с помощью которых определенные типы «входов» (inputs) (воздействие внешней среды) преобразуются в «выходы» (outputs) (властные решения и действия). Также неотъемлемой частью модели Д. Истона являются обратные связи, выступающие в качестве важнейшего фактора, определяющего поведение системы. Именно наличие обратной связи (воздействие системы на среду), по мнению автора, совместно со способностью политической системы осуществлять конструктивные действия создает предпосылки для адаптации системы и ее эффективного функционирования [4, с. 630–642].

Моделируя политическую систему по аналогии с функционирующей по замкнутой схеме кибернетической, Д. Истон изначально не раскрывал процессы, происходящие внутри ее. Внимание исследователя акцентировалось на проблемах поддержания устойчивости системы, ее «выживания, как в стабильном, так и меняющемся мире». Однако в более поздних работах ученый конкретизировал строение политической системы. Она стала рассматриваться как совокупность различных политических структур, которые образуются из отдельных элементов – государственных органов, партий, групповых объединений, элитных групп, несущих двойную функциональную нагрузку. По мнению Д. Истона, политические структуры, с одной стороны, обуславливают ограничения в поведении индивидов и групп, а с другой – способствуют достижению их целей [5, с. 3].

Таким образом, в работах Д. Истона субъектность групп интересов можно рассматривать на двух уровнях. Во-первых, группы интересов, имея социальную природу, успешно выполняют функцию агрегации и артикуляции интересов различных социальных групп, выступая тем самым в качестве эффективного инструмента давления и влияния на политическую систему извне, со стороны социальной среды. Во-вторых, группы интересов выступают в качестве важного компонента самой политической системы, который, наряду с другими политическими структурами, становится активным участником процесса принятия управленческих решений. Однако в концепции Д. Истона «за кадром» остаются ресурсные и инструментальные аспекты этого участия.

Функциональные характеристики групп интересов позволяет уточнить модель политической системы Г. Алмонда, который использовал «ролевой» подход к анализу ее сущности. В его интерпретации структурной единицей политической системы является политическая роль, а ее функционирование сводится к ролевому взаимодействию различных политических структур. В своей модели ученый выделял три функционально-ролевых уровня политической системы. «Функции процесса» (process functions) связаны с воздействием социальной среды на политическую систему и объединяют функции артикуляции и агрегации интересов, определения и осуществления политического курса, вынесения судебных решений. «Функции системы» (system functions) отвечают за процессы адаптации общества к политической системе (функции социализации, рекрутирования, коммуникации). «Функции управления» (policy functions) призваны решать задачи, связанные с управлением коллективными ресурсами общества (всевозможные виды регулирования поведения, поиск ресурсов, распределение благ и услуг между различными группами общества).

Как и в модели Д. Истона, каждый отдельный политический цикл замыкается через обратную связь, поскольку реализация «функций управления» должна, по мнению Г. Алмонда, изменить социальную среду, что в итоге усилит или ослабит устойчивость политической системы [6, с. 79–84].

Группы интересов в модели Г. Алмонда можно отнести к числу универсальных политических структур, которые наряду с политическими партиями и государственными институтами проявляют активность на всех функционально-ролевых уровнях политической системы. При этом объем функций, интенсивность и активность их реализации напрямую зависит от целого ряда факторов.

Наиболее сильное влияние на функционирование групп интересов в политической сфере оказывают сложившиеся параметры политического режима, характер и направленность политических коммуникаций, идеологические компоненты политики. Анализ политической субъектности групп интересов в российской политике требует определенности с точки зрения основных системных характеристик политического процесса 1990–2000-х годов. По нашему мнению, такие характеристики могут быть заданы исходя из концепции демократического транзита, который явился по сути пространством реализации групповых интересов.

Пик популярности транзитологии в отечественной политической науке, по всей видимости, остался в прошлом. Несмотря на это, было бы неправильным отказываться от целого ряда теоретических достижений этого подхода. Транзитологическая схема привлекательна прежде всего своей комплексностью. Она затрагивает трансформацию не только формальных политических институтов, но и реальных политических практик.

Группы интересов, являясь важным социально-политическим институтом трансформирующегося общества, часто не имеют формального оформления, а проявляют себя, по большей части, практически. Лишь по мере развития демократии, стабилизации политической системы, социальных отношений, страти-

фикационной структуры общества, группы интересов по-настоящему институционализируются, переходят на новый качественный и организационный, формальный уровень. В связи с этим процесс развития российских групп интересов целесообразно рассматривать именно в контексте перехода нашей страны от авторитарного правления к демократическому. Этот вектор представляется актуальным и для последующего анализа региональной практики, поскольку позволяет выявить общую типическую картину.

Отечественный политолог А.Ю. Мельвиль указывал, что группы интересов находятся на уровне процедурных факторов демократизации [7; 8]. Здесь политические партии, общественно-политические движения и группы интересов взаимодействуют с новыми политическими институтами, достигается согласие этих политических субъектов с продемократическими процедурами. Данный уровень служит своеобразным фундаментом для реализации иных факторов демократизации более высокого уровня.

Становление и развитие групповых интересов в России, однако, не подчинилось только логике демократического транзита. Считать так было бы явным упрощением ситуации. По нашему убеждению, реальный генезис групп интересов в России связан со столкновением демократических процессов и генетики российского социума.

Исторический опыт, генетическая память во многом определили паттерны развития, которые имеются в практической политике. Это наследие плохо укладывается в западные представления о том, как должны позиционировать себя группы интересов в демократическом обществе. В результате ситуация в постсоветской России характеризовалась, с одной стороны, расширением формальных возможностей для выражения и отстаивания интересов социальных групп. С другой стороны, сами социальные группы не были оформлены, а следовательно, и не могли четко осознавать свои групповые интересы. Более того, в силу традиционного патернализма российского общества самостоятельность воспринимается часто как маргинальная активность, непрестижная поведенческая практика.

Это обстоятельство определило мучительное рождение российского гражданского общества, в котором групповые интересы существуют и реализуются. Современная социально-политическая ситуация в России такова, что общественные структуры со своими группами интересов вынуждены присоединяться к крупным политическим партиям для достижения своих целей. Когда же приходит время отстаивать более специфические интересы и цели, для того чтобы эффективно участвовать в формировании общественных отношений, то им приходится полагаться на одобрение, санкционирование и финансовую поддержку со стороны государства [9].

В постсоветской России первыми заявили о себе и продолжают наиболее успешно реализовывать свои цели в политическом пространстве группы, основанные на общности бизнес-интересов и национальных (этнических) интересов. Это представляется абсолютно логичным и оправданным, поскольку демократический транзит в России совпал с периодом первоначального накопления капитала и усилением национальной самоидентификации народов.

Неразвитость демократических институтов и практик привела к тому, что в политическом пространстве требовали своего удовлетворения первичные социальные потребности, в то время как постматериальные групповые интересы, основанные на чувствах солидарности более высокого уровня, находились на втором плане.

По нашему мнению, теория групп интересов выступает в качестве перспективной исследовательской методологии, применимой для анализа политических систем. Она акцентирует внимание на комплексе формирующихся в политической сфере неформальных отношений, практик, институтов, выступающих значимыми факторами ее функционирования и развития.

Группы интересов можно рассматривать в качестве неотъемлемого атрибута политической инфраструктуры на всех уровнях реализации власти. Они обладают ярко выраженной политической субъектностью и ориентированы на активное участие в процессах принятия управленческих решений.

В свою очередь, формат функционирования групп интересов в политической сфере напрямую зависит от сложившихся параметров политического режима, характера и направленности политических коммуникаций, а также идеологических компонентов политики. В современном политическом формате наибольшей функциональностью обладают ассоциативные группы интересов, представленные специализированными организациями и союзами, которые, как правило, имеют устойчивую организационную базу, обладают широкими ресурсными возможностями и стремятся в ходе своей деятельности оказывать эффективное влияние на процесс принятия решений.

В рамках социально-политических исследований такая трактовка позволяет успешно решить целый комплекс задач: во-первых, идентифицировать группы интересов в общественной и политической системе; во-вторых, комплексно проанализировать на основе ряда критериев уровень их политической субъектности и эффективности; в-третьих, акцентировать внимание на каналах и источниках влияния групп интересов в политическом процессе.

Библиографический список

1. Теннис Ф. *Общность и общество: Основные понятия чистой социологии* / пер. с нем. СПб., 2002.
2. Теннис Ф. *Общность и общество* // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 207–227.
3. Мэдисон Дж. Федералист № 10 // Федералист: политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея / пер. с англ. М., 1994.
4. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М., 1997. Т. 2.
5. Easton D. *The Analysis of Political Structure*. N.Y.; London, 1990.
6. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. *Сравнительная политология сегодня: мировой обзор* / сокр. пер. с англ. М., 2002.
7. Мельвиль А.Ю. *Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты*. М., 1999.
8. Мельвиль А.Ю. *Опыт теоретико-методологического анализа структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам* // Полис. 1998. № 2.
9. Ракишина Е.Н. *Группы интересов гражданского общества в современной России* // Известия Саратов. ун-та. Сер.: Социология. Политология. 2007. Т. 7, вып. 2.

**A.F. Strizhova
Responsibility
of the Political Elite:
Defining the Concept
in Russian and English Traditions**

The available approaches to understanding the responsibility of the political elite in the domestic and English-speaking scientific traditions are shown. The author's definition of the category of "political elite responsibility" is formulated.

Key words and word-combination: responsibility of the political elite, accountability, democratic structure of the state.

Показаны имеющиеся подходы к пониманию ответственности политической элиты в отечественной и англоязычной научных традициях. Формулируется авторское определение категории «ответственность политической элиты».

Ключевые слова и словосочетания: ответственность политической элиты, подотчетность, демократическое устройство государства.

УДК 32.01

ББК 66.04

А.Ф. Стрижова

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ:
ДЕФИНИЦИРОВАНИЕ
ПОНЯТИЯ
В РОССИЙСКОЙ
И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ТРАДИЦИЯХ**

Проблематика ответственности политической элиты в последнее время все чаще поднимается отечественными политологами, психологами, правоведами и исследователями в смежных науках. Значимость этого вопроса проявляется в практической необходимости: политическая элита в любой стране обязуется нести ответственность за принятые решения, проводимую политику, реализуемый политический курс и т.п. Недостаток ответственности порождает коррупцию и низкую эффективность деятельности государственного аппарата, которые обычно сосуществуют и создают почву для развития друг друга. Однако в разных традициях ответственность элиты интерпретируется по-своему. Яркий пример тому – анализ проблематики ответственности российскими и англоязычными политологами.

В науке сформировалось несколько подходов к пониманию «ответственности» применительно к понятию «элита». В данном случае нет необходимости разделять «ответственность» элиты и ее «политическую ответственность», так как, во-первых, юридическая или дисциплинарная ответственность рассматриваются обособленно и уже определены наукой; во-вторых, объектом исследования выступает именно ответственность элиты в политической сфере, взаимоотноше-

ниях между публичными политиками, чиновниками, общественно-политическими силами. Вот почему ответственность политической элиты может быть проанализирована на основе уже имеющихся результатов исследований проблематики ответственности в других науках.

В российской научной традиции анализ ответственности проводился на основе философского, психологического, правового концептуальных подходов. Все эти подходы достаточно известны, активно используются в научных исследованиях. Каждая из наук рассматривает понятие ответственности под специфическим углом зрения, абсолютизируя то морально-этические, то социальные, то правовые ее характеристики.

Философский подход концентрирует внимание на моральной стороне ответственности; при этом она рассматривается как свойство человека, элемент его нравственного облика, результат внутренней работы личности. Нравственный уровень личности определяет ее отношение к ответственности за свои поступки, в частности за политическую деятельность. Таков лейтмотив философского подхода [1, с. 3–4; 2, с. 58; 3, с. 31; 4, с. 120–124].

Особенности психологического подхода заключены главным образом в понимании ответственности как персонифицированного качества личности, требующего от человека определенного уровня требовательности к своим действиям, к оценке их результативности. Здесь личность выступает как субъект и как объект ответственности [5, с. 49–50]. Одновременно психологическая ответственность может быть охарактеризована как склонность личности придерживаться в своем поведении общепринятых в данном обществе социальных норм, исполнять ролевые обязанности и ее готовность дать отчет за свои действия [6].

Самым разработанным в науке считается правовой подход к понятию ответственности, которое трактуется как необходимость соблюдения правовых норм, правил, законов, регулирующих поведение людей в обществе, и предполагает наказание в случае их нарушения. Объем сферы правовой ответственности имеет четкие рамки, а ее реализация облечена в определенную процессуальную форму [7; 8, с. 45–47]. В основе этого подхода заложена «санкция» – последствие некорректных действий субъекта в конкретной ситуации. Таким образом, акцент делается на внешнем контроле, который возможно отследить на основе формальных признаков – соответствие выполняемой сотрудником деятельности требованиям должностных инструкций; отчет о проделанной работе как реализации заранее намеченного плана. Однако при анализе конкретных политических фактов стоит учитывать, что акцент на применении возможных санкций является несколько односторонним пониманием сложного социального императива ответственности.

Все эти подходы дают общее представление о характере трактовки явления ответственности в отечественной научной традиции. Но представление о дефиниции понятия ответственности не может быть полным без рассмотрения его политологической трактовки.

Этот подход вызывает наибольший накал дискуссии в науке и постоянно востребован общественно-политической практикой. К тому же именно в поли-

тологическом подходе проявляются различия российской и англоязычной традиций, очевидных как в научном, так и в практическом использовании.

Для четкого определения разницы подходов следует рассмотреть более позднюю с точки зрения исторического периода становления и развития – русскую традицию. Основная часть исследований этой темы базируется на разработках психологической и юридической школ.

Ответственность в общем виде рассматривается здесь как «отношения, обеспечивающие интересы и свободу взаимосвязанных сторон и гарантируемые обществом и государством: долг, оценка поведения, санкции» [9]. При этом отмечается, что основным элементом в данном случае выступает оценка принятого решения или действия гражданина с точки зрения признанных или действующих идеалов, принципиальных норм, пользы общественного развития. В подходе отмечается совпадение внешнего стимулирующего воздействия на представителя элиты с обязательностью выполнения каких-либо норм. Ответственность как таковая находится вне акторов, их отношения не детализируются при ее определении. Данное определение близко к правовому, поскольку ответственность выступает как негативный элемент – только как санкция.

Политическая ответственность также определяется как «осознание ответственной зависимости политического лидера, субъекта властных отношений от государства, гражданского общества, политической организации, населения и в деятельности по осуществлению коллективного выработанного курса, выполнению предвыборной программы, обещаний перед электоратом; неуклонное следование в своей деятельности конституционным положениям и политико-правовым нормам» [10, с. 28]. Выделяется также «ответственность высших должностных лиц», под которой понимается «ответственность за характер их деятельности на посту руководителя субъекта Федерации» [10, с. 29]. Это определение недостаточно ясно, поскольку характер деятельности не рассматривается как система параметров или критериев оценки.

Ответственность может быть оценена функционально, через результат работы некоторых ее субъектов. «В осознании ответственной зависимости политического лидера, субъектов властных отношений от государства, политической организации населения в деятельности для осуществления коллективно избранного курса, выполнении обещаний, данных электорату, следовании конституционным положениям государства» видится основа ответственности представителя элиты [11, с. 63]. Политическая ответственность детализируется в виде выполнения элитой принятых на себя обязательств, обещаний, программ. Мерой же ответственности является «отстранение от должности тех, кто не должен осуществлять свои публичные функции» [11, с. 62].

Несмотря на положение о разделении юридической и политической ответственности представителей политической элиты, многие отечественные авторы склоняются к ее пониманию как санкции, что сужает понимание функционала субъектов и объектов ответственности. Кроме того, именно в таком подходе ограничивается само понятие элиты. Например, ответственность публичных политиков не может быть встроена в эту систему, исходя из того, что к ним просто не могут быть применены традиционные юридические санкции. Таким

образом, актуализируется проблема исследования и расширения применения ответственности в отечественной науке в ее преломлении к элите в широком понимании.

Надлежит также рассмотреть подходы, ставшие традиционными для англоязычных авторов и представленные в политологической литературе США. Их особенность выявляется уже на уровне терминологического анализа. С английского языка словом «ответственность» традиционно переводят три термина – **amenability**, **responsibility**, **accountability**, понимание которых имеет свои особенности, аутентичные для разных сфер применения, чего нет в отечественной литературе.

Amenability – типично юридический термин, рассматривающийся в словосочетании «amenability to the bar of public opinion», то есть «ответственность перед авторитетом общественного мнения» [12]. Более близким по смыслу для применения к «ответственности элиты», но малоупотребляемым в литературе по этой теме, является термин **responsibility** – в рамках политической сферы «наличие зависимости между действиями какого-либо лица и благосостоянием других лиц, которая налагает определенные моральные обязательства на это лицо»; «обязательства лица, в явном виде заданные его служебным или социальным положением».

Самым употребляемым определением ответственности в литературе стал термин **accountability** – «необходимость отчитываться, подотчетность». Термин употребляется в словосочетании «accountability to a body», то есть подотчетность какому-либо органу. Под термином «accountability» в англоязычных политологических источниках понимают «подотчетность» власти, которая, в свою очередь, представляет собой «социальный механизм в демократической системе, влияющий на поведение представителя государственной власти (президента, государственного служащего, депутата, парламента), сущность которого заключается в необходимости отчитываться перед внешним контролером (например, перед общественностью) за свои поступки».

Самый близкий к российской традиции понимания ответственности термин «accountability-as-liability» или «ответственность по закону». Он возникает в связи с требованиями закона или строгих правил организации; предполагает наличие конкретных санкций, налагаемых за совершение тех или иных проступков. Accountability-as-answerability (ответственность по обязанностям) – это механизм ответственности государственного служащего, эффективный в случаях, когда его служебные обязанности формализованы или четко регулируются и отвечает он за выполнение своих обязанностей перед конкретным должностным лицом, государственным органом. Примерами механизма такого типа являются вотум недоверия в парламенте, установление порядка подчиненности в иерархической организации. Этот подход близок традиционному пониманию ответственности российскими учеными.

Еще один вид политической ответственности – ответственность как атрибутивность (accountability-as-attributability), предполагающий расширение сферы ответственности политика, когда должностное лицо вынуждено отвечать за свое поведение не только в профессиональной, но и в личной сфере. Наиболее

часто ответственность как атрибутивность несут высшие должностные лица, вынужденные соответствовать предписываемым общественностью нормам поведения.

Самый распространенный механизм – *accountability-as-blameworthiness* (ответственность по статусу) – работает в случаях, когда социальное положение представителя власти налагает на него дополнительную ответственность. Например, не только в англоязычных странах, но и в России высшие офицеры отвечают (вплоть до отставки) за любой инцидент, произошедший в их ведении, даже если они не имеют к нему непосредственного отношения. В российской практике главы муниципальных образований ответственны за слабую реализацию задач политики государства в сферах, которые формально не входят в их полномочия.

Таким образом, в англоязычных источниках ответственность (а вернее, подотчетность) трактуют как принцип, при котором государственные лица, принимающие решения в условиях демократии, должны быть подотчетны народу за свои действия. Этот принцип осуществляется через механизмы, указывающие на субъект ответственности и форму ее реализации для объекта.

Необходимо отметить некоторые особенности в подходах к определению ответственности в российской и англоязычной традициях на основе сравнительного анализа.

Во-первых, видение проблемы отечественными учеными носит теоретизированный характер и, отражая функциональное использование ответственности, не дает конкретных типов и механизмов реализации ответственности представителей власти на практике. Во-вторых, ответственность в отечественной традиции в большинстве случаев рассматривается через призму юридического взгляда, оценивающего ответственность элиты как санкции и не предполагающего позитивного значения. В-третьих, сама ответственность определяется как основание для негативного воздействия на представителя элиты за проступок.

Оба подхода представляют общую картину объектов ответственности, зависимость политических акторов от общественного мнения, требований законодательства. Но ни в российской, ни в англоязычной традициях не представлены характеристики субъектов ответственности, условия их функционирования и взаимоотношений. Данный вывод подтверждается политической практикой России и США.

В США действует *Government accountability Office (GAO)*; его называют «аналитическим органом Конгресса» или «сторожевым Конгресса». Работа этого органа при Конгрессе США направлена на «повышение результативности деятельности федерального правительства и укрепление подотчетности его сотрудников на благо американского народа» [13]. Все рекомендации агентства государственным структурам являются обязательными для рассмотрения Конгрессом и принятия конкретных мер. Основными функциями GAO считаются анализ программ расходования бюджетных средств и итогов выполнения правительственных программ; проверка материалов СМИ и других публичных данных о незаконной деятельности представителей власти. В полномочия органа входит проверка совпадения целей политики и программ правительства, а так-

же подготовка юридических ответов на попытки опротестовать действия федеральных агентств.

В условиях, когда результаты деятельности получают негативную оценку со стороны экспертов или общественности, необходимо выявить базу и достоверность приведенных оппонентами аргументов; при условии их адекватности – подготовить рекомендации по итогам их анализа. Таким образом, работа GAO контролирует ответственность представителей элиты, выражающуюся в их поведении, отношении к работе; защищает интересы налогоплательщиков, средства которых тратятся органами власти; поддерживает статус институтов власти.

В российской политической системе функции, аналогичные GAO, реализуются Счетной и Общественной палатами. Счетная палата РФ осуществляет задачи государства по определению эффективности и целесообразности расходов государственных средств; по финансовой экспертизе проектов законов [14]. Представления и предписания Счетной палаты РФ обязательны для рассмотрения органами власти и принятия соответствующих мер. Однако Счетная палата РФ выполняет функции, большей частью связанные с финансовым контролем за деятельностью представителей элиты разных уровней.

Контроль за осуществлением этической ответственности представителей власти закреплен за Общественной палатой РФ [15]. Его форма, воплощенная в решении заседания по итогам рассмотрения вопроса, носит рекомендательный характер для представителей власти.

Важной формой реализации контрольных функций является предоставление широкой общественности данных о своей деятельности.

На официальном сайте GAO помещаются отчеты о проверке программ расходования средств; анализ законодательных актов; информация о проблемах в работе ведомств. Аналогичные сайты существуют у Общественной палаты РФ и Счетной палаты РФ. Следует отметить, что американским гражданам подобные данные предоставляются в большем объеме и оперативнее, нежели российским гражданам.

По итогам проведенного анализа имеющихся в науке подходов к определению рассматриваемого понятия, дефиниция «ответственность элиты» представляется как система взаимосвязанных субъектов и объектов ответственности, в которой политический актер реализует свою служебную и публичную деятельность для достижения перспективных целей. При этом эффективность самой системы зависит от соблюдения актерами принятых норм и правил ее функционирования, а также личной мотивации на улучшение результатов работы.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Искусство и ответственность // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
2. Бахтин М.М. К философии поступка. Автор и герой эстетической деятельности (фрагмент) // Философия и социология науки и техники: ежегодник 1984–1985. М., 1986.
3. Краснов М.А. Ответственность в системе народного представительства (методологические подходы). М., 1995.
4. Ореховский А.И. Введение в философию ответственности. Новосибирск, 2005.
5. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980.

6. *Муздыбаев К.В.* Психология ответственности. Л., 1993.
7. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2007. Т. VI.
8. *Миронько М.Б.* Принципы юридической ответственности. Тольятти, 2001.
9. *Атаманчук Г.В.* Теории государственного управления: курс лекций. М., 1997.
10. *Агапов А.К.* Ответственность региональной политической власти: анализ и технологии (на примере ЮФО) // Власть. 2004. № 6.
11. *Знаменский Д.Ю.* Ответственность и эффективность деятельности органов и должностных лиц публичной власти в Российской Федерации: политологический аспект: дис. ... канд. полит. наук. М., 2007.
12. Оксфордский словарь английского языка. 2-е изд. М., 2004.
13. About GAO. URL: <http://www.gao.gov/about/index.html>
14. О Счетной палате Российской Федерации: Федер. закон от 11 янв. 1995 г. № 4-ФЗ. URL: <http://www.ach.gov.ru/ru/law/federal-law/>
15. Об Общественной палате Российской Федерации: Федер. закон от 4 апр. 2005 г. № 32-ФЗ. URL: <http://www.oprf.ru/about/law/418/>

O.V. Milyukova
Transformation Limits
of Political Identification

The modernization of human consciousness is proved to have objective limits which are strictly conditioned by the content of people's cultural traditions.

Key words and word-combinations: political identity, culture, tradition, central zone of culture, transformation.

Доказывается, что модернизация сознания человека имеет объективные пределы, жестко обусловленные содержанием культурной традиции народа.

Ключевые слова и словосочетания: политическая идентичность, культура, традиция, центральная зона культуры, трансформация.

УДК 316.334.3:32
ББК 60.561.3:66.05

О.В. Милюкова

**ПРЕДЕЛЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ**

В современной научной литературе широко представлено мнение, что модернизация как процесс создания новых институтов и отношений, ценностей и норм требует определенного изменения идентичности людей модернизирующегося общества, а завершается сменой их идентичности [1, с. 91]. В.В. Лапкин указывает, что одной из важнейших функций модернизационных изменений – где бы они ни происходили и какие бы институциональные, поведенческие и культурные пласты общества ни затрагивали – является радикальное преобразование структур и принципов самоидентификации, характерных для членов данного общества, в

конечном счете ведущее к изменению идентичности всего социального организма [2, с. 50].

С одной стороны, данный подход, анализирующий современность в рамках классического понимания теории модернизации как тотального процесса, охватывающего все стороны жизни общества, имеет в своей основе дихотомию «традиционное – современное», где «традиционное» является по заданному условию устаревшим, уже «отжившим» и прямо мешающим развитию общества. С другой стороны, он обусловлен процессом глобализации, охватившим не только финансовую, технологическую, информационную, но также и идейно-ценностную его составляющую, универсализирующим социокультурные основания жизни любого современного общества.

В контексте данного подхода при всей обоснованности его положений, на наш взгляд, вне анализа остаются фундаментальные, связанные с понятием «самость» феномены существующих в мире основных культурных традиций, формирующих национальные идентичности как мощный ресурс современного развития (Китай, Бразилия, Индия и т.д.) [3, с. 40]. Подобная точка зрения не оставляет в практической политической плоскости иной возможности, кроме как насильственного внедрения новых социальных форм жизни, когда самоопределение социальных и политических субъектов происходит не свободно, а как бы вынужденно, по принципу «от противного», а сам процесс реформирования основных сфер и подсистем общества остается не только необходимым условием позитивных изменений, но и дестабилизирующим фактором развития. Более того, последовательная реализация данного подхода предполагает отказ не просто от отдельных ценностей национальной культуры, но и от национальной культуры как таковой для обеспечения процессов эффективной модернизации.

Таким образом, реализация указанного подхода на практике приводит к глубокому идентификационному кризису общества, охватывающему практически все формы проявления идентичности человека – этнической, конфессиональной, этноконфессиональной, политической, гражданской, социальной и т.д., – и резко актуализирует вопросы цивилизационной идентичности, поскольку именно проблема цивилизационного выбора по-прежнему остается определяющей для современной России. В практической же плоскости все нынешние кризисы, все досадные неудачи, недостатки и трудности в проведении реформ (от падения производства и невыплаты зарплат до развала науки, армии и культуры) – проявление несовместимости россиян с отвлеченно понятыми и насильственно внедряемыми новыми ценностями и моделями поведения. Все это свидетельствует о том, что факторы человеческого сознания являются значимым элементом формирования интересов и направленности общественной деятельности в целом [4, с. 121].

В современной России в рамках политической идентификации подавляющего числа ее граждан по-прежнему одним из важнейших объектов общественного внимания, «своего рода несущей конструкцией мировосприятия являются для россиян место и роль государства в экономической и социальной жизни» [5, с. 34]. Итак, «политическую идентификацию» следует рассматривать как самоотожествление гражданами страны, представление об этом сооб-

ществе, понимание места и роли национального государства, а также переживаемые в связи с этим чувства [6, с. 49].

В этом контексте уже невозможно просто отбросить прошлое – существует неумолимая необходимость при проведении реформ считаться с тем, к чему привыкли люди. Соответственно институциональные преобразования должны базироваться на уже существующих неформальных правилах социального поведения.

Суть дела в том, что социальные институты, определяющие эффективность системы в целом, включают в себя, помимо формального права, массу неформальных правил, обычаев и традиций, определяющих функционирование общества. Социальные институты не могут меняться по мановению руки, поскольку они вызывают определенную инерционность и генетическую преемственность социальных систем. С позиций институциональной теории для формирования эффективной социальной системы в России необходимо создать адекватные уровню развития общества институты, учитывающие исторически сложившиеся традиции и правила социального взаимодействия.

Примером продуктивности использования институционального подхода является концепция институциональных матриц С. Кирдиной: социальные институты здесь трактуются как глубинные, исторически устойчивые основы социальной практики, обеспечивающие воспроизводство любого типа общества, а институциональная матрица – это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих экономическую, политическую и идеологическую подсистемы общества [7, с. 15, 17].

Институциональная матрица «задает» природу общества, определяет его специфику, воспроизводящуюся в ходе исторической эволюции. Она устойчива, инвариантна по отношению к внешним воздействиям и действиям сил внутри страны. Развитие любого общества обеспечивается не столько ломкой тех или иных устаревших форм, сколько позитивным разворачиванием свойственного ему социального содержания, максимальным развитием элементов, свойственных этому обществу. Тогда Россию следует рассматривать не как традиционное общество, но как страну с качественно иным, по сравнению с западными странами, комплексом социальных институтов, а также соответствующими им ценностями, общественными нормами и социальными правилами.

Среди макросоциальных причин, непосредственно влияющих на возможности модернизации сознания, фундаментальное значение имеют политические традиции, в той или иной степени включающие в себя ценности политической культуры народа и определяющие структуру социальных взаимодействий конкретных стран. В целом можно с уверенностью утверждать, что именно посредством традиций на протяжении веков осуществлялась передача культурного опыта, знаний, верований, образцов поведения и т.д. Вот почему для некоторых антропологов и этнологов «традиция» выступает синонимом «культуры».

В этом смысле политическая культура выражает движение присущих народу традиций в сфере государственной власти, их воплощение и развитие в современном контексте. Выражая этот «генетический код» народа, его дух в символах и атрибутах государственности, политическая культура обеспечивает в при-

вычных для людей формах стабильность отношений элитарных и неэлитарных слоев общества. Другими словами, политические традиции оказывают решающее воздействие на характер функционирования и трансформации институтов государства и гражданского общества. Они возникают вместе с культурами, складываются как накопленный опыт деятельности и адаптации, глубоко проникая в психологию людей, формируя характер общности и т.д. Таким образом, традиции входят в тот комплекс, который еще Э. Шилз определил как «центральная зона культуры».

«Центральная зона» – это предельный, нередуцируемый «центр», средоточие ценностей, верований, действий членов общества. «Центр» представляет собой структуру основных для данного общества активностей, ролей и инструкций внутри некоего каркаса институций [8, с. 180–183].

Вместе с тем центральная зона культуры содержит в себе как первичные (те, что ее образуют), так и вторичные (производные) ценности, причем первые проецируют вторые, распространенные в обществе. Эта «центральная зона культуры», по Э. Шилзу, определяет субординацию элит, ролей и типов активности. Она отвечает потребности людей в причастности к трансцендентному, являясь источником символов, а также задает способ их упорядочивания. Соприкасаясь с центральной зоной культуры, индивиды соприкасаются с чем-то более значимым и менее конечным, чем их повседневная жизнь. Центральная зона культуры сохраняется даже в периоды революций и по окончании их воспроизводит свои социальные подсистемы и их элиты (экономическую, политическую, статусную, систему родства и институций) [8, с. 184].

Несколько иначе к этим проблемам подходил П. Сорокин, который, разрабатывая вопросы социокультурной динамики, также обратил внимание на внутренние источники развития культуры, на механизмы ее защиты. Он выдвинул положение о внутренней логико-смысловой оси культуры. Подобное смысловое ядро культуры формируется исторически в виде основной ее темы, вбирающей в себя не просто уникальный исторический путь, но и чаяния, надежды и устремления народа. Данное смысловое ядро и придает культуре психологическую целостность и внутреннюю гармоничность, индивидуальность, логику функционирования всей системы культуры, обеспечивая ее саморазвитие, саморегулирование, сбалансированность, и в этом своем качестве смысловая ось в историческом процессе выступает как культурная традиция, объединяя вокруг себя все элементы, феномены и свойства культуры [9, с. 19–20].

Таким образом, подход, опирающийся на базовые положения институциональных концепций и теорий политической культуры (Э. Шилз, С. Кирдина, С. Лурье, Ю. Красин), позволяет преодолеть ограниченную применимость популярных концепций модернизации при анализе развивающихся экономик и обществ, которые модернизируясь, не становятся, тем не менее, «modern» в западном понимании [10, с. 7]. Особенно важно, что этот подход не предполагает разрушения существующей системы, поскольку исходит из того, что «новизна» должна быть укорененной в российской реальности и может быть создана только на основе переосмысления всего исторического опыта – переосмысления, а не отрицания.

Библиографический список

1. Федотова В.Г. Модернизация и глобализация // Мегатренды мирового развития. М., 2001.
2. Лапкин В.В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис. 2008. № 3.
3. Семенов И.С. Дилеммы утверждения национальной идентичности в глобальном мире // Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России. М., 2010.
4. Сморгун Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-то идеи для объяснения политики? // Полис. 2009. № 1.
5. Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социс. 2010. № 12.
6. Дробижнева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социс. 2010. № 12.
7. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социс. 2001. № 2.
8. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1998.
9. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 1999.
10. Кирдина С.Г. Интеллектуальный шанс России // Социс. 2011. № 1.

E.A. Markov
Mass Media Role in the Conflict
between the President
and the Supreme Council
of Russia (1993)

The role of the mass media in the development of the conflict between the president and the Supreme Council of Russia in 1993 is studied. The features of the information support of the conflict are revealed.

Key words and word-combinations: constitutional crisis, the conflict, mass media, market reforms, democratic processes.

Исследуется роль средств массовой информации в развитии конфликта Президента и Верховного Совета России в 1993 г. Показаны особенности информационного сопровождения конфликта.

Ключевые слова и словосочетания: конституционный кризис, конфликт, средства массовой информации, рыночные реформы, демократические процессы.

УДК 323.21:070.1|1993|
ББК 66.3(0),133:76.01«1993»

Е.А. Марков

РОЛЬ СМИ
В КОНФЛИКТЕ
ПРЕЗИДЕНТА
И ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
РОССИИ (1993 ГОД)

События октября 1993 г. существенно изменили расстановку политических сил в России. До этого момента в стране действовали два центра политической власти, представленные с одной стороны Президентом, а с другой – Верховным Советом. После октябрьских событий исполнительная власть, силовыми методами преодолев противостояние с неподконтрольным Верховным Советом РФ, начала формировать моноцентричную систему политического управления.

Противостояние двух ветвей власти, закончившееся расстрелом здания Верховного Совета, имело под собой как политические, так и экономические основания.

Политическая причина столь тяжелого по своим последствиям кризиса состояла в том, что, по мнению сторонников Президента России Бориса Ельцина, действовавшая на тот момент и весьма противоречивая в своем содержании российская Конституция стала тормозом в проведении реформ. Работа над новой редакцией Основного Закона велась слишком медленно и неэффективно.

Необходимость принятия новой Конституции была осознана всеми политическими силами еще в ходе принятия 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете. Уже 22 июня на I Съезде народных депутатов РСФСР была образована Конституционная комиссия, в которую вошли представители всех субъектов Российской Федерации. Ее работу возглавил Б.Н. Ельцин, занимавший в то время пост Председателя Верховного Совета страны.

Первый конституционный проект был подготовлен всего за четыре месяца. Он предусматривал парламентскую форму правления и низведение статуса Президента до положения номинального главы государства [1]. Верховный Совет России одобрил представленный проект. Но 12 июня 1991 г. Б.Н. Ельцин был избран Президентом России, и, естественно, закрепленные в конституционном проекте подходы в организации государственной власти перестали его устраивать.

В мае 1993 г. был обнародован очередной проект Конституции, одобренный Верховным Советом. Его авторы вновь обозначили в документе ведущую роль парламента в системе высших органов государственной власти. Наиболее показательным было то, что глава о Верховном Совете предшествовала главе о Президенте – этим подчеркивались конституционные приоритеты.

Новый проект Основного Закона существенно исправлял многие положения действовавшей на тот момент старой Конституции. Однако он не был лишен важнейших системных противоречий. В частности, явно в нарушение заявляемого принципа разделения властей Верховный Совет наделялся обширными «контрольными полномочиями», а также правом принимать решения по основным направлениям внутренней и внешней политики России. Проект ставил Президента под контроль Верховного Совета, обязывая его представлять ежегодные доклады об осуществлении внутренней и внешней политики, выполнении федеральных программ. Подчиненное Президенту Правительство также обязано было ежегодно представлять отчет Верховному Совету. Эти и ряд других положений существенно ущемляли права Президента и исполнительной власти, закладывая своеобразную «мину» под отношения исполнительной и законодательной властей.

В целом процесс разработки проекта Конституции РФ растянулся на долгих три года. Конституционная реформа, в которой остро нуждалась суверенная Россия, зашла в тупик.

Экономической основой рассматриваемого противостояния стали радикальные рыночные («либеральные») реформы, санкционированные Президентом Ельциным и проводимые под руководством Е. Гайдара. Теоретические расчеты идеологов российской «шоковой терапии» натолкнулись на значительные трудности. В обществе усиливалось разочарование, росло социальное напряжение.

Рыночные методы хозяйствования, ставшие основой экономических преобразований, только ухудшили материальное благосостояние граждан, что и послужило причиной появления у населения страны недовольства деятельностью Ельцина и его команды. Так, газета «Труд» обнародовала данные Госкомстата России, в соответствии с которыми более 15 миллионов человек в первом квартале 1993 г. находились не просто за порогом бедности, а очень далеко за этой чертой. Их среднедушевой доход был меньше минимально допустимого прожиточного уровня не на 10% или 20%, а вдвое больше. «...Даже и неэкономисту ясно, – пишет газета, – что эти 15 миллионов ведут полуголодную жизнь, не покупают вещей, ездят «зайцем» на городском транспорте. Так существует сегодня каждый десятый россиянин. Еще около 40 миллионов человек тоже живут за порогом бедности, но их среднедушевой доход чуть повыше – он колеблется от половины прожиточного минимума до самого этого минимума. В общей сложности более трети населения оказались за чертой бедности» [2].

Недовольные проводимым экономическим курсом стали объединяться вокруг Верховного Совета, ведь именно его депутаты знали о настроениях народа и представляли интересы своих избирателей в этом органе власти. Последующая эскалация противостояния двух ветвей власти привела к трагическим событиям 3–4 октября, жертвами которых стали, по официальным данным, около 150, а по неофициальным сведениям – до 1300 человек [3].

Средства массовой информации активно и достаточно разнообразно отражали развитие конфликта ветвей российской власти. Отметим, что работать в условиях противостояния важнейших властных институтов им было непросто. Особенно это на себе испытали средства массовой информации, учредителями которых являлись те или иные органы власти. Зачастую произошедшие события отражались в соответствии с политическими пристрастиями руководителей масс-медиа. От объективности и полноты редакционных материалов, а также оценок, помещенных в комментариях, во многом зависело формирование симпатий или антипатий населения к представителям двух противоборствующих сторон, а также общее отношение граждан к совершившимся событиям.

Газета «Коммерсантъ-Daily» старалась выдержать объективный и беспристрастный тон, строго, лаконично и по-деловому освещая происходящее, избегая оценок и комментариев [4].

«Коммерсантъ-Daily», 22 сентября 1993 г.:

Президент России наконец совершил то, чего довольно давно ждали и его сторонники, и его противники. В соответствии с подписанным им вчера указом об изменениях и дополнениях в действующую Конституцию прекращается осуществление всех функций Съезда народных депутатов и Верховного Совета России. Выборы в новый парламент – Федеральное Собрание – назначены на 11–12 декабря этого года...

«Коммерсантъ-Daily», 28 сентября 1993 г.:

Надежды Ельцина на мирное расползание обессиленных от темноты и информационного удушья депутатов пока не оправдались. Эйфория легкой победы (Кремль опасался гораздо большего народного и зарубежного негодования), скорее всего, пройдет очень скоро. При всей фарсовости происходящего в Белом доме и около него – марширующих ополченцах и свечках на «боевых постах» – за прошедшую неделю сформировалась достаточно мощная группа людей, которые просто так здание не оставят.

«Коммерсантъ-Daily», 5 октября 1993 г.:

...Без пяти семь в понедельник кто-то меня разбудил – я спала в буфете на шестом этаже на составленных стульях. Стала слышна автоматная стрельба. Я выглянула: у здания стояли БТР и стреляли: по баррикадам, машинам, брезентовым палаткам, где еще накануне ночевали защитники парламента. Были видны люди, лежащие на площади: то ли раненые, то ли убитые. Одного из них за руки протащили к Белому дому, и на площади за ним осталась кровавая полоса. К остальным подойти не удавалось, они лежали, а над их головами били трассерами.

Позиция газеты формально такова, что мнения и оценки должны формировать сами читатели. Но в контексте все же читается неодобрение действий Президента и силовых структур. Издание могло себе это позволить, потому что владельцем контрольного пакета акций и председателем правления ЗАО «Коммерсантъ» на тот момент был Владимир Яковлев, основавший эту газету и сам являвшийся главным редактором до 1992 г. Органы власти не имели возможности как-либо влиять на редакционную политику данного издания.

Газета «Советская Россия», в отличие от «Коммерсантъ-Daily», занимала резко выраженную политическую позицию [4]. Она не просто симпатизировала противникам Президента, а стала рупором, через который они выражали свое недовольство, доносили до населения оппозиционное Президенту мнение. Материалы авторов этого издания пропитаны эмоциями и устаревшей риторикой.

«Советская Россия», 28 сентября 1993 г.:

Ночь с 26 на 27 сентября 1993 года, без всякого сомнения, войдет в историю нашей Родины прекрасной, вдохновляющей страницей. Всего несколько тысяч человек, собравшихся в Доме Верховного Совета и вокруг него, показали образец стойкости и самоотверженности в борьбе против тоталитаризма, за свободу, честь и достоинство нации. Семь суток патриоты, среди которых немало женщин, стариков, юношей и девушек, не покидали этого места, куда привели их совесть и гражданский долг...

Занимавший пропрезидентские позиции «Московский комсомолец», наоборот, поддерживал и одобрял силовую акцию по расстрелу здания Верховного Совета и разгону парламента [4]. В своих материалах его авторы по отношению к противникам использовали уничижительные и оскорбительные выражения, тем самым показывая, что газете нечего и некого бояться, потому что на ее стороне – сила и власть.

«Московский комсомолец», 23 сентября 1993 г.:

Первый день работы Александра Владимировича в новой должности прошел чрезвычайно насыщенно. Ровно в полночь, как и должно всякой **нечисти**, генерал Руцкой приступил к исполнению обязанностей главы государства и принес клятву на Конституции. Принес он ее совершенно **бездарно**: в столь ответственный момент надо держать ладонь на Конституции, а не размахивать Основным Законом, как проездным билетом в автобусе. Первый указ был готов уже через двадцать минут. Затем начались беседы с народом. По сообщению пресс-секретаря **самозванца** А. Федорова, телефоны разрывались всю ночь, **дабы** выразить новоявленному спасителю отечества свою искреннюю поддержку.

Небольшая и документально четкая заметка, помещенная в газете «Известия», лучше всего показывает отношение представителей победившей стороны к тем идеалам, что характерны для старшего поколения [4].

«Известия», 7 октября 1993 г.:

С 16 часов 6 октября к Мавзолею вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина не выставляется почетный караул военнослужащих Президентского полка. Приказ о ликвидации поста № 1 без двадцати минут четыре отдал начальник Главного управления охраны РФ, комендант Кремля Михаил Барсуков.

Анализируя материалы ведущих печатных СМИ, посвященные событиям октября 1993 г., можно сделать вывод, что наиболее свободной в своих действиях была газета «Коммерсантъ». Следуя традиции западноевропейских масс-медиа, она старалась отделять факты от мнений, формируя у своей аудитории объективное представление о происходящем [5]. К слову сказать, именно «Коммерсантъ» проинформировал своих читателей о том, что в стране вновь введена цензура, поскольку отдельные передачи не выпускают в эфир на центральных телеканалах, а издания выходят с пустыми местами на полосах вместо снятых в последний момент материалов [4].

«Коммерсантъ-Daily», 29 сентября 1993 г.:

Более всего пострадала в последние дни свобода слова на телевидении, особенно на каналах телекомпании «Останкино». <...> По словам выступившего на пресс-конференции члена совета директоров телекомпании «Останкино» Анатолия Малкина, председатель компании Вячеслав Брагин заявил ему, что «нам вся правда сейчас не нужна, а когда будет нужна, я скажу»...

«Коммерсантъ-Daily», 6 октября 1993 г.:

Вчера утром «Независимая газета» и «Сегодня» попали к читателям с белыми пятнами на месте снятых цензурой материалов. Как стало известно впоследствии, сотрудники Мининформпечати изъяли из «Сегодня» материал Сергея Пархоменко, в котором он критически оценивал события в Кремле в ночь на понедельник – в частности, долгие переговоры с армейскими начальниками, никак не решавшимися войти в город, несмотря на прямые приказы. В «Независимой газете» были сняты два материала – мнение председателя Кемеровского областного Совета Амана Тулеева о московских событиях, а также статья об одном из экологически вредных производств Москвы.

Российским средствам массовой информации было сложно, если не сказать – невозможно, выполнить задачу беспристрастного информирования граждан. В дни октябрьских событий власть вновь прибегла к старым, но эффективным средствам, позволявшим контролировать деятельность редакций – цензуре и запретам.

По мере нарастания и разрешения политического конфликта исполнительная власть взяла СМИ, учредителями которых был Верховный Совет РФ, под свой контроль. Еще 23 сентября 1993 г. премьер-министр РФ подписал постановление о передаче в ведение Правительства изданий, учредителем которых являлся Верховный Совет России, таких, как «Российская газета», «Юридическая газета России», журнал «Народный депутат», теле- и радиопрограммы «РТВ-Парламент», а также издательство «Известия Советов народных депутатов Российской Федерации» [6]. Издание «Российской газеты» – печатного органа ВС РФ – было приостановлено [7].

Несколько газет («Советская Россия», «Правда», «День», «Гласность»), которые высказывались в поддержку действий парламента и после силового разрешения конфликта, были запрещены. Однако через некоторое время, после

принятия новой Конституции и выборов в Думу, они вновь получили возможность возобновить свою деятельность.

Если говорить о телевидении, то сразу после начала конфликта на Российском ТВ была закрыта телепрограмма ВС РФ «Парламентский час», а на канале ГТРК «Останкино» – еженедельная авторская программа В. Политковского «Политбюро», ток-шоу А. Любимова «Красный квадрат», «Времечко», в которых высказывались критические замечания в адрес Б. Ельцина. Только одна телевизионная передача – «600 секунд», выходящая на Санкт-Петербургском ТВ, осмеливалась освещать деятельность сторонников Верховного Совета РФ, но и она после штурма Белого Дома была немедленно закрыта.

Как заявлял член Президентского совета А. Мигранян, Президент не знал о введении цензуры и никаких цензурных инициатив от него не исходило. В противовес этому утверждению бывший пресс-секретарь Ельцина П. Воцанов сказал, что хорошо знает многих людей из президентской команды и поэтому берет на себя смелость утверждать: «Этому режиму не нужна свободная пресса» [5]. Показательными в этом смысле являются слова популярного тележурналиста Александра Любимова, сказанные им во время происходивших событий: «Я должен информировать людей о том, что происходит в обществе. Сегодня я сделать этого не могу, как многие газеты и телекомпании, вынужденные платить дань чиновникам президента за то, что государство дает средства на выживание. Такова экономическая ситуация» [8].

Руководители оппозиционного парламента в октябрьские дни безуспешно пытались получить доступ к телевизионному эфиру, хорошо понимая, что ТВ – это единственный и, пожалуй, самый эффективный способ информирования граждан страны о происходящем и озвучивания своей точки зрения о причинах конфликта. Именно этот пункт требований руководителей оппозиции стал камнем преткновения в переговорах о снятии напряженности в противоборстве двух сторон. На выполнение такого требования никак не хотел и не мог пойти Б. Ельцин. Президент хорошо понимал, что если руководители оппозиции получают доступ к «прямому эфиру», то события могут развиваться совершенно по иному сценарию, нежели тому, какой был заготовлен у его команды.

Российское общество должно научиться извлекать уроки из ошибок прошлого. Если бы средства массовой информации были самостоятельным и полноценным политическим институтом, то противостояние двух ветвей власти в октябре 1993 г. можно было перевести в не-силовой формат. Масс-медиа в подобной ситуации должны выступать организаторами дискуссии. Но в нашем случае некоторые из них встали на сторону того или иного участника конфликта, не разрешая его, а, напротив, усугубляя.

События октября 1993 г. нанесли глубокую рану молодому, эволюционно развивавшемуся российскому гражданскому обществу. Они предопределили и деятельность российских СМИ в будущем. Интересы новой политической элиты страны совпали с интересами мечтавшей о новых возможностях элиты медийной. Поддержавшие правящую элиту представители масс-медиа очень скоро попали в политическую, а потом и в экономическую зависимость, что нашло свое подтверждение в дальнейших событиях.

Библиографический список

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для юрид. вузов и фак. М., 1999.
2. Черняк А. Страсти вокруг власти и новой Конституции (О чем писали газеты в первой половине мая 1993 г.). URL: http://www.rau.su/observer/N15_93/15_03.htm
3. URL: <http://vaziani.livejournal.com/8469.htm>
4. URL: http://www.garweb.ru/conf/ks/20031126/smi/msg.asp?id_msg315029.htm
5. Балашов А. Журналисты о цензуре: В России появились запретные темы // Коммерсантъ. 1993. 29 сент., № 186 (409).
6. Уланский Я. Правительство выступило правопреемником парламента // Коммерсантъ. 1993. 24 сент., № 183 (406).
7. Погорельий В. Исполнительная власть не оставляет оппозиции шансов // Коммерсантъ. 1993. 6 окт., № 191 (414).
8. Из заявления пресс-службы РГТРК «Останкино» // Независ. газ. 1993. 2 окт.

E.V. Matveeva
**The Informal Side
of Non-Governmental
Environmental
Organizations Activity**

The problem of non-governmental environmental organizations activity in the modern world is considered. The ambiguity of their role in the decision of environmental problems is proved.

Key words and word-combinations: environmental problems, non-governmental environmental organizations, environmental campaigns.

Рассматривается проблема деятельности неправительственных экологических организаций в современном мире. Доказана неоднозначность их роли в решении экологических проблем.

Ключевые слова и словосочетания: экологические проблемы, неправительственные экологические организации, экологические кампании.

УДК 329(4/9)
ББК 66.69(4/8)

Е.В. Матвеева

**НЕОФИЦИАЛЬНАЯ
СТОРОНА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ
ЭКОЛОГИЧЕСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ**

Экологические проблемы и экологическая политика становятся сегодня неотъемлемыми компонентами развития современных обществ. В связи с этим отмечается рост популярности и значимости неправительственных экологических организаций в решении экологических проблем.

Наиболее весомую роль играют Международный социально-экологический союз, Гринпис, Всемирный фонд дикой природы, Международная экологическая организация «Беллона», Зеленый крест. За последние двадцать лет они сумели закрепить свои позиции и открыть отделения во многих крупных городах мира, в том числе на постсоветском

пространстве. Однако деятельность названных организаций в определенной степени двойственна. С одной стороны, в общественном сознании они, как правило, ассоциируются с широко известными (отметим, не без активного участия самих организаций) достижениями в деле охраны окружающей среды. С другой стороны, в их работе заметны признаки того, что международные неправительственные экологические организации действуют в интересах политической элиты ряда европейских стран и США.

Достиженные в деле защиты окружающей среды результаты свидетельствуют о полезности данных организаций для разных стран. Безусловно, положительную роль в деле улучшения экологической ситуации в мире сыграли запреты на строительство новых АЭС, позитивный общественный резонанс вызвали протесты экологистов против транспортировки ядерных отходов, проведенные ими мероприятия по сохранению лесов и биологического разнообразия морей. Однако названные достижения, публикуемые экологическими организациями в своих ежегодных докладах, составляют лишь видимую сторону их деятельности, позволяя скрыть сторону неофициальную.

Крупнейшей среди неправительственных экологических организаций является Гринпис. В настоящее время эта организация декларативно космополитическая, формально не подчиненная ни одной политической или экономической силе в мире и никем полностью финансово не контролируемая. Все остальные экологические организации, как правило, поддерживают акции Гринпис.

Гринпис давно превратился в преуспевающую экономическую структуру. На собственно экологические кампании организация тратит чуть больше трети всех своих средств, остальное идет главным образом на инвестирование в различные фонды (21%), «нужды администрации» (15%), на невнятную «поддержку акций» (9%), информирование публики о своих заслугах (9%), траты на положительные отзывы в прессе (8%). Чистая прибыль Гринпис, например, за 1998 г. составила почти 101 млн долларов. При этом официальная статистика Гринпис настаивает на том, что из 125 млн общего дохода 121 млн приходился на частные пожертвования рядовых граждан по всему свету [1].

Применяемая схема финансирования, по нашему мнению, создает превосходные возможности для лоббирования гринписовских программ со стороны государственных органов заинтересованных стран или же частных лиц. Подтверждением тому служит известный скандал конца 1970-х годов, когда французские журналисты доказали, что протесты местного отделения Гринпис против строительства во Франции АЭС оплачивались американцами, а сами действия протестующих были согласованы с правительством США, продвигавшим на европейский рынок свои энергетические компании.

Гринпис – организация строго иерархичная, выстроенная по образцу военных формирований, имеющая военизированные отряды и подразделения поддержки. Ее активисты одеты в униформу и снабжены автономными средствами коммуникации. Подготовка Гринпис к той или иной акции напоминает планирование армейской операции.

В состав Гринпис входят или с ним сотрудничают сотни научных лабораторий, компьютерных центров, аналитических отделов и маркетинговых групп,

работа которых координируется из единого центра организации – так называемого «Stichting Greenpeace Council». Здесь просчитывается все: от организованного давления на «сочувствующих» в правительстве, парламенте, деловых кругах выбранной страны и нужного освещения акции в местной и мировой прессе до разработки символики акции и подбора фотогеничных исполнителей. Централизация управления видна в том, что ни одна даже самая отдаленная в географическом отношении акция не может пройти без одобрения в правлении «Гринпис Интернэшнл». Подобная организация деятельности позволяет решать поставленные задачи с высокой долей эффективности.

В своих уставных документах Гринпис ратует за непременно активные, но формально ненасильственные методы проведения своих мероприятий. Однако ясно, что в случае блокирования атомных реакторов или фактических нападений на океанические рыболовные (в большинстве случаев китобойные) суда говорить о пацифистской безвредности экологов не приходится.

Зачастую Гринпис прямо диктует свои условия правительствам суверенных государств, ведя необъявленную войну с тысячами фирм, предприятий и компаний по всему миру. Поэтому нельзя исключать вероятности его использования в качестве прикрытия для разведывательной и диверсионной деятельности, подавления конкурентов, вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Подтверждением наносящей ущерб государственным интересам шпионской деятельности экологических организаций в России служат два громких дела, связанных с именами капитана 1-го ранга в отставке журналиста Александра Никитина [2–4] и капитана 2-го ранга Григория Пасько [5; 6]. Наряду ними можно назвать судебные процессы в отношении российских ученых – профессора Тихоокеанского океанического института, эколога В.Н. Соифера [7; 8] и старшего научного сотрудника института США и Канады И.В. Сутягина [9].

Капитан А. Никитин выступал в роли эксперта норвежского общественного движения «Беллона» (Bellona). Уголовное дело на него было заведено УФСБ по Санкт-Петербургу. В тот же день (5 октября 1995 г.) сотрудники спецслужб провели обыск в российских офисах организации в Мурманске, Северодвинске, Санкт-Петербурге, в ходе которых изъяли дискеты, компьютеры, документы и другое имущество. Никитина несколько раз допрашивали в связи с публикациями отчетов экологов о загрязнении северо-востока Европы ядерными отходами Северного флота. Следствие пришло к выводу, что в докладе Bellona «Северный флот – потенциальный риск радиоактивного загрязнения региона» об источниках радиоактивного загрязнения в Мурманской и Архангельской областях (А. Никитин работал по этому проекту) содержалась государственная тайна. В итоге бывший военный был заключен под стражу, обвинен в измене родине и разглашении государственной тайны.

Никитин был освобожден только в декабре 1996 г. по личному распоряжению Генерального прокурора РФ. 29 октября 1999 г. Городской суд Санкт-Петербурга оправдал А. Никитина по всем пунктам обвинения. 17 апреля 2000 г. оправдательный приговор был оставлен в силе Верховным судом РФ [10]. Обвинение не смогло доказать умысел передачи зарубежным средствам массовой

информации секретных данных о наших военных объектах под видом экологических замеров.

Журналиста, кроме всего прочего, обвиняли в передаче схемы российской береговой базы. Поддерживавшие А. Никитина экологи оправдывали его тем, что еще в 1995 г. в открытом докладе Гринпис самым детальным и дотошным образом эта база была описана. Таким образом, получалось, что А. Никитин никоим образом не вел шпионской деятельности против России, потому что ранее всю информацию собрал и представил Гринпис.

Второе громкое дело конца 1990-х годов связано с именем Григория Пасько. 13 ноября 1997 г. во время вылета в служебную командировку в Японию в аэропорту Владивостока у Г. Пасько, сотрудника газеты «Боевая вахта», изъяли все материалы, которые он вез с собой. 20 ноября того же года по прилете из командировки Григорий Пасько прямо в аэропорту Владивостока был арестован. Ему предъявили обвинение в государственной измене.

Параллельно с работой в «Боевой вахте» капитан 2-го ранга Г. Пасько сотрудничал с приморским бюро японской телекомпании NHK, а также японской газетой «Асахи», где получал гонорары за опубликованные материалы. Известно, что в свое время военный журналист прославился тем, что снял и передал NHK видеозапись процесса слива в Японское море жидких радиоактивных отходов, образующихся при ремонте и демонтаже атомных подлодок России. Зимой 1995 г. эта пленка была показана по японскому телевидению.

25 декабря 2001 г. суд Тихоокеанского флота признал Г. Пасько виновным в шпионаже в пользу Японии (ст. 275 УК РФ) и приговорил к четырем годам лишения свободы с отбыванием срока в колонии строгого режима. Также суд приговорил Пасько к конфискации имущества и лишению воинского звания [11].

Одним из примеров вмешательства международных экологических организаций во внутренние дела европейских государств служит поддержка экологами проекта по созданию подводной системы высокого напряжения в Северном море. В данном случае имеются в виду кабельные системы высокого напряжения, которые свяжут офшорные ветровые электростанции, расположенные перед германским и британским побережьем с норвежскими ГЭС, приливными электростанциями на датском и бельгийском побережье и солнечными и ветровыми электростанциями на европейском континенте.

Таким образом планируется создать международную энергосистему, включающую экологически чистые источники энергии. Энергосистема независимо от региональных погодных условий сможет постоянно снабжать европейских потребителей. Считается, что данный проект будет стимулировать дальнейшее развитие возобновляемых источников энергии в ЕС. Стоимость проекта оценивается в 30 млрд евро, крайний срок реализации намечен на 2020 г.

В интервью германскому экономическому еженедельнику «Wirtschaftswoche» Свен Теске, эксперт по энергетическим проблемам Гринпис, заявил, что создание подобной энергосистемы позволит европейцам решить проблему погодной зависимости многих альтернативных источников энергии и полностью отказаться от использования атомных и угольных электростанций. По мнению

российского издания «НГ-энергия», «реализация данного проекта может нанести удар и по планам «Газпрома» по использованию российского газа для производства электроэнергии в Европе» [12].

Одним из главных направлений деятельности зарубежных экологов в России во главе с Гринпис является так называемая «антиядерная» кампания. В нее хорошо вписываются широко распространяемые рассуждения об ошибочности или даже преступности продажи российских технологий Ирану. За всеми высказываниями о возможности превратить мирный атом в военный ядерный проект прослеживается влияние США. Не секрет, что Соединенные Штаты заинтересованы в устранении экономических конкурентов, в том числе работающих в области атомных технологий.

По этой же причине еще большее внимание «зеленых» приковано к уже построенным или строящимся российским АЭС и ГЭС. Особенно активно экологи действуют вокруг возводимых Костромской и Ростовской АЭС, Эвенкийской ГЭС [13]. Главная цель, которую они преследуют, – показать негативное отношение граждан к этим экономически важным объектам. Для этого лучше всего подходят организованные «акции протеста российской общественности». Именно на это расходуется основное количество выделяемых грантов, премий и кредитов.

Наряду с названными направлениями нарастает интерес экологических организаций к российским военно-космическим силам, к ядерному оружию и утилизации в России ядерных отходов [14; 15]. Повышенное внимание экологов обращено и к последним конкурентоспособным отраслям нашей промышленности. Здесь показателен пример Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, против дальнейшей работы которого была развернута целая кампания, в результате чего предприятие было временно закрыто, а в регионе отмечен рост безработицы и социального напряжения [16].

Осенью 2008 г. БЦБК по требованию Росприроднадзора перешел на систему замкнутого водооборота, на которой десятилетиями настаивали экологи. Комбинату запретили использовать хлор для отбеливания целлюлозы. В итоге при падении цен на небеленую целлюлозу и на фоне общего кризиса предприятие стало убыточным. Комбинат приостановил свою работу в октябре 2008 г. и сократил около 1500 человек. Закрытие БЦБК привело к голодовке среди работников комбината и затем – к пикетам в Иркутске. «Город без комбината не может существовать, считают работники БЦБК, поскольку с комбинатом связана жизнь каждого второго жителя Байкальска. Мэр города Байкальска Валерий Пинтаев сообщил «НГ», что городская казна пострадала от потери примерно 80% налогов, которые приносил городу комбинат. Город ощутил недостаток средств на ремонт жилья, дорог и коммунальной инфраструктуры. Когда людей стали вновь принимать на работу для тестирования оборудования с перспективой дальнейшего запуска, в городе резко снизилась социальная напряженность» [17].

Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат (БЦБК) был введен в эксплуатацию в 1966 г. Еще на этапе строительства комбината начали звучать первые предостережения ученых об опасности загрязнения озера Байкал. Тревоги эко-

логов не утихали, и в последнее десятилетие стали появляться программы пере-профилирования либо переноса производства.

Это не единственный пример, когда под прикрытием реализации той или иной программы экологические организации добиваются закрытия предприятий. Например, программа Гринпис «по биоразнообразию» сопровождается постоянным давлением на государственные круги и местное общественное мнение, разорением компаний, выставлением на улицу всех рабочих, при этом им ничего не предлагается взамен. «Благодаря» реализации Гринпис программы по биоразнообразию Россия начиная со второй половины 1990-х годов значительно потеряла в развитии лесозаготовительной отрасли.

Один из серьезных скандалов в этой сфере разгорелся вокруг лесов Карелии. При непосредственном участии Гринпис на территории республики создавались Калевальский и Водлозерский национальные парки, причем на территории действующих леспромхозов, заготавливающих древесину на экспорт. В результате рабочие остались без средств к существованию, а государство лишилось своей части прибыли от несостоявшегося экспорта.

Широкий общественный резонанс с 2008 г. по настоящее время с подачи экологических организаций Гринпис и Всемирного фонда дикой природы приобрела кампания против строительства олимпийских объектов Сочи-2014 [18; 19], которая до сих пор не пришла к своему завершению.

Подводя итоги, отметим, что неправительственные экологические организации, претендуя в настоящее время на роль лидера в экологической политике современных государств, в большинстве своем не являются выразителями национальных интересов тех государств, где они осуществляют свою деятельность. Как правило, они представляют крупнейшие корпорации, занятые реализацией своих собственных задач, при этом их мероприятия оплачиваются США и рядом европейских стран.

В связи с этим неслучайным оказывается беспокойство данных сил после принятия в Российской Федерации Закона о неправительственных организациях [20]. «Закон конкретизирует порядок государственной регистрации российских и иностранных НПО и определяет перечень необходимых документов для этого. Закон направлен на максимально прозрачное финансирование общественных организаций» [21]. Несмотря на ужесточение правил регистрации и финансового контроля, влияние экологических организаций остается весьма огромным не только в нашей стране, но и в других странах мира, а скрытая, неофициальная сторона их деятельности в последние годы стала доминирующей в их работе.

Библиографический список

1. Тукмаков Д. Сети «Гринписа» // *Завтра*. 1999. № 40.
2. Городецкая Н. Александр Никитин объявлен «узником совести» // *Сегодня*. 1996. 19 сент.
3. Вермишев А. Александр Никитин отказывается от защиты // *Сегодня*. 1996. 6 дек.
4. Журнал «Тайм» объявил президента «Беллоны» «экологическим героем». URL: <http://www.rus-green.ru> (дата обращения: 20.08.2010).
5. Дейч М. Персона нон грата, или Второе явление «шпиона» // *Московский комсомолец*. 2001. 16 июня.

6. Журналист передавал гласности военные секреты // Коммерсант. 1999. 22 янв.
7. Профессор Сойфер признал свою вину // Независ. газ. 2000. 21 февр. С. 8.
8. В Приморском суде эколог Сойфер выиграл дело против местного УФСБ. URL: <http://www.newsru.com> (дата обращения: 18.08.2010).
9. Экология в сетях шпионажа // Труд. 1999. 4 нояб.
10. ФСБ против Никитина. URL: <http://www.agentura.ru> (дата обращения: 18.08.2010).
11. ФСБ против Пасько. URL: <http://www.agentura.ru> (дата обращения: 18.08.2010).
12. Никифоров О. Новый вариант для экоэнергии // Независимая газета. 2009. 8 дек.
13. Чернявский А. Красноярских экологов не признали экстремистами // Независимая газета. 2009. 21 июля.
14. Терехов А. Копенгагенский саммит отвлек экологов от отходов // Независ. газ. 2009. 8 дек.
15. Гринпис не пускает ядерные отходы в Россию // Советская Россия. 2010. 26 янв.
16. 10 марта 2010 г. экологические организации России объявили о создании коалиции «За Байкал» // Информационный дайджест «Ноосферогенез» (на пути к устойчивому развитию человечества). 2010. № 1.
17. Башкатова А. В феврале целлюлозно-бумажный комбинат начнет работу // Независ. газ. 2010. 29 янв.
18. Щеглов А. Экологи наслали на Олимпиаду проверку ЮНЕСКО // Независ. газ. 2008. 21 апр.
19. Наумов И. От экологов требуют не заваливать Сочи-2014 // Независ. газ. 2010. 15 марта.
20. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон № 18-ФЗ // Рос. газ. 2006. 17 апр.
21. В России вступает в силу скандальный закон о неправительственных организациях. URL: <http://www.newsru.com> (дата обращения: 18.08.2010).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

N.Yu. Agafonova
**Disciplinary Punishment
in the Context of Responsibility
of Civil Servants**

The problematic aspects of subjecting civil servants to disciplinary liability for misconduct and imposing disciplinary penalties on them are considered. A classification of disciplinary measures on the bases of the current legislation is provided. The conclusion of the need to specify each case of misconduct in order to inflict a punishment is made.

Key words and word-combinations: disciplinary punishment, measure of disciplinary responsibility, official misconduct.

Рассматриваются проблемные аспекты привлечения государственных гражданских служащих к дисциплинарной ответственности за совершенные ими должностных проступков и наложения на них дисциплинарных взысканий. Дается классификация мер дисциплинарной ответственности на основе действующего законодательства. Делается вывод о необходимости конкретизации нарушений дисциплины на службе, за каждое из которых будет назначаться мера ответственности.

Ключевые слова и словосочетания: дисциплинарные взыскания, меры дисциплинарной ответственности, должностные проступки.

УДК 342.9:35.08
ББК 67.401.02

Н.Ю. Агафонова

ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВЗЫСКАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Эффективность государственного управления в целом зависит от совокупной продуктивности работы государственных гражданских служащих, которая определяется полнотой реализации поставленных перед ними задач. Такая установка нашла свое отражение в Федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)» [1]. Одной из целей, провозглашенных в документе, является формирование высококвалифицированного кадрового состава государственной службы, обеспечивающего эффективность государственного управления.

О профессионализме управленцев судят не только по их квалифицированности. Профессиональная компетентность современных чиновников, находящихся на государствен-

ной службе, включает в себя и дисциплинированность. Современные ученые, занимающиеся проблемами государственной службы, считают, что обязанность соблюдать служебную дисциплину является одной из основных для гражданского служащего. Она выражает общие требования должностного поведения гражданского служащего, в ней проявляется его отношение ко всем другим обязанностям, возникающим в процессе исполнения служебного контракта [2, с.159].

Законодательным актом, регламентирующим вопросы дисциплинарной ответственности гражданских служащих, служебного поведения, является Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3]. В настоящее время требования к служебному поведению государственного служащего разбросаны по разным статьям указанного Закона и не систематизированы по уровню их значимости. Сохраняется необходимость конкретизации данных требований применительно к различным служебным ситуациям.

При исполнении служащими своих должностных обязанностей они не вправе совершать правонарушения, производить действия, подрывающие авторитет государства или создающие препятствия для нормальной работы его органов. Однако государственными служащими все же допускаются прогулы и опоздания. Встречается недобросовестное отношение к своим должностным обязанностям или их невыполнение, что, несомненно, приводит к нарушению организации служебной деятельности.

Согласно действующему законодательству представитель нанимателя вправе, но не обязан привлекать гражданского служащего к дисциплинарной ответственности, а отсутствие в составе дисциплинарного проступка видовых объектов позволяет представителю нанимателя (начальнику) формулировать их самостоятельно. Вследствие этого нарушается один из ключевых принципов – неотвратимости наказания, согласно которому гражданский служащий, совершивший дисциплинарный проступок, в обязательном порядке подлежит наказанию, неся тем самым ответственность, предусмотренную дисциплинарным законодательством. На наш взгляд, неотвратимость ответственности есть лучший способ проявления предупредительного воздействия дисциплинарного закона и его применения.

Анализ положений о дисциплинарной ответственности гражданских служащих позволяет прийти к выводу об неэффективности Закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в этой части. Служащие, совершающие проступки или позволяющие себе упущения по службе, остаются безнаказанными, поскольку законодательство позволяет «договориться» о смягчении наказания или просто ограничиться устным замечанием, признанием допущенных нарушений, беседой. Исходя из этого, считаем, что нарушения дисциплины на службе должны быть систематизированы в Дисциплинарный кодекс, за каждый вид должна быть назначена мера ответственности.

Дисциплинарная ответственность является основным видом ответственности государственных гражданских служащих. За совершение дисциплинарного

проступка в порядке служебного подчинения предусмотрено применение мер дисциплинарного воздействия. Такими мерами согласно действующему законодательству являются дисциплинарные взыскания, перечень которых прописан в ст. 57 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Отметим, что первоначально вместо выражения «дисциплинарное взыскание» в юриспруденции употреблялось «дисциплинарное наказание». Оно возникло в области церковной юрисдикции для обозначения категории взысканий – особых воспитательных мер, применяемых церковью в отношении духовных лиц, учинивших незначительную провинность. Исследователи канонического права применяли этот термин, который оставался не известным остальным юристам, в том числе и занимавшимся анализом преступлений по службе [4, с. 584]. Выражение «дисциплинарное наказание» по отношению к гражданским служащим впервые употребляется Гэннером, ученым, стоявшим у истоков исследования сущности государственной службы. Он указывал на то, что «точка зрения подобных небольших взысканий более дисциплинарная, более рассчитана на поддержание порядка на службе и на исправление» [4, с. 585] и предлагал таким образом обозначать незначительные взыскания.

Как уже было отмечено, одним из недостатков действующего закона о государственной гражданской службе является отсутствие в нем видовых объектов дисциплинарных проступков. Закон выделяет лишь родовую объект посягательства – неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него должностных обязанностей. Но привлечь к ответственности можно именно за видовые правонарушения. Например, в Кодексе об административных правонарушениях [5] обозначены 17 родовых объектов, каждый из которых сопровождается перечнем десятков видовых объектов. Этот же принцип положен в основу уголовного права. Таким образом, ответственность наступает при посягательстве на видовой объект, а действующий принцип неотвратимости наказания выражается в формуле «конкретное наказание следует за конкретное нарушение».

В Федеральном законе о государственной гражданской службе (ст. 57) предусматривается, что за совершение дисциплинарного проступка представитель нанимателя имеет право применить следующие дисциплинарные взыскания: замечание; выговор; предупреждение о неполном должностном соответствии; освобождение от замещаемой должности гражданской службы; увольнение с гражданской службы. Для того чтобы эта формула эффективно работала, необходимо иметь четкое представление о самом дисциплинарном проступке.

Без перечня должностных обязанностей государственного служащего нельзя определить, совершил ли он именно дисциплинарный проступок. В соответствии со ст. 47 Федерального закона о государственной гражданской службе перечень должностных обязанностей гражданского служащего, за неисполнение или ненадлежащее исполнение которых назначается дисциплинарное взы-

скание, должен быть изложен в должностном регламенте. Таким образом, при назначении взыскания каждый начальник должен иметь перед глазами грамотно сформулированный в должностном регламенте перечень должностных обязанностей служащего, с которым, естественно, должен быть ознакомлен и сам служащий.

Одним из основных недостатков должностных регламентов является неполное определение обязанностей, прав и ответственности гражданских служащих, а также их взаимосвязей, что ведет к несбалансированности и несогласованности указанных элементов статуса служащего. Поэтому необходима четкая и в правовом отношении квалифицированная формулировка подраздела регламента об ответственности конкретного должностного лица. Основной акцент здесь должен быть сделан на максимально адекватной разработке фактических оснований ответственности гражданского служащего, то есть на характеристике служебных упущений и нарушений, за которые тот может понести реальную ответственность. В законодательстве же необходимо указать, какую именно меру дисциплинарной ответственности следует назначать за тот или иной проступок по службе.

Исходя из содержания ст. 15 Федерального закона о государственной гражданской службе («Основные обязанности гражданского служащего»), можно сформулировать перечень основных, наиболее принципиальных нарушений, которые должны быть прописаны в должностном регламенте вместе с мерой ответственности за их совершение.

Предполагаем, что освобождение от замещаемой должности гражданской службы должно стать следствием:

– превышения должностных (служебных) полномочий – совершения гражданским служащим действия по службе, не предоставленного ему законом или поручением руководителя в пределах данных ему полномочий. При этом превышением не будет считаться совершение гражданским служащим действия, не предоставленного ему законом или возложенным на него поручением, но необходимого для предотвращения более серьезного проступка, противозаконного деяния по службе;

– умышленного препятствования исполнению обязанностей другим служащим;

– умышленной (неоправданной) медлительности по службе.

Увольнение с государственной гражданской службы будет адекватной мерой ответственности в случае:

– непринятия мер по предупреждению или пресечению вреда, угрожающего порядку управления, общественному или частному интересам, если такие обязанности возложены на служащего должностным регламентом, или поручением;

– разглашения сведений, составляющих государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну, а также сведений, ставших служащему известными в связи с исполнением должностных обязанностей, в том числе сведений, касающихся частной жизни и здоровья граждан или затрагивающих их честь и достоинство;

– непринятия мер по сохранности предоставленного служащему для исполнения должностных обязанностей государственного имущества.

Подчеркнем, что этот перечень нарушений далеко не полный. Но в нем принципиально обозначен подход к реализации неотвратимости наказания провинившегося подчиненного без права на выбор меры ответственности его начальником. Это тем более важно, что ни действующие законы, ни практика привлечения к дисциплинарной ответственности нарушителей требований служебного поведения не обеспечивают сегодня необходимого уровня дисциплины на гражданской государственной службе.

Государственная служба как явление и особая сфера профессиональной деятельности сегодня переживает возрождение. Однако процесс происходит на фоне всепоглощающей коррупции и бюрократизации, чему в немалой степени способствовали долгие годы работы не порядочных, неквалифицированных, нравственно не подготовленных работников государственных органов. Современное Российское государство заинтересовано в повышении своего авторитета, в том числе за счет повышения авторитета гражданских служащих, несущих имидж бескорыстного служения Отечеству.

Для того чтобы быть действенной, эффективной, гражданская служба должна основываться на прочном нравственном фундаменте. Именно безответственность, не порядочность служащего, несоблюдение им правил должностного поведения может дискредитировать любые попытки власти повысить свой авторитет. Пока сами служащие будут чувствовать свою безнаказанность, государственная служба не выйдет на новый уровень развития, не станет более нравственной, ответственной, компетентной и, самое главное, функционирующей во благо общества.

В общественном сознании авторитет служащих объективно связывают с их порядочностью, честностью, с их компетентностью и профессионализмом. Устранение имеющихся в законодательстве о государственной гражданской службе пробелов в сфере привлечения к дисциплинарной ответственности за совершение служащими нарушений призвано способствовать повышению эффективности работы государственного аппарата.

Библиографический список

1. О Федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)»: Указ Президента РФ от 10 марта 2009 г. // Рос. газ. 2009. 11 марта.

2. *Полетаев Ю.Н.* Правовое положение государственных гражданских служащих в сфере труда. М., 2005.

3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; 2010. № 7. Ст. 704.

4. *Жижиленко А.А.* Наказание: его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Пг., 1914.

5. Кодекс об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 19-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1; 2010. № 31. Ст. 4208.

T.E. Totikova
The Urgent Problems
of Tax Liability Institution
Development

The tax and administrative liability for the violation of the tax legislation in the comparative dimension is studied. Special attention is paid to the analysis of the sources of legal regulation of tax and administrative liability.

Key words and word-combinations: tax liability, administrative liability, violations of the tax legislation.

В сравнительном аспекте исследуется налоговая и административная ответственность за нарушения законодательства в области налогообложения. Особое внимание уделяется анализу источников правового регулирования налоговой и административной ответственности.

Ключевые слова и словосочетания: налоговая ответственность, административная ответственность, правонарушения в сфере налогообложения.

УДК 336.201:347.73
ББК 65.261.4:67.402

Т.Е. Тотикова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Непродуманность социальных реформ, частые изменения налогового законодательства, отсутствие единообразной практики его применения порождают проблемы во взаимоотношениях налоговых органов с налогоплательщиками.

Для правоприменителей актуальной задачей становится обеспечить неотвратимость ответственности граждан за нарушение налоговых норм. Это требует, среди прочего, совершенствования законодательства, улучшения качества применения права, а также теоретического переосмысления проблем юридической ответственности. Следует помнить, что без четко функционирующей системы юридической ответственности право становится бессильным, а закон превращается в фикцию. Если государство не может организовать восстановление нарушенных прав и принудить к исполнению обязанностей, наказать нарушителей правовых запретов, то вряд ли можно говорить о его эффективности.

В Налоговом кодексе РФ (НК РФ) используется термин «ответственность за совершение налоговых правонарушений», понятие «налоговая ответственность» легально не определено. Внесенные Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 137-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию налогового администрирования» [1] изменения в НК РФ делают

очевидным сознательный отказ законодателя от использования термина «налоговая ответственность». В то же время термином «налоговая ответственность» в своих решениях активно пользуются государственные органы [2; 3]. Кроме того, в науке налогового права проблема налоговой ответственности, ее место в системе юридической ответственности и соотношение с иными видами ответственности активно исследуются специалистами.

Налоговая ответственность чаще всего трактуется как разновидность финансовой ответственности. Ей присущи основные черты последней: она наступает за совершение налогового правонарушения, воплощается в процессуальной форме и опирается на государственное принуждение. Налоговая ответственность выражается в определенных отрицательных последствиях имущественного характера, а ее субъектами выступают как организации – юридические лица, так и физические лица.

Вместе с тем налоговой ответственности присущи и специфические признаки. В первую очередь она имеет собственную нормативную основу – законодательство о налогах и сборах – и подчинена принципам налогового законодательства. Она предполагает особый процессуальный порядок (производство по делам о налоговых правонарушениях). Ее основанием является виновно совершенное налоговое правонарушение (ст. 106 НК РФ), и она заключается в применении налоговых санкций, имеющих денежное выражение (штраф). Налоговая ответственность дифференцируется с учетом интересов государства и характера совершенного деяния. Она не всегда связана с осуждением и может признаваться и выполняться в добровольном порядке. К ней привлекается субъект или участник налогового правоотношения, а также иные лица, на которых налоговым законодательством возложены определенные обязанности в сфере налогообложения [4, с. 5]. Эти качества позволяют выделять налоговую ответственность в отдельный институт.

Особенности налоговой ответственности проявляются в ее функциях, основными из которых следует считать восстановительную и карательную.

Карательная функция реализуется при неисполнении субъектом возложенных на него обязанностей. Так, по мнению М.В. Карасёвой, «налоговая ответственность – это применение налоговых санкций за совершение налоговых правонарушений уполномоченными органами к правонарушителям» [5, с. 359]. Как применение санкций рассматривают налоговую (финансовую) ответственность А.В. Брызгалин [6, с. 452] и А.В. Зимин [7, с. 21].

Наряду с карательной осуществляется восстановительная функция – налоговая ответственность выступает средством восстановления нарушенных общественных отношений и возмещения причиненного вреда.

Налоговая ответственность осуществляется на основании ряда принципов, таких, как законность, справедливость, добросовестность, невиновность налогоплательщика.

На протяжении длительного времени в юридической литературе продолжается дискуссия о правовой природе налоговой ответственности. Основные противоречия сводятся к двум точкам зрения.

Представители первой (Е.С. Ефремова [8, с. 66], И.Ш. Килехсанов [9, с. 92],

Л.Ю. Кролис [10, с. 42], С.Г. Пепеляев [11, с. 395] и ряд других исследователей) полагают, что налоговая ответственность представляет собой административную ответственность за нарушения законодательства о налогах и сборах. Тем самым они «растворяют» налоговую ответственность в административной.

Следует иметь в виду, что все нарушения законодательства о налогах и сборах, не считающиеся налоговыми преступлениями, являются по своей природе административными проступками. Специалистами утверждается, что ответственность за административные правонарушения предусматривается не только нормами административного права, но и нормами других отраслей права, в том числе налогового. Обосновывая эту позицию, сторонники обозначенной точки зрения сравнивают понятия налогового правонарушения, данного в НК РФ, и понятия административного правонарушения из КоАП РФ. При этом в качестве дополнительного аргумента они ссылаются на определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 130-О [12], где указано: «Штрафные санкции, применяемые налоговыми органами за нарушение норм законодательства, направленного на обеспечение фискальных интересов государства, относятся к мерам взыскания административно-правового характера (за административные правонарушения) и осуществляются в рамках административной юрисдикции». В частности, С.Г. Пепеляев полагает, что законодатель допустил терминологические неточности, лежащие в основе взглядов на налоговую ответственность как на самостоятельный вид юридической ответственности. Между тем, по мнению автора, речь следует вести не о видах юридической ответственности, а о порядке производства по делам о налоговых правонарушениях [13, с. 34].

По нашему мнению, более обоснованной является позиция, согласно которой налоговая ответственность является разновидностью финансовой ответственности [14–16]. Следовательно, налоговое правонарушение (как основание налоговой ответственности) и нарушение законодательства о налогах и сборах (как основание применения КоАП РФ) – разнопорядковые понятия. Права с А.З. Арсланбекова, отмечающая, что налоговая ответственность, «обладая чертами административной ответственности, является разновидностью финансовой ответственности, которая реализуется в государственно-властных имущественных отношениях, складывающихся в налоговой сфере». Анализируя налоговую ответственность, указанный автор выделяет «специфику и признаки самостоятельности, обусловленные вхождением налогового права в финансовое право в качестве подотрасли. Специфика финансовой ответственности за нарушение налогового законодательства обусловлена особенностями налоговой деятельности и налогово-правового регулирования» [17, с. 69].

Смешение налоговой и административной ответственности, а также указание на их единую правовую природу противоречит закону, вызывает затруднения в правоприменительной деятельности. Так, различны источники правового регулирования административной и налоговой ответственности. Ответственность за административно наказуемое правонарушение законодательства о налогах и сборах регулируется КоАП РФ, который предусматривает возможности установления мер административной ответственности в иных федеральных нормативно-правовых актах. Ответственность за налоговые правонарушения уста-

навливается НК РФ. При этом в нем указано, что привлечение к ответственности за совершение налогового правонарушения возможно не иначе как по основаниям и в порядке, предусмотренном НК РФ, что наглядно демонстрирует правовую автономию налоговой ответственности.

Различны цели административной и налоговой ответственности. Если основной целью применения административной ответственности является наказание виновного и превенция правонарушений, то налоговое законодательство наряду с этим предусматривает применение специальной правосоставительной санкции – пени (ст. 75 НК РФ), а также такую меру государственного принуждения, как взыскание недоимки по налогам и сборам (п. 2 ст. 1, ст. 69 НК РФ). Отметим, что недоимка не является мерой налоговой ответственности, но ее взыскание направлено на создание условий для своевременного и полного формирования бюджетов.

Сам вопрос о правовой природе пени вызывает споры. Недостатком использованных в НК РФ формулировок является то, что налоговая ответственность определяется исключительно как штрафная. Но правосоставительная ответственность в налоговой сфере не может отсутствовать, так как налогоплательщики и государство состоят в определенных отношениях, носящих имущественный характер.

Пени является конкретной формой проявления правосоставительной ответственности в НК РФ. В частности, в одном из своих определений Конституционный Суд РФ указал: «неуплата налога в срок должна быть компенсирована погашением задолженности по налоговому обязательству, полным возмещением ущерба, понесенного государством в результате несвоевременного внесения налога. Поэтому к сумме собственно не внесенного в срок налога (недоимки) законодатель вправе добавить дополнительный платеж – пенью как компенсацию потерь государственной казны в результате недополучения налоговых сумм в срок в случае задержки уплаты налога» [18].

Правонарушения в сфере налогообложения всегда наносят имущественный ущерб государству. В отличие от них деяния, предусмотренные КоАП РФ, – не наносят, а если это происходит, то имеет место гражданско-правовой деликт и у субъекта наряду с административной возникает гражданско-правовая ответственность.

В содержании п. 4 ст. 108 НК РФ отмечается, что привлечение организации к ответственности за совершение налогового правонарушения не освобождает ее должностных лиц, при наличии соответствующих оснований, от административной, уголовной или иной ответственности. При этом не сказано о том, что привлечение физических лиц к ответственности за совершение налогового правонарушения исключает их административную ответственность. Однако закон запрещает повторное привлечение к ответственности за совершение одного и того же налогового правонарушения. Таким образом, если налоговая и административная ответственность – это разные виды ответственности, то ничто, в принципе, не препятствует привлечению физических лиц к ответственности одновременно как по налоговому, так и по административному законодательству. По такому пути и шла практика до принятия КоАП РФ, предусмотревшего во всех составах административных правонарушений в области налогов и сборов специального субъекта – должностного лица организации.

Отличен и процессуальный механизм привлечения к налоговой и админист-

ративной ответственности. Производство по делам о налоговых правонарушениях, осуществляемое в порядке, установленном НК РФ, отлично от производства по делам о нарушениях законодательства о налогах и сборах, содержащих признаки административного правонарушения, осуществляемого в соответствии с КоАП РФ. Налицо различия как в части органов, наделенных соответствующей компетенцией, так и в самих процедурах привлечения к ответственности.

Подводя итог, следует сделать вывод, что налоговая (как разновидность финансовой) и административная ответственность – это два самостоятельных вида юридической ответственности. *Налоговая ответственность выражается в применении к субъекту налоговых правоотношений, виновному в совершении налогового правонарушения, мер, предусмотренных действующим законодательством в порядке, определенном законом, с целью наказания и принуждения к исполнению обязанностей.*

Ответственность в сфере налоговых отношений регулируется различными источниками права: НК РФ – при наличии признаков налоговых правонарушений; КоАП РФ – при совершении административных проступков; УК РФ – при наличии признаков преступления. Следует согласиться с И.И. Кучеровым, полагающим: «В зависимости от того, какое нарушение законодательства о налогах и сборах лежит в основании ответственности, она может рассматриваться как разновидность финансовой, административной и уголовной ответственности» [19, с. 246]. Важным представляется замечание Ю.А. Крохиной, которая считает институт налоговой ответственности комплексной правовой категорией, соединяющей различные охранительные нормы, в связи с чем он не может быть полностью «монолитно» отнесен к какой-либо одной отрасли права [20, с. 346].

Охрана правопорядка в налоговой сфере предполагает использование норм различных отраслей права, направленных на защиту налоговых правоотношений. Правильное определение основания ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах важно не только с теоретической, но и с практической точки зрения, так как является гарантией законности в правоприменительной деятельности.

Библиографический список

1. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию налогового администрирования: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 137-ФЗ // Рос. газ. 2006. 29 июля.
2. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 17 янв. 2007 г. № Ф08-7149/06-2936А [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант платформа F1 Эксперт».
3. Постановление ФАС Поволжского Округа от 23 нояб. 2006 г. № А 49-3624/2006-205А/7 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант платформа F1 Эксперт».
4. Гусева Т.А. Проблемы совершенствования механизма налогового контроля и порядка привлечения к налоговой ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
5. Карасёва М.В. Финансовое право Российской Федерации. М., 2002.
6. Налоги и налоговое право: учеб. пособие / под ред. А.В. Брызгалина. М., 1997.
7. Зимиц А.В. Налоговая ответственность российских организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.

8. *Ефремова Е.С.* Ответственность за совершение налоговых правонарушений: актуальные проблемы в свете нового КоАП РФ: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.
9. *Килехсанов И.Ш.* К вопросу о правовой природе и содержании юридической ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах // Актуальные проблемы административного и финансового права: сб. науч. трудов. М., 2002.
10. *Кролис Л.Ю.* Административная ответственность за нарушение налогового законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1996.
11. *Налоговое право: учебник / под ред. С.Г. Пепеляева. М., 2003.*
12. По запросу Омского областного суда о проверке конституционности положения п. 12 ст. 7 Закона РФ «О налоговых органах РФ»: определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 130-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант платформа F1 Эксперт».
13. *Пепеляев С.Г.* Общие положения об ответственности за совершение налоговых правонарушений: комментарии к главе 15 ч. 1 НК РФ // Налоговый вестник. 2000. № 1.
14. *Карасёва М.В.* Финансовое право: Общая часть: учебник. М., 2000.
15. *Сердюкова Н.В.* Финансово-правовая ответственность по российскому законодательству: становление и развитие: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003.
16. *Юстус О.И.* Финансово-правовая ответственность налогоплательщиков-организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1997.
17. *Арсланбекова А.З.* Правовое регулирование финансовых санкций. Махачкала, 2007.
18. По жалобе унитарного государственного предприятия «Дорожно-ремонтно-строительное управление № 7» за нарушение конституционных прав и свобод положениями п. 1 ст. 122 НК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 4 июля 2002 г. № 202-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант платформа F1 Эксперт».
19. *Кучеров И.И.* Налоговое право России: курс лекций. М., 2001.
20. *Налоговое право России: учебник для вузов / отв. ред. Ю.А. Крохина. М., 2003.*

**I.V. Plotnikova
The European Experience
of Criminal-Legal Protection
of Credit Relations**

The analysis of the European criminal legislation on liability for violations of credit relations is carried out. Relevant norms are considered in relation to the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words and word-combinations: credit, bankruptcy, insolvency, falsification of data, imprisonment, fine.

Представлен анализ европейского уголовного законодательства об ответственности за посягательства на кредитные отношения. Соответствующие нормы рассмотрены в сопоставлении с положениями Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова и словосочетания: кредит, банкротство, неплатежеспособность, фальсификация данных, лишение свободы, штраф.

УДК 343.7
ББК 67.408.12

И.В. Плотникова

**ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ
ОХРАНЫ КРЕДИТНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

Социально-экономические преобразования, начавшиеся в Российской Федерации в конце XX в., не могли не отразиться на состоянии законности и правопорядка в государстве. Правоохранительная и судебная системы оказались не готовы к борьбе с новыми общественно опасными посягательствами

ми. Как справедливо отмечает А.О. Артемова, «отсутствие необходимого опыта подобных преобразований, несовершенство законодательства, а также ряд других факторов привели к существенному ослаблению административной функции государства» [1, с. 3].

Сведение к минимуму роли государства в вопросах регулирования экономической сферы способствовало росту экономических преступлений. Правоприменители возлагали большие надежды на новый (1996 г.) Уголовный кодекс РФ, где получили закрепление новые для отечественного права уголовно-правовые нормы об ответственности за совершенные в сфере экономической деятельности преступления.

В современной экономике особое значение придается развитию кредитных отношений, поэтому вполне логичным представляется выделить общественно опасные деяния, совершенные в сфере охраны кредитных отношений, в качестве отдельного предмета исследования.

Обращение к европейскому опыту уголовно-правового регулирования в рассматриваемой сфере, на наш взгляд, вызвано рядом обстоятельств. Во-первых, в европейских странах кредитные отношения достигли весьма высокого уровня, поскольку развивались на протяжении длительного исторического периода. Во-вторых, общая тенденция развития отечественной экономики свидетельствует о ее построении по западному образцу, что обуславливает необходимость заимствования не только схем и принципов хозяйственной деятельности, но и правовых норм, ее сопровождающих. В-третьих, заимствование отдельных положений европейского уголовного законодательства в сфере охраны кредитных отношений позволит избежать ошибок правового регулирования на отечественном правовом поле. Кроме того, анализ зарубежного опыта правовой регламентации преступлений в кредитной сфере позволяет понять как социальную обусловленность данных норм, так и важность охраны общественных отношений в рассматриваемой сфере [2, с. 23].

Отечественные авторы отмечают такие позитивные моменты зарубежного законодательства, как «четкость используемых понятий и терминов, разветвленность системы криминализации соответствующих общественно опасных деяний, точное их описание в законе, множественность взаимодополняющих и альтернативных признаков составов преступлений» [3, с. 4]. В частности, отмечается детальная регламентация уголовной ответственности за преступления, связанных с банкротством [4, с. 15].

В соответствии с положениями УК РФ все общественно опасные деяния в сфере охраны кредитных отношений можно разделить на три группы: 1) посягательства на отношения в сфере обеспечения долговых обязательств по кредитам (например, уничтожение имущества, находящегося под арестом; фальсификация данных о наличии имущества и т.п.); 2) посягательства на отношения в сфере заключения кредитных сделок (ростовщичество); 3) деяния, связанные с искусственным созданием неплатежеспособности (мнимое банкротство и др.). В этом контексте представляется интересным произвести сравнительный анализ российского и европейского уголовного законодательства об ответственности за посягательство на кредитные отношения.

В УК Республики Сан-Марино содержатся пять статей, предусматривающих уголовную ответственность за банкротство [5, с. 152–154]. Большинство соответствующих норм неизвестно отечественному законодательству. Статьи размещены в главе пятой «Преступления против имущества» – это дает основания утверждать, что их видовым объектом являются имущественные отношения.

С объективной стороны конструкции составов здесь сформулированы как формальные, в отличие от российского УК, где наступление уголовной ответственности связывается с наличием общественно опасных последствий. Деяния могут совершаться как в виде действия, так и бездействия (ст. 212).

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, а субъектом является должник. Так, в соответствии со ст. 209 («Обман при описи имущества за долги или при наложении ареста на имущество») наказуемым является обман, совершенный должником с целью уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами при описи имущества за долги или при наложении ареста на имущество. Статья содержит поощрительную норму о том, что «преступление погашается», если преступник до оглашения приговора в суде первой инстанции исполняет свои обязательства.

Согласно ст. 210 («Использование на другие цели описанных либо подлежащих изъятию предметов») наказываются действия по отчуждению, изъятию, сокрытию, уничтожению, разрушению или порче описанных либо подлежащих изъятию вещей. Статья 211 («Банкротство») предусматривает ответственность должника, который вызвал состояние своей неплатежеспособности либо ухудшил его излишними тратами на себя или семью, спекуляцией либо излишне рискованной операцией или посредством неоднократного задерживания процедуры банкротства. Согласно ст. 212 («Злостное банкротство») наказывается уклонение от исполнения обязательств и сокрытие имущества до момента его передачи судебным органам. Статья 213 («Преференциальное банкротство») предусматривает ответственность за преференциальное банкротство, под которым понимается совершение должником действий в пользу одного из кредиторов в ущерб другим.

За совершение указанных преступлений предусмотрены такие наказания, как тюремное заключение (ст. 209–212), лишение избирательных прав (ст. 210), запрет на торговлю (ст. 211, 212).

УК Франции содержит две группы статей, закрепляющих нормы об ответственности за преступления в сфере кредитных отношений: 1) деяния, связанные с обращением имущества, на которое наложен арест (ст. 314-5, 314-6); 2) деяния, связанные с искусственным созданием неплатежеспособности (ст. 314-7) [6, с. 303–309]. Статьи размещены в главе четвертой «О присвоениях» Книги третьей «Об имущественных преступлениях и проступках». Следовательно, видовым объектом рассматриваемых преступлений следует считать имущественные отношения.

С объективной стороны конструкции составов, предусмотренных ст. 314-5, 314-6, сформулированы как материальные, а деяния, закрепленные в ст. 314-7, являются формальными. Деяния совершаются в виде действия. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, а субъект преступлений – специальный (должник либо иное лицо, на имущество которого наложен арест).

Статьи 314-5 и 314-6 отнесены к отделу второму главы четвертой «О присвоении заложенного имущества или имущества, на которое наложен арест». В соответствии со ст. 314-5 наказуемым является уничтожение или присвоение предмета залога. Согласно ст. 314-6 наказуется уничтожение или присвоение арестованного предмета, находящегося у должника в обеспечение прав кредитора и доверенного его охране или охране третьих лиц. Статья 314-7 отнесена к отделу третьему главы четвертой «Об искусственном создании неплатежеспособности». Аналогичная норма отсутствует в отечественном законодательстве. В соответствии с рассматриваемой статьей уголовной ответственности подлежат лицо, которое до вынесения судебного решения, констатирующего его задолженность, занижает активы, пассивы и доходы с целью уклонения от исполнения приговора.

За совершение указанных преступлений предусмотрены такие наказания, как тюремное заключение и штраф. Статьей 314-10 предусмотрена возможность назначения дополнительных наказаний в виде запрещения пользоваться гражданскими и политическими правами, занимать публичную должность; конфискации. УК Франции, в отличие от УК РФ, предусматривает уголовную ответственность юридических лиц за совершение данных деяний: к ним могут быть применены штраф либо запрет заниматься определенной деятельностью.

В УК ФРГ нормы об охране кредитных отношений содержатся в разделах двадцать четвертом «Наказуемые деяния, связанные с банкротством» и двадцать пятом «Наказуемая корысть» [7, с. 435–445]. Хотя для УК ФРГ объект посягательства не всегда становится критерием размещения норм по разделам, очевиден тот факт, что таковым являются общественные отношения в сфере кредита и его обеспечения.

С объективной стороны конструкции составов сформулированы как формальные. Деяния совершаются путем действия. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, а субъект преступлений, как правило – специальный (должник). Исключение составляют §§ 283d, 289, где субъект преступления обозначен как общий.

К деяниям, посягающим на кредитные отношения первой группы (связанные с банкротством), на наш взгляд, следует отнести преступления, предусмотренные §§ 283, 283a, 283c, 283d. К посягательствам, посягающим на кредитные отношения, размещенным в разделе двадцать пятом «Наказуемая корысть», следует относить преступления, предусмотренные §§ 288–291.

Согласно § 283 («Банкротство») наказуемы сокрытие и утаивание имущества в случае сокрытия процесса о банкротстве, сокрытие утаивание, уничтожение и повреждение торговых книг, а также искажение баланса. Предусматривается ответственность § 283a за те же деяния при отягчающих обстоятельствах, к которым отнесены: корыстный мотив и создание опасности причинения ущерба имуществу большому количеству лиц. В соответствии с § 283c («Способствование одному из кредиторов») наказуемо способствование должником одному из кредиторов, а § 283d устанавливает ответственность за способствование несостоятельному должнику, которое выражается в утаивании или повреждении его имущества, что в российском законодательстве может рассматриваться как пособничество. В соответствии с § 288 («Срыв принудительного исполнения») предусматривается от-

ветственность за срыв принудительного исполнения, то есть за уничтожение или утаивание имущества с намерением неосуществления расчета с кредитором. Согласно § 289 («Противоправное изъятие собственником имущества залогодателя») наказуемо противоправное изъятие собственником движимого имущества у залогодержателя. Особый интерес для российского исследователя представляет § 291 («Ростовщичество»), предусматривающий ответственность за ростовщичество, под которым понимается среди прочих наказуемых действий предоставление кредита с использованием стесненного положения, неопытности, отсутствия способности принимать решения или значительного слабости другого лица.

За совершение указанных преступлений предусмотрены такие наказания, как штраф и лишение свободы.

Большое внимание вопросам охраны кредитных отношений уделил австрийский законодатель. В УК Австрии содержится девять параграфов, предусматривающих соответствующие нормы, большинство из которых неизвестны УК России [8, с. 200–209]. Статьи, закрепляющие ответственность за анализируемые деяния, отнесены к разделу шестому «Преступные деяния против чужого имущества». Следовательно, видовой объект посягательства определен как отношения собственности.

С объективной стороны конструкции составов сформулированы как формальные, кроме деяний, предусмотренных в §§ 157–159. Деяния совершаются путем действия. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом (исключение – § 159). Субъект преступлений – как общий, так и специальный.

Подобно УК ФРГ, австрийское законодательство предусматривает ответственность за ростовщичество. В соответствии с § 154 («Ростовщичество») среди прочих действий наказываются предоставление или посредничество в получении ссуды с использованием стесненного положения, легкомыслия, неосведомленности или отклонения в умственном развитии другого лица. Обязательным условием привлечения к уголовной ответственности является явное несоответствие полученной виновным имущественной выгоды оказанной им услуге. Ответственность за ростовщичество предусмотрена и § 155 («Ростовщичество, относящееся к натуральным ценностям»). Отличие данного деяния от преступления, предусмотренного § 154, состоит в том, что ответственность наступает и за ростовщичество в отношении «натуральных ценностей», то есть товара или услуг имущественного характера.

В § 156 УК Австрии («Мнимая несостоятельность») речь идет об уголовной ответственности за мнимую несостоятельность, под которой понимается фактическое или формальное уменьшение своего состояния путем сокрытия, уничтожения, повреждения имущества в целях сокращения размера удовлетворения требований кредиторов. В соответствии с § 157 УК Австрии («Причинение вреда чужому кредитору») наказуемым являются отчуждение, сокрытие, повреждение имущества должника без согласия с ним, совершенное лицом, в обладании которого находится данное имущество, в результате чего происходит обман кредиторов либо уменьшение удовлетворения их требований. В § 158 УК Австрии («Предоставление привилегий кредитору») уголовная ответственность предусматривается за предоставление привилегий одному из кредиторов в ущерб интересам других.

Уникальной является норма, закрепленная в § 159 УК Австрии – «Нанесение ущерба интересам кредитора в результате грубой неосторожности». В отличие от ранее рассмотренных норм, ее особенность заключается в неосторожной форме вины, которой характеризуется субъективная сторона данного общественно опасного деяния. Таким образом, предусматривается уголовная ответственность за совершение по неосторожности действий, приводящих к неплатежеспособности, ведущей к несостоятельности.

В соответствии с § 160 УК Австрии («Махинации во время осуществления надзора в конкурсном производстве») ответственность наступает за махинации во время осуществления надзора за ведением дел в примирительном процессе или конкурсном производстве. Под махинациями здесь понимается принятие кредитором имущественной выгоды для себя или для третьего лица за реализацию права своего голоса в пользу иных кредиторов, за согласие на компромисс в примирительном процессе. На основании § 162 УК Австрии («Уклонение от взыскания») наказуемым является уклонение от взыскания, то есть сокрытие, повреждение, уничтожение имущества, подлежащего изъятию, иное фактическое или формальное уменьшение размера имущества с целью уклонения осуществления выплаты кредитору. Согласно § 163 УК Австрии («Уклонение от взыскания в пользу другого лица») уголовной ответственности подлежит лицо, утаивающее, уничтожающее либо повреждающее имущество должника без согласия с ним в целях причинения ущерба кредиторам.

В качестве наказаний за данные общественно опасные деяния предусматривается штраф и лишение свободы.

Подводя итог, можно сформулировать ряд значимых выводов.

Во-первых, высокий уровень развития кредитных отношений в европейских государствах обуславливает повышенное внимание законодателей данных стран к вопросам уголовно-правовой охраны кредитной сферы.

Во-вторых, при анализе уголовного законодательства европейских стран установлено существенное отличие норм об ответственности за незаконное получение кредита от положений отечественного законодательства. Зарубежное уголовное законодательство отличает детальный подход к формулированию как диспозиций, так и санкций соответствующих правовых норм.

В-третьих, анализ составов посягательств позволяет дать общую характеристику их составов. Так, объектом деяний являются имущественные отношения. Подавляющее большинство деяний с точки зрения конструкции объективной стороны сформулированы как формальные, с субъективной стороны деяния, и, как правило, характеризуются прямым умыслом. Субъект в основном определен как специальный (должник).

В-четвертых, наиболее распространенными видами наказаний за посягательства на кредитные отношения являются лишение свободы и штраф.

В-пятых, по нашему мнению, несомненный интерес для отечественного законодателя должно представлять положение УК Сан-Марино об освобождении от ответственности должника за обман, совершенный с целью уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами, при описи имущества за долги или при наложении ареста на имущество, при исполнении обязательств до рассмотрения

дела в суде первой инстанции. Думается, что целесообразно включить аналогичную норму в действующее российское уголовное законодательство, что способствовало бы обеспечению задачи предупреждения соответствующих преступлений.

Библиографический список

1. *Артемова А.О.* Банковское кредитование в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
2. *Волков И.К.* Незаконное получение кредита: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004.
3. *Кобзев П.А.* Квалификация преступлений, совершаемых в сфере финансово-кредитной деятельности путем обмана и (или) злоупотребления доверием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.
4. *Кузьминов Д.А.* Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с банкротством (теоретико-прикладное исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
5. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / пер. с итал. В.Г. Максимовой; науч. ред. С.В. Максимов. СПб., 2002.
6. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; пер. с фр. Н.Е. Крыловой. СПб., 2002.
7. Уголовный кодекс ФРГ / науч. ред. Д.А. Шестаков; пер. с нем. Н.С. Рачковой. СПб., 2003.
8. Уголовный кодекс Австрии / науч. ред. С.В. Милкоков; пер. с нем. Л.С. Вихровой. СПб., 2004.

O.G. Ostapets Administrative-Legal Aspects of Maintenance of Transport Safety in Modern Russia

Tendencies and problems of development of the transport safety maintenance system in Russia are considered. The necessity of formation of the transport safety maintenance organizational-legal basis at the present stage is grounded.

Key words and word-combinations: transport safety, certificates of illegal intervention in transport activity, transport safety government system.

Рассматриваются тенденции и проблемы развития системы обеспечения транспортной безопасности в России. Обосновывается необходимость формирования организационно-правовой основы обеспечения транспортной безопасности на современном этапе.

Ключевые слова и словосочетания: транспортная безопасность, акты незаконного вмешательства в деятельность транспорта; система государственного управления транспортной безопасностью.

УДК 342.9:343.346.2

ББК 67.401:39.808

О.Г. Остапец

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Развитие транспортного комплекса Российской Федерации актуализирует проблему обеспечения транспортной безопасности, направленной на защиту интересов личности, общества и государства. Рост аварийности, травматизма, повышение транспортных издержек, высокая степень износа транспортных средств препятствуют устойчивому развитию российского транспорта. Серьезной

проблемой являются акты незаконного вмешательства в работу транспорта, наиболее опасным из которых является терроризм. Председатель Правительства РФ, выступая на совещании по вопросам транспортной безопасности, заявил о необходимости совершенствовать правовую базу, обеспечивающую антитеррористическую безопасность россиян на транспорте [1].

Следует отметить, что на сегодня только два из общего числа Федеральных законов, действующих в сфере транспорта, направлены на обеспечение безопасности – «О безопасности дорожного движения» и «О транспортной безопасности». При этом последний носит в большей степени концептуальный характер; его нормы во многом декларативны, а практика применения невелика. Транспортная безопасность в нем определяется как «состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства» [2]. Данная формулировка, на наш взгляд, не в полной мере отражает суть транспортной безопасности, так как в ней упущен ряд существенных моментов.

Рассматриваемая дефиниция отражает лишь одну угрозу состоянию защищенности – акты незаконного вмешательства. Следует учитывать, что помимо актов незаконного вмешательства существуют и иные виды угроз транспортной безопасности, самой распространенной из которых является техногенная. Технические неисправности транспортных средств и объектов транспортной инфраструктуры становятся основными причинами транспортных происшествий (аварий, крушений, катастроф). Другая немаловажная причина – стихийные бедствия и природные катаклизмы.

Ключевое определение, применяемое в Комплексной программе обеспечения безопасности населения на транспорте, уже содержит указание не только на акты незаконного вмешательства, но и на чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера. Неоднозначность толкования значимых понятий может порождать коллизии в правоприменительной практике, поэтому легальное определение транспортной безопасности должно предусматривать защиту от всех видов угроз.

На современном этапе Российская Федерация располагает достаточно развитым аппаратом государственного управления транспортной безопасностью на всех уровнях публичной власти – федеральном, региональном и местном (муниципальном). Государственное управление транспортной безопасностью осуществляют отраслевые и территориальные органы Министерства транспорта, Министерства внутренних дел, Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Российской Федерации, ряд других ведомств. Все федеральные органы исполнительной власти, в ведении которых находятся вопросы транспортной безопасности, условно разделяются на три группы – «гражданские» и «силовые» ведомства, надзорные органы. Основным надзорным и контролирующим органом в транспортном секторе, в том числе и в области транспортной безопасности, является Федеральная служба по надзору в сфере транспорта (далее – Ространснадзор).

К общим направлениям деятельности указанных органов власти в сфере обеспечения транспортной безопасности в России относятся:

– создание условий для устойчивого и безопасного функционирования транспортного комплекса; защита интересов личности, общества и государства в

транспортном комплексе, объектов и субъектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств от актов незаконного вмешательства и иных видов угроз;

- создание эффективной системы государственного управления в области транспортной безопасности;
- своевременное прогнозирование и выявление внешних и внутренних угроз транспортной безопасности Российской Федерации;
- реализация оперативных и долгосрочных мер по предупреждению и нейтрализации внутренних и внешних угроз транспортной безопасности;
- содействие внедрению современных технологий и стандартов в области обеспечения транспортной безопасности;
- гармонизация российского законодательства с международными нормативными правовыми актами [3].

В ходе административной реформы актуализировались проблемы, касающиеся государственной системы обеспечения транспортной безопасности. В частности, было отмечено отсутствие единого органа, координирующего обеспечение транспортной безопасности на различных стадиях; выявилась малоэффективность механизма взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, занимающихся вопросами обеспечения транспортной безопасности. Наиболее критичной выглядела ситуация при осуществлении взаимодействия между «гражданскими» и «силовыми» ведомствами. Так, Минтранс России, будучи «гражданским» ведомством, не наделялся полномочиями по созданию совместно с силовым блоком таких временных органов, как комиссии и штабы, в период возникновения, развития и расследования кризисных ситуаций, в том числе террористических актов на транспорте. Поворотным пунктом послужила серия террористических актов в 2009–2010 гг. (крушение поезда «Невский экспресс», взрывы на станциях метрополитена в Москве). Как следствие была осознана необходимость выстроить единую для всего транспортного комплекса государственную систему мер по обеспечению транспортной безопасности.

Решение указанных проблем в первую очередь виделось в необходимости срочного принятия соответствующих правовых документов. В частности, Указом Президента РФ [4] Минтранс России был определен в качестве федерального органа исполнительной власти, ответственного за создание комплексной системы обеспечения безопасности населения на транспорте, прежде всего на метрополитене и других видах общественного транспорта, предотвращение чрезвычайных ситуаций и террористических актов на транспорте. Путем внесения изменений в Федеральный закон «О транспортной безопасности» [5] полномочия Правительства РФ по установлению требований по обеспечению транспортной безопасности, учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, были переданы федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему функции по определению государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере транспорта – Минтрансу России.

Впоследствии Минтрансом России совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти был разработан проект Комплексной программы обеспечения безопасности населения на транспорте, которая утвержд-

дена распоряжением Правительства РФ 30 июля 2010 г. Следует отметить, что управление реализацией Программы построено по принципу единой вертикали управления по всем видам транспорта. Контроль за ее реализацией, в том числе и финансированием мероприятий по обеспечению безопасности населения на транспорте, в качестве координатора Программы осуществляет Минтранс России.

Работа над указанными нормативными правовыми актами и принятие программного документа обуславливает необходимость дальнейшей корректировки и развития законодательства в сфере транспортной безопасности.

В контексте рассматриваемого вопроса особенно остро стоит проблема обеспечения безопасности дорожного движения. Низкий уровень безопасности дорожного движения заметно влияет на внутреннюю составляющую национальной безопасности страны, затрагивает конституционные права и свободы граждан. Автомобильный транспорт в Российской Федерации является самым опасным видом транспорта. По официальным данным ГИБДД МВД РФ, только за 11 месяцев (январь – ноябрь) 2010 г. в Российской Федерации произошло 182 480 дорожно-транспортных происшествий, в результате которых погибли 24 109 человек, а 228 777 человек получили ранения [6]. Эти проблемы пока не нашли своего системного разрешения. Эффективное обеспечение безопасности дорожного движения должно рассматриваться в качестве общенационального приоритета. Первоочередными задачами в этой области должно стать сокращение темпов роста аварийности относительно темпов увеличения автомобильного парка, снижение тяжести дорожно-транспортных происшествий и уменьшение количества погибших на дорогах.

Обязанности по организации дорожного движения в России сегодня возложены на МВД РФ, Минтранс России (сравнительно недавно наделенное полномочиями выполнения организационно-правовых мероприятий по управлению движением на дорогах), а также на иные органы исполнительной власти – как федеральные, так и региональные, в ведении которых находятся автомобильные дороги и улично-дорожная сеть. В то же время непосредственной организацией дорожного движения на межмуниципальных и муниципальных дорогах (за исключением Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и еще нескольких городов) в должной мере никто не занимается. Одной из причин аварийности на дорогах является несовершенство нормативной базы, регламентирующей как организацию самих перевозок пассажиров и грузов, так и безопасность дорожного движения. В связи с указанными причинами назрела необходимость принятия федерального закона «Об организации транспортного обслуживания населения на регулярных перевозках муниципальных и межмуниципальных маршрутов».

Не решен и ряд других проблем. Требуется развивать медицинское обеспечение безопасности дорожного движения. Необходимо внести изменения в Государственные образовательные стандарты общего образования по изучению правил безопасности поведения на дорогах детьми в дошкольных и общеобразовательных учреждениях и в Положение о лицензировании перевозок пассажиров автомобильным транспортом в части ужесточения условий лицензирования и усиления контроля за соблюдением лицензионных требований. Не приняты меры по укреплению организационно-функционального единства системы Госавтоинспекции.

По мнению директора Департамента транспортной безопасности и специальных программ Минтранса России Г. Денисюка, создание нормативно-правовой базы, обеспечивающей транспортную безопасность – одна из приоритетных задач Минтранса России [7]. Принятие базовых документов позволит на практике приступить к реализации мероприятий, определенных Федеральным законом «О транспортной безопасности». Так, в соответствии с постановлением Правительства РФ [8] в федеральных агентствах по видам транспорта, подведомственных Минтрансу России, созданы подразделения транспортной безопасности, а сами федеральные агентства – Росжелдор, Росавиация, Росморречфлот, Росавтодор – наделены полномочиями компетентных органов в сфере обеспечения транспортной безопасности; они должны исполнять функции по оказанию государственных услуг в этой области на всех видах транспорта.

Особое внимание органы государственной власти федерального уровня уделяют профилактике аварийности различных видов транспорта. Подтверждением этому является деятельность Ространснадзора. Так, в октябре 2010 г. Управлением Ространснадзора было направлено письмо руководителям субъектов транспортной инфраструктуры с указанием о проведении целевых мероприятий по контролю и надзору за аварийным, поисково-спасательным и противопожарным обеспечением транспортного комплекса в осенне-зимний период 2010–2011 гг. [9].

Рассматривая административно-правовые аспекты управления транспортной безопасностью, следует учитывать, что на Минтранс России возложено осуществление государственной политики (в первую очередь нормативно-правовое регулирование) в указанной сфере. Практическая же деятельность по перевозкам пассажиров и обеспечению их безопасности с учетом федеративного устройства государства осуществляется субъектами Федерации и муниципальными образованиями.

Проблема заключается в том, что при исполнении федерального законодательства на местах часто отсутствует инициатива и понимание общегосударственных задач. В большинстве регионов не приняты комплексные программы, направленные на обеспечение транспортной безопасности. Руководители субъектов РФ не учитывают тот факт, что именно применение программно-целевого метода управления на федеральном и региональном уровнях позволит осуществить координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в области обеспечения транспортной безопасности.

Завершение формирования нормативно-правовой базы обеспечения транспортной безопасности в сочетании с фактическим применением ее положений компетентными органами, а также исполнение ее требований субъектами транспортной инфраструктуры будут способствовать значительному повышению уровня безопасности транспортного комплекса России. К проблеме обеспечения транспортной безопасности необходимо подходить комплексно и системно, охватывая все виды транспорта. В целях обеспечения транспортной безопасности следует решить три основные задачи: во-первых, создать эффективную и полную нормативно-правовую базу в этой области; во-вторых, выстроить государственную систему, обеспечивающую реализацию принятых законов и подзаконных актов, и, в-третьих, наладить эффективное управление этой системой. Она

должна оперативно реагировать на все вызовы и проявления актов незаконного вмешательства в деятельность транспорта, а главное – предупреждать их.

Библиографический список

1. Селекторное совещание с руководителями министерств и ведомств по вопросу транспортной безопасности (Москва, 30 марта 2010 г.): выступление В.В. Путина. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 15.10.2010).
2. О транспортной безопасности: Федер. закон от 9 февр. 2007 г. № 17-ФЗ (в ред. от 29 июня 2010 г.) // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 837.
3. Комплексная программа обеспечения безопасности населения на транспорте: распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2010 г. № 1285-р (в ред. от 20 дек. 2010 г.) // СЗ РФ. 2010. № 32. Ст. 4359.
4. О создании комплексной системы обеспечения безопасности населения на транспорте: Указ Президента РФ от 31 марта 2010 г. № 403 // СЗ РФ. 2010. № 14. Ст. 1637.
5. О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «О транспортной безопасности»: Федер. закон от 29 июня 2010 г. № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3415.
6. Официальная статистика аварийности за одиннадцать месяцев (январь – ноябрь) 2010 г. в Российской Федерации. Официальный сайт МВД РФ. URL: <http://www.gibdd.ru/section/stat/> (дата обращения: 15.12.2010).
7. Озун С. Транспортная политика // Транспорт России. 2010. № 7, 11 февр.
8. О внесении изменений в некоторые Постановления Правительства Российской Федерации по вопросам транспортной безопасности: постановление Правительства РФ от 22 апр. 2009 г. № 354 // СЗ РФ. 2009. № 18, ч. 2. Ст. 2249.
9. О профилактике аварийности и снижении тяжести последствий влияния чрезвычайных ситуаций на работу транспорта: письмо Ространснадзора от 14 окт. 2010 г. № ГК-10/9-3625. URL: <http://www.rostransnadzor.ru/security/> (дата обращения: 16.12.2010).

М.А. Lipchanskaya
Elections as an Institution
of Citizen's Participation
in Managing State Affairs

The institution of elections is analyzed in terms of citizen's participation in managing state affairs. Proposals to improve guarantees of electoral rights of citizens are formulated.

Key words and word-combinations: state affairs, citizen's participation in governance, electoral legislation.

Институт выборов анализируется с точки зрения обеспечения участия граждан в управлении делами государства. Формулируются предложения, направленные на совершенствование гарантий избирательных прав граждан.

Ключевые слова и словосочетания: дела государства, участие граждан в управлении, избирательное законодательство.

УДК 342.722.32+342.8
ББК 67.400.8

М.А. Липчанская

ВЫБОРЫ КАК ИНСТИТУТ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА*

В условиях проводимых реформ вопросы участия граждан в управлении делами го-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-03-00344а «Реализация конституционной политики в сфере модернизации федеративных отношений»).

сударства как организационной основы формирования и осуществления государственной власти и местного самоуправления, обеспечивающей легитимность и реальность демократических институтов, приобретают особую актуальность.

Действующая Конституция РФ закрепляет народовластие в качестве одной из ведущих основ конституционного строя Российской Федерации. «Превращение народовластия из формального атрибута государства в реальный политико-правовой институт и механизм, обеспечивающий социальную легитимность, непрерывность и преемственность осуществления власти, создает перспективы ее развития и дальнейшего реформирования» [1, с. 1]. Согласно ч. 3 ст. 3 Конституции РФ высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и выборы.

Выборы – институт, обеспечивающий одно из направлений непосредственного участия граждан в управлении делами государства.

Ученые-государствоведы, исследуя сущность выборов, понимают под ними «участие граждан в осуществлении государственной власти» [2, с. 9] и относят выборность к исходному институту непосредственной демократии [3, с. 75]. Как отмечает В.В. Комарова, «социальная ценность выборов состоит еще и в том, что они являются одним из существенных моментов политического самоутверждения граждан, политической самоорганизации гражданского общества, обеспечивающим его автономию, юридически признанной за гражданами и их политическими объединениями возможностью быть субъектами государственной власти» [4, с. 177–178].

Полифункциональный характер выборов проявляется в том, что они выступают не только как форма народовластия, способ формирования представительного органа или выборного должностного лица, но и в качестве института участия граждан в управлении делами государства и общества.

Коллективный характер участия граждан в управлении делами государства посредством выборов позволяет некоторым авторам рассуждать об избирательной власти как разновидности государственной власти. По мнению В.Н. Волченко, «избирательная власть, складывающаяся из механизмов принятия народом (избирателями) государственно-властных решений о представительстве в системе публичной власти и осуществляемая на основе реализации народом (избирателями) комплексов активных и пассивных избирательных прав, находится в корреляционной связи с народным суверенитетом; это одна из форм проявления народного суверенитета, форма прямого народовластия, с которой, прежде всего, соотносится народный суверенитет» [5, с. 12]. На наш взгляд, использование термина «избирательная власть» вызывает определенные сомнения, поскольку народ является источником всей власти в государстве, участвует в управлении делами государства и принимает решения не только посредством выборов и референдумов.

У выборов отсутствует самостоятельная функция в механизме государства, как, например, у законодательной, исполнительной, судебной властей. Следовательно, выборы – это в большей степени институт участия граждан в управлении делами государства и одновременно – механизм формирования органов государственной власти и местного самоуправления.

Обеспечение участия граждан в управлении делами государства посредством активного и пассивного избирательного права объективно нуждается в установлении правовых, организационных и иных гарантий. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает проблематика совершенствования избирательных гарантий как основы участия граждан в управлении делами государства.

Избирательные системы занимают важное место в становлении и развитии демократической политической системы России. Как политико-правовой институт, обеспечивающий преемственность и воспроизводство государственной власти и местного самоуправления демократическими технологиями и процедурами, избирательная система «устанавливает политико-правовые критерии легализации свободного волеизъявления граждан правового государства в избирательном процессе с учетом интересов многопартийности идеологического плюрализма на основе избирательного права» [6, с. 8–9]. В свою очередь различные элементы избирательных систем находятся в тесной взаимосвязи, и их положительные и отрицательные свойства проявляются в большей или меньшей степени в зависимости от комбинации, в какой они применяются.

Например, Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [7] закрепляет пропорциональную избирательную систему, способствующую не только укреплению и формированию сильных политических партий, но и обеспечивающую представительство даже для относительно малочисленных партий и потому наиболее полно отражающую действительное соотношение политических сил. Укрепление партийной системы в целом будет способствовать формированию зрелого гражданского общества в России. Однако отказ от выборов по округам приводит к утрате определенных качеств парламентаризма. Теория народного представительства строится на том, что гражданин имеет право на политическое представительство и реализует его путем голосования за конкретного кандидата. Кроме того, пропорциональная избирательная система может вызвать излишнюю поляризацию общества и деиндивидуализацию партийных кандидатов.

Вопрос о перспективах дальнейшего развития пропорциональной системы в России остается дискуссионным. В Послании Федеральному Собранию РФ 2009 г. Президент РФ предложил продолжить партийную дискуссию «о необходимости перехода к выборам в представительные органы власти всех уровней исключительно по партийным спискам» [8]. В Послании Федеральному Собранию 2010 г. Президент РФ отметил необходимость введения пропорциональной или смешанной избирательной системы на выборах представительных органов на местном уровне – в городских округах и муниципальных районах с численностью депутатов не менее 20 человек. По мнению Президента РФ, «политическая конкуренция на низовом уровне будет способствовать укреплению доверия к партийной системе и повышению ответственности партий перед избирателями» [9].

На наш взгляд, необходимо сохранить пропорциональную избирательную систему при проведении выборов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ. Вместе с тем, учитывая федеративное устройство Российского государства, следует обеспечить право субъектов самостоятельно определять собственную избирательную систему на региональном и местном уровнях. Таким образом,

недостатки пропорциональной системы на федеральном уровне будут компенсироваться преимуществами смешанной на региональном и местном уровнях.

К недостаткам пропорциональной избирательной системы относят также невозможность выразить предпочтение какому-либо отдельному кандидату. В связи с этим некоторые акторы предлагают внести в Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» норму, согласно которой избиратель вправе голосовать не только за список кандидатов в целом, но и за одного либо нескольких кандидатов из списка, что определяет получение депутатского мандата конкретным кандидатом из списка [10, с. 15]. По нашему мнению, выражение предпочтения кандидатам в списке политической партии, состоящем из 600 кандидатов, будет вызывать сложности не только у избирателей, но и определенные организационно-технические трудности в установлении результатов голосования у членов избирательных комиссий.

Избирательный процесс в Российской Федерации следует характеризовать как урегулированную процессуальными нормами деятельность участников избирательного процесса (субъектов избирательного права), состоящую из взаимосвязанных и построенных в логической последовательности стадий, опирающуюся на демократические принципы российского избирательного права и направленную на придание выборам легитимного характера [11, с. 532].

Избирательный процесс, понимаемый как юридически регламентированный процесс подготовки и проведения выборов, имеет достаточно сложную структуру. Различают субъектную, технологическую и стадийную составляющие избирательного процесса [12, с. 94].

Обеспечение участия в управлении делами государства предполагает создание законодательных гарантий не только активных, но и пассивных избирательных прав граждан. В целях усиления гарантий реализации пассивного избирательного права граждан Российской Федерации и создания дополнительных условий их участия в управлении делами государства необходимо внести коррективы в ст. 37 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», закрепляющую гарантии реализации пассивного избирательного права граждан, не являющихся членами политических партий.

Указанная статья не регламентирует вопрос о праве гражданина, обладающего пассивным избирательным правом, обращаться в региональные отделения нескольких политических партий с предложением включить его в федеральные списки кандидатов, выдвигаемых ими. На наш взгляд, следует закрепить подобное право за гражданином, не являющимся членом какой-либо политической партии. Однако после включения гражданина в федеральный список политической партии он должен самостоятельно решить вопрос о том, в списке кандидатов какой политической партии он остается.

В поддержку списков кандидатов российское избирательное законодательство предусматривает сбор подписей избирателей. Установлены юридические гарантии поддержки парламентских партий. Так, в соответствии со ст. 39 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федераль-

ного Собрания Российской Федерации» регистрация федерального списка кандидатов, выдвинутого политической партией, чей федеральный список кандидатов на основании официально опубликованных результатов ближайших предыдущих выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ допущен к распределению депутатских мандатов, осуществляется без сбора подписей избирателей на основании решения о выдвижении федерального списка кандидатов, принятого политической партией в порядке, установленном Федеральным законом. В целях усиления демократических начал избирательного процесса, по мере укрепления партийной системы, на наш взгляд, в перспективе необходимо отказаться от прямой государственной поддержки парламентарных партий.

Очевидно, что в усовершенствовании нуждается и институт сбора подписей избирателей в поддержку кандидатов (списков кандидатов). В частности, заслуживает поддержки предложение В.Н. Волченко о необходимости собирать подписи избирателей в поддержку выдвижения кандидата в специально выделенных для этого местах при участии членов избирательной комиссии [13, с. 14].

До сих пор остается дискуссионным вопрос об отмене «порога явки» на выборах. Как отмечают А.В. Иванченко и А.Е. Любарев, он «играл в основном позитивную роль, вынуждая органы власти и избирательные комиссии заботиться об информировании избирателей, а также ограничивая их стремление к сокращению реальной конкуренции... поэтому отказ от порога явки таит опасность ослабления деятельности по информированию избирателей и усиления тенденций к сокращению конкуренции и воспрепятствованию агитационной деятельности оппозиционных кандидатов и партий» [14, с. 219]. В результате, по мнению ученых, ставится под сомнение легитимность выборов. На наш взгляд, на данном этапе развития политической и партийной системы страны, в условиях продолжающихся реформ, отмена порога явки способствует созданию дополнительных гарантий проведения выборов, своевременного формирования органов государственной власти местного самоуправления, а также реализации принципа свободы выборов.

В условиях модернизации российской государственности участие граждан в управлении делами государства выступает организационной основой формирования и осуществления государственной власти и местного самоуправления, обеспечивающей легитимность и реальность демократических институтов. Участвуя в управлении делами государства посредством реализации избирательных прав, граждане Российской Федерации вступают в конституционно-правовые отношения с государством, осуществляют не только собственные, но и публично-правовые интересы. Гарантии избирательных прав граждан России охватывают целый комплекс организационно-правовых мер, условий и процедур, посредством которых обеспечивается их участие в управлении делами государства. Реализацию и защиту избирательных прав можно рассматривать в качестве мер, направленных на осуществление народовластия, охрану и защиту прав граждан в соответствующей публично-правовой сфере.

Необходимо различать нормативные и институциональные гарантии реализации избирательных прав как основы участия граждан в управлении делами государства.

Таким образом, анализ действующего избирательного законодательства Российской Федерации свидетельствует о необходимости усиления гарантий избирательных прав граждан как основы их участия в управлении делами государства: в частности, внесения изменения в ст. 37 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» 2005 г., закрепляющую гарантии реализации пассивного избирательного права граждан, не являющихся членами политических партий; установления в федеральном законодательстве дополнительных гарантий регионального представительства в Государственной Думе ФС РФ. В целях усиления демократических начал избирательного процесса в перспективе, на наш взгляд, необходимо отказаться от прямой государственной поддержки парламентских партий. В усовершенствовании нуждается и институт сбора подписей избирателей в поддержку кандидатов (списков кандидатов). Следует ограничить применение информационного (медийного) административного ресурса в ходе предвыборной агитации, усилить гарантии реализации избирательных прав граждан с физически ограниченными возможностями.

Библиографический список

1. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учебник для вузов / отв. ред. А.В. Иванченко. М., 1999.
2. Ким А.И. Советское избирательное право. М., 1965.
3. Коток В.Ф. Советская представительная система. М., 1963.
4. Комарова В.В. Механизм непосредственной демократии современной России: система и процедуры. М., 2006.
5. Волченко В.Н. Институт пассивного избирательного права при выборах в органы государственной власти в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.
6. Мясников А.П. Избирательная система как политико-правовой институт формирования органов государственной власти и местного самоуправления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2005.
7. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федер. закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ (в ред. от 22 апр. 2010 г. № 63-ФЗ) // СЗ РФ. 2005. № 21. Ст. 1919; 2010. № 17. Ст. 1986.
8. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газ. 2009. 13 нояб.
9. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газ. 2010. 1 дек.
10. Сеченова Р.Р. Правосознание избирателей и его роль в обеспечении законности избирательного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
11. Котляревский С.А. К вопросу об основах народного представительства // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв. / отв. ред. А.А. Вешняков. М., 2003.
12. Калашикова А.Г. Президент – личный выбор каждого // Полис. 2008. № 1.
13. Волченко В.Н. Институт пассивного избирательного права при выборах в органы государственной власти в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.
14. Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

K.Yu. Dobrin
**Social Norm in Traditional
and Modern Society**

The historical features of the understanding of social norm are considered. Contradictions and deviations of social norm in the modern period are revealed.

Key words and word-combinations: social norm, tradition, custom, ritual, deviation, traditional society, postindustrial society.

Рассматриваются исторические особенности понимания социальной нормы. Выявляются противоречия и девиации социальной нормы в современный период.

Ключевые слова и словосочетания: социальная норма, девиация, традиционное общество, постиндустриальное общество.

УДК 316.754.4
ББК 60.52:87.7

К.Ю. Добрин

СОЦИАЛЬНАЯ НОРМА В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Одним из важных вопросов при изучении норм является рассмотрение их функциональной значимости. Обращаясь к сущности и причинам возникновения социальной нормы, следует отметить, что она возникает с появлением человеческого общества. Огромное значение в развитии человека имеет его мышление и связанные с ним образы, нормы поведения, запреты, традиции – словом, все то, что резко отличает социальную среду от животных сообществ [1]. Важной характеристикой социальной нормы является ее полезность, поскольку традиционная культура направлена на сохранение социального порядка в соответствии с нормами и ценностями родового коллектива.

Объективной основой социальной нормы стало то, что поступки и действия людей характеризуют не только изменчивость, неповторимость и динамика, но и относительное постоянство и повторяемость [2]. Это дает возможность вывести некий «общий знаменатель» для индивидуальных поступков и действий. Таким образом, социальная норма

скадывается на практической базе совершения каждодневных действий в течение длительного промежутка времени – возможно, жизни нескольких поколений.

Функции социальных норм сводятся к утверждению и поддержанию верований и обычаев, а не к их объяснению. По мнению К. Леви-Стросса, необходимо изучать каждое общество, обладающее дуальной организацией, с целью выявить во множестве правил и обычаев общую схему, лежащую в основе всех местных и временных различий [3]. По мнению Т. Парсонса [4], социальным нормам приписываются два типа функций: во-первых, обеспечение членов общества эталонами, моделями, стандартами поведения; во-вторых, функция стабилизации отношений и интеграции индивидов в социум. По мнению же Э. Дюркгейма [5], функциональная важность нормативного порядка состоит в том, что интегрирующей основой общества является социальная солидарность, возникающая в результате общественного разделения труда и проявляющаяся в общих верованиях, чувствах, ценностях и нормах.

Ослабление норм влечет за собой потерю связей между людьми, что грозит обществу дезинтеграцией. Социальная норма регулирует только такое поведение, которое имеет общественный характер, то есть связано с взаимоотношениями между индивидами, коллективами, классами, обществом. Этим социальная норма отличается от технической, медицинской или биологической, устанавливающей правила взаимодействия с естественными или искусственными объектами. Исторически были выработаны самые различные способы существования социальных норм, среди которых в качестве основных можно назвать ритуалы, обычаи, традиции, нравы, культуру.

Ритуалы есть зародышевый потенциальный способ существования социальных норм, когда они еще не выделились в качестве социального института. Аборигену Австралии или индейцу не пришлось бы в голову считать, что весь порядок его жизни может регулироваться с помощью каких-то специальных законов, данных извне, поскольку все, что было нужно для поддержания порядка, доставалось с помощью системы ритуалов, тотемов, плясок шаманов и прочих мифологизированных элементов – они и утверждали своей духовной властью весь строй жизни как нечто естественное, нормальное, а не чуждое или враждебное. Можно утверждать, что все мифическое сознание и связанные с ним разнообразные ритуалы были своеобразной социальной нормой – моно-нормой.

Обычай стал первым публичным способом существования социальных норм в их освобожденном от мифов виде. Субъектом этих норм становится не община в целом, а выделившиеся в виде сословий социальные группы. Таким образом, обычай – это способ воспроизводства социальных норм сословного характера. Его принцип таков: то, что допустимо в рамках норм одного сословия, не разрешается по нормам жизни другого. Анализ структуры и механизмов функционирования норм обнаруживает единство содержания и способов их действия всех сословий. К общим принципам действия обычаев в сословном обществе отнесены следующие: источником норм поведения полагается Бог и его пророки, и человек ничего не может изменить; люди от рождения обладают

различным достоинством и поэтому не могут руководствоваться одними и теми же нормами; более высокие сословия вправе нарушать нормы жизни более низкого сословия; нарушение установленных властью норм есть тяжкий грех, который можно искупить жестоким наказанием, молитвами, самобичеванием или мезтью; нормы других народов, особенно иноверцев, воспринимаются не только как чужие, но и как враждебные [6, с. 174].

Наряду с нормами, действующими внутри сословий, существовали и общекультурные нормы, превращавшие общество в единый социальный организм. Так, одной из самых древних была норма честного отношения к доле каждого в общественном труде. На заре человечества можно было выжить, только придерживаясь данной нормы. Она появилась в результате закрепления повторяющихся необходимых совместных действий. Другим примером является обычай кровной мести, позволявший сохранить семью как важный социальный институт средневекового общества.

Так складывалась система традиционных социальных норм, передававшихся во времени в неизменном виде.

В классической трактовке функционализма содержание норм связывается с культурой. По справедливому мнению социологов-классиков, социальная норма регулирует поведение индивида и групп, задает ему ориентиры и модели действия, что способствует поддержанию порядка в обществе. Культура легализует нормы и постоянно воспроизводит их, придавая обществу определенный порядок. Тем самым общество отождествляется с культурой, а культура – с нормами.

Культура в виде освоенной и устоявшейся системы норм постоянно воспроизводит существующий порядок общества, становясь основанием его структурированности и интегрированности. Следовательно, понятие нормы в этом случае является центральным в понимании самой культуры. Культура трансформирует социальные нормы в систему ценностей, пронизывающих всю духовную жизнь общества.

С возникновением классовой структуры общества механизм регулирования социального поведения стал контролироваться господствующим классом со своей идеологией, ценностями и нормами. Полезность социальной нормы стала относительной, поскольку норма, выгодная одному классу (социальной группе), может быть нейтральной или даже вредной для другого.

По мнению Р. Дарендорфа, в настоящее время классовый характер социальной нормы не изменился: «Установление нормы идет не путем репрезентативных опросов и мнений, а путем выборочных, в которых участвуют прежде всего «власть имущие» – парламентарии, члены правительства, которые выступают от имени общества» [7, с. 87]. В связи с этим понятно, что установленная норма не всегда удовлетворяет потребности всех членов общества.

По нашему мнению, значительная часть основных социальных норм в настоящее время все же принимается обществом, поскольку человечество (в большинстве своем) во все времена стремилось к стабильности, устойчивости и порядку. При этом стереотипное мышление индивида или группы предполагает скорее ориентацию на имеющиеся в данный момент хоть какие-то ценности и нормы, чем на их отсутствие.

С наступлением эпохи постиндустриализма и информационного общества (1960–1970-е годы) взгляды на нормы и их функции стали меняться. Так, теоретики постмодернизма полагают, что определяющим фактором поведения человека следует считать не норму, а социальную информацию.

Если в индустриальном обществе источником социальных норм является механизм легитимации, создаваемый властью, то в обществе «постмодерна» доминирующим источником легитимации становится информация. Связано это с тем, что знание и власть есть две стороны одного вопроса: кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать? В эпоху информатики вопрос о знании трансформируется в вопрос об управлении: например, в чьих руках СМИ – в тех руках и власть. Вот почему утрата нормативности обществом обозначается как «утрата легитимности», возникающая в результате преобладания спекулятивных дискурсов и кризиса знания в процессе внутренней эрозии основы его легитимности.

Ж.-Ф. Лиотар полагает, что современное общество перестает быть большой социальной системой с соответствующей всеобщей детерминацией, подчиняясь «прагматике языковых частиц». При этом локальная детерминация разрушает возможность создания эффективного функционирования классических систем управления в виде централизованного государства и вертикальных линий управления [8]. По нашему мнению, в этом случае критериями нормы является эффективность и производительность, а не справедливость и гуманность. Основным принципом, по сути, становится естественный отбор, борьба за существование.

На наш взгляд, информационное общество проповедует «индивидуальное» в противовес «групповому». Такая ситуация провоцирует аномию (безнормие), приводящую, в свою очередь, к беспорядкам и хаосу. Современное российское общество многими называется постмодернистским, в котором вместо регуляции посредством социальных норм осуществляется локальная детерминация в виде революционного насилия, криминального террора и политических технологий.

Можно утверждать, что западные ценности с их индивидуализмом прививались нашему обществу в течение последних двадцати лет. Реальная политика некоторых развитых стран направлена на создание однополярного мира в условиях значительного территориального, географического и социального неравенства различных стран и народов. Однако попытка создания однополярного мира и процесс глобализации противоречат друг другу, в этом ярко проявляется абсурд постмодернизма, вбирающего в себя несовместимое и по большей части негуманное.

Примерно в том же смысловом контексте с постмодернистами рассуждает и Ю. Эльстер, рассматривающий связи между нормой и рациональностью [9, с. 75–76]. По его мнению, существует конфликт между интересами и нормами. В социальной науке эта проблема обсуждается с точки зрения столкновения концепций рационального индивидуального выбора и обусловленности поведения социальными нормами. Социальные нормы объясняются посредством эмоциональных и поведенческих наклонностей индивидов. Вместе с тем

они признаются механизмом мотивации и при этом не отрицают важности рационального выбора.

По мнению Ю. Эльстера, одни действия являются рациональными, а другие обусловлены нормами. Более точная и адекватная формулировка гласит, что обычно действия предпринимаются под влиянием интересов и норм. Иногда результат представляет собой компромисс между тем, что диктует норма, и тем, что диктует рациональность. Иногда рациональный выбор блокирует социальную норму: многие люди участвуют в выборах, выполняя гражданский долг, но не тогда, когда это становится невыгодно им. И наоборот, социальные нормы могут блокировать рациональный выбор: так, беспощадная конкуренция на рынке может сочетаться с убежденной приверженностью нормам честности.

Рассматриваемая проблема является сложной и дискуссионной. Камнем преткновения, на наш взгляд, здесь становится состояние базовых социальных институтов (политических, экономических, социокультурных), которые не могут или не ставят своей главной целью баланс интересов общества, социальных групп и индивидов. В связи с этим не удается избежать войн, вооруженных конфликтов, террористических актов, техногенных аварий, преступности, безработицы, бедности, правонарушений. Более того, как свидетельствует статистика, негативные явления и процессы нарастают.

Рассмотрев феномен социальной нормы с момента ее возникновения до настоящего времени, можно сформулировать ряд выводов.

В традиционном обществе социальная норма играла огромную роль в развитии человека. Она сохраняла ценность родового коллектива и была сравнима с нормами «абсолюта». В индустриальном обществе, когда усилились социальная дифференциация и социальное неравенство, норма становится относительной. Механизм регуляции социального поведения осуществляется уже правящим классом, устанавливающим свои нормы, ценности, идеологию, причем эти нормы не всегда удовлетворяют потребности всех членов общества. В постиндустриальном информационном обществе ситуация с полезностью нормы, справедливостью и легитимностью становится еще более сложной: вместо социальных норм, основанных на принципах культуры и гуманизма, наблюдается регуляция, построенная на финансовых и региональных интересах. Рациональность и эффективность становятся мерилем нормы. Представляется, что такая ситуация может привести к крушению «социального» в человеке.

На наш взгляд, индикатором в проведении демаркационной линии между нормой и девиацией может послужить соотношение категорий «добра» и «зла», «преступника» и «жертвы».

Библиографический список

1. *Аванесова Г.А.* Сервисная деятельность: историческая и современная практика, предпринимательство, менеджмент: учеб. пособие. М., 2004.
2. *Пеньков Е.М.* Социальные нормы: управление, воспитание, поведение. М., 1990.
3. *Леви-Строс К.* Структурная антропология / пер. с фр. В.В. Иванова. М., 2001.
4. *Parsons T.* The structure of Social Action. N.Y., 1937.
5. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда // Западноевропейская социология XIX–XX веков. М., 1996.

6. *Козырьков В.П.* Природа девиации и структура социальных норм // Вестн. ННГУ. Сер.: Социальные науки. Н. Новгород, 2004. Вып. 1 (3).
7. *Darendorf R.* «Homo-Sociologicus». Koln und Opladen, 1960.
8. *Люотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб., 1998.
9. *Эльстер Ю.* Социальные нормы и экономическая теория // THESIS. 1993. Вып. 3.

Yu.V. Zetkina
Youth Drug Prevention
in the Structure
of Anti-Drug Policy
in the Republic of Mordovia

The problem of social prophylaxis of narcotism in the youth environment of the region is raised. Recommendations for improvement of inter-institutional interaction in the sphere of social prophylaxis of narcotism are given.

Key words and word-combinations: narcotism, social prevention, youth.

Поднята проблема социальной профилактики наркотизма в молодежной среде региона. Сформулированы практические рекомендации по улучшению межведомственного взаимодействия в сфере социальной профилактики наркотизма.

Ключевые слова и словосочетания: наркотизм, социальная профилактика, молодежь.

УДК 316.32(470.345)
ББК 60.524.258.3(2РосMap)

Ю.В. Зеткина

ПРОФИЛАКТИКА
МОЛОДЕЖНОГО
НАРКОТИЗМА В СТРУКТУРЕ
АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ
(НА ПРИМЕРЕ
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

Наркотизация российского общества составляет глобальную угрозу здоровью населения страны и национальной безопасности. Потребление наркотических средств в России в последние годы неуклонно растет, охватывая все территории страны и категории населения. Масштабы и темпы роста уровня наркотизма ставят под вопрос физическое и моральное здоровье нации и само будущее значительной части российских граждан.

Как отмечают исследователи, процесс наркотизации в стране из года в год «омолаживается» [1; 2]. Об этом свидетельствуют и официальные статистические данные, где указывается, что проблема локализована в возрастном измерении до 30 лет [3, с. 273]; ее носителями являются не только больные наркоманией, но и те, кто имеет опыт разовых и эпизодических проб наркотических веществ. Зачастую первичная наркотизация непосредственно связана с алкоголизацией.

Специалистами обозначены основные тен-

денции современного этапа эволюции наркотизации российского общества. В первую очередь отмечается увеличение масштабов ее распространения – наркомания перестала быть проблемой только маргинальной части населения, она охватила все половозрастные группы российского населения. Другой заметной тенденцией стало «обытовление», выраженное в «возрастном» знакомстве молодых людей с наркотиками и использовании их в качестве средства инициации при переходе из подросткового в статус взрослого человека. Наиболее тревожной является тенденция «нормализации» – потребление наркотиков не только получило широкое распространение, но и превратилось в обычную, привычную составляющую досуга.

Согласно многочисленным социологическим исследованиям приобщение к наркотикам происходит преимущественно у лиц с определенным набором социально-демографических характеристик и поведенческих проявлений. Ряд молодых людей не идут дальше разовых и эпизодических экспериментов с наркотиками и со временем самостоятельно или под влиянием внешних обстоятельств отказываются от них. Но значительная часть молодежи, включенная в наркотизацию, фактически остается вне сферы внимания со стороны институтов социализации и социального контроля. Широко распространенные правоприменительная и медицинская практики обычно направлены против наркомании, а не наркотизма, что не соответствует современной антинаркотической политике.

В связи с этим необходимо различать понятия наркомании и наркотизма. Наркомания – это заболевание, выражающееся в физической и / или психической зависимости потребителя от наркотиков. Наркотизм же представляет собой более широкое социальное явление, выражающееся в потреблении наркотических веществ некоторыми социальными группами и негативных социальных последствиях, сопровождающих этот процесс. Решение проблем наркотизма требует как теоретического осмысления самого явления, так и постоянного мониторинга наркоситуации.

По нашему мнению, в антинаркотической деятельности центральная роль должна отводиться профилактике наркотизма.

Под профилактикой наркотизма специалисты предлагают понимать «специфический вид социальной деятельности, осуществляемой как государственными, так и негосударственными органами, организациями (объединениями, формированиями) и учреждениями и направленной на устранение либо нейтрализацию выявленных причин и условий распространения этого негативного социального явления» [4]; «научно обоснованные и своевременно принимаемые действия, направленные на предотвращение возможных физических, психологических или социокультурных коллизий у отдельного индивида и групп риска: сохранение, поддержание и защиту нормального уровня жизни и здоровья людей; содействие им в достижении поставленных целей и раскрытии их внутренних потенциалов» [5, с. 127].

Представляется целесообразным в данной работе акцентировать внимание на *социальной* профилактике наркотизма, в рамках которой актуализируется потребность в научно обоснованном формировании системы социального контроля наркотизации населения.

В масштабах всего общества социальный контроль является составной частью общей профилактической работы, направленной на борьбу против антиобщественных явлений. Деятельность по профилактике включает в себя прежде всего устранение причин совершения правонарушения, а также борьбу с девиантными поступками – нарушениями неправовых по своей природе социальных норм, обычаев и традиций [6, с. 99].

Социальный контроль над наркодевиацией включает в себя не только профилактику (превенцию), но и активное корректирующее воздействие на основе отрицательной или положительной обратной связи. Специалисты выделяют внутренние и внешние механизмы социального контроля, действие которых противостоит негативным проявлениям наркотизма [7, с. 340]. Поощрение как один из основных методов положительного социального контроля применяется в основном в процессе социализации индивидов при формировании конформного, законопослушного поведения. Когда же девиантность поведения, связанная с употреблением наркотиков, стала фактом, приоритет отдается наказанию.

Профилактика наркотизма, таким образом, предстает как сложная система мероприятий, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих приобщению индивидов или групп риска к наркотическим веществам. Характерная особенность профилактики наркотизма среди молодежи заключается в том, что в ней участвует множество субъектов (организаций, отдельных лиц). Это не узковедомственная профессиональная, а массовая социальная деятельность. Такой характер профилактической деятельности ставит задачи по ее организации, координации, управлению ею.

Безусловно, в профилактике наркотизма должна приниматься во внимание специфика конкретного региона. Зачастую антинаркотическая профилактика в субъектах РФ проводится без учета сложившейся наркоситуации, содержания антинаркотической политики государства и принятой модели социального контроля. Региональные программы не всегда оценивают новые социальные и управленческие технологии, положительный отечественный и зарубежный опыт реализации антинаркотических мероприятий.

В Республике Мордовия еще десять лет назад проблема наркомании поднималась в программах социального развития внутри таких направлений, как борьба с преступностью, воспитание молодежи, формирование здорового образа жизни.

В настоящее время наркомания приобрела официальный статус региональной проблемы государственного значения. Для ее решения приняты республиканский Закон Республики Мордовия «О профилактике алкоголизма, наркомании и токсикомании в Республике Мордовия» [8] и республиканская целевая программа «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2010–2014 годы» [9]. Согласно закону в структуру субъектов, занимающихся профилактикой молодежного наркотизма, входят органы государственной власти; учреждения здравоохранения и образования, социальной защиты, культуры, физической культуры, спорта и туризма; комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации; средства массовой информации; общественные и религиозные орга-

низации. В профилактической деятельности также участвуют правоохранительные органы (территориальные управления ФСКН и МВД Республики Мордовии). Как видно из республиканской целевой программы, в большей степени ответственность возложена на школы, правоохранительные органы, систему здравоохранения, в меньшей степени – на учреждения социальной защиты, органы по работе с молодежью.

По мнению специалистов, существенным недостатком реализуемого в настоящее время межведомственного подхода является то, что принцип сотрудничества распространяется прежде всего на непосредственно подконтрольные государственным органам учреждения. Именно они согласно документам реализуют основную долю антинаркотической активности и, соответственно, осваивают выделяемое финансирование [10]. Сегодня, на наш взгляд, представляется необходимым рациональное использование растущего потенциала гражданского участия в решении актуальных социальных проблем наркотизма. Опыт работы системы социального партнерства в нашей стране (в том числе с зарубежными организациями) показал эффективность данного подхода, основанного на комплексности мер и приоритете образовательных технологий, ориентированных на воспитание позитивного и адекватного мировоззрения.

Региональные общественные организации демонстрируют примеры профилактики молодежного наркотизма. Следует отметить широкое применение в Мордовии технологий организации по инициативе детско-юношеского движения «Истоки» летних лагерей трудового актива для сельских школьников. Заслуживают внимания методики организации лагеря для трудных подростков, инициированные Ассоциацией педагогических отрядов Историко-социологического института Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева. Кроме того, необходимо упомянуть программу трудового лагеря Ассоциации учащейся молодежи Мордовии для детей-сирот, обучающихся в учреждениях начального профессионального образования, а также программу профессиональной ориентации выпускников интернатных учреждений, реализуемую Ассоциацией «Милосердие» совместно с коммерческими организациями Республики.

На базе Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева работают школы волонтеров по профилактике злоупотребления наркотическими и психоактивными веществами и пропаганде здорового образа жизни среди студентов. Программа школ включает в себя информационные, теоретические и практические занятия по проблемам профилактики и борьбы с употреблением наркотических и психоактивных веществ, распространением ВИЧ-инфекции (СПИДа). Участниками рассматриваются модели профилактики и формы эффективной профилактической работы, отрабатываются навыки ведения групповых занятий в подростково-молодежной среде и самостоятельной разработки профилактического семинара. Обученные организацией лидеры-волонтеры ведут работу со сверстниками и, кроме того, выявляют потенциальных потребителей в своей молодежной среде (в вузах, молодежных клубах). В отличие от государственных специалистов, волонтеры оказывают более сильное влияние на молодых людей, так как являются частью коллективов, знают ситуацию изнутри

и выявляют начинающих потребителей по факту, а не по неким субъективным предположениям.

К сожалению, в настоящее время еще не выработан механизм, обеспечивающий конструктивное сотрудничество и эффективное взаимодействие между всеми общественными организациями и движениями, фондами и государственными органами, другими структурами, задействованными в профилактике наркомании. Так, общеобразовательные школы не всегда принимают помощь волонтеров в проведении тренингов и других антинаркотических акций.

Современная наркоситуация требует новых подходов в антинаркотической деятельности, включения новых акторов, способных внести существенный вклад в профилактику наркомании. Работа общественных организаций в Республике Мордовия в этом направлении находится только на этапе становления и зачастую носит характер разовых акций. Сегодня нельзя говорить о систематической практике сотрудничества и взаимодействия общественных и государственных организаций – идет процесс поиска нужных форм совместной деятельности.

Анализ состояния антинаркотической профилактики в Республике Мордовия убеждает в исключительной сложности проблемы. Несомненно, антинаркотическая деятельность должна планироваться, причем планирование должно опираться на анализ достигнутого, для чего необходим мониторинг наркоситуации. Он позволит выявить факторы (причины), определяющие особенности наркопотребления в регионе. Посредством мониторинга можно не только отслеживать динамику процессов незаконного распространения и потребления наркотиков, но и оценивать эффективность всей антинаркотической деятельности.

Ориентированные исследования позволяют определить «мишени» профилактической деятельности – социальные группы, в отношении которых должен осуществляться дифференцированный методологический подход (дети, молодежь группы риска, молодежь в целом, родители) и территории осуществления профилактики (школа, вуз, семья, работа, территориальная общность). Опираясь на теории наркотизма, комплексно используя их достижения, субъекты профилактической деятельности смогут эффективно использовать правило каузальности, то есть исходить из анализа причин явления, подлежащего регулированию и управлению. Проблема наркотизации молодежной среды может быть решена только с помощью системной, последовательной организационно-профилактической работы, на основе проведения комплексных социологических исследований наркотизации населения в регионе, всесторонней научной оценки наркоситуации и разработки на их основе эффективной системы мер противодействия.

В настоящее время уже существует довольно широкий спектр моделей профилактики зависимости. Зарубежными и отечественными исследователями накоплен значительный теоретический и эмпирический материал по принципам построения профилактических программ, условиям выбора перспективных моделей. Использование позитивной зарубежной и отечественной практики конструирования антинаркотических программ позволит создать перспективную региональную программу профилактики наркотизма.

Библиографический список

1. Журавлева Л.А. Факторы и условия наркотизации молодежи // Социс. 2000. № 6.
2. Позднякова М.Е. Особенности распространения наркомании в молодежной среде. URL: <http://www.youthmsses.narod.ru/conference/Pozdnyakova.doc> (дата обращения: 10.09.2010).
3. Российский статистический ежегодник. М., 2009.
4. Прохорова М. Концептуальные подходы к формированию системы профилактики наркотизма в Российской Федерации. URL: <http://www.narcom.ru/law/system/35.html> (дата обращения: 13.09.2010).
5. Bloom M. Primary prevention: a possible science. N.J., 1981.
6. Антонова О.Г., Дьяльнов Д.Г. Социальный контроль и возрождение России. Самара, 1999.
7. Гилинский Я.И. и др. Девиантность подростков: теория, методология, эмпирическая реальность. СПб., 2001.
8. О профилактике алкоголизма, наркомании и токсикомании в Республике Мордовия: Закон Республики Мордовия от 4 февр. 2009 г. № 11-3. URL: http://www.ufsknm.ru/?id_refer=446 (дата обращения: 19.09.2010).
9. О республиканской целевой программе «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2010–2014 годы»: постановление Правительства Республики Мордовия от 30 нояб. 2009 г. № 514. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=454673> (дата обращения: 22.09.2010).
10. Кремнева Н. «Программное» решение проблемы наркомании. URL: <http://www.regioncentre.ru/resources/books/13step/13step2/> (дата обращения: 20.09.2010).

A.M. Stelmakh
Features of Matrimonial-Family
Relations of Young People

The basic matrimonial-family strategies that have developed in the youth environment nowadays are considered. The processes of revaluation of traditional matrimonial-family values are studied.

Key words and word-combinations: youth, socialization, matrimonial-family strategies, cohabitation.

Представлены основные брачно-семейные стратегии, которые сложились в молодежной среде в настоящее время. Исследуются процессы переоценки традиционных брачно-семейных ценностей.

Ключевые слова и словосочетания: молодежь, социализация, брачно-семейные стратегии, сожитительство.

УДК 316.356.2
ББК 60.561.5

А.М. Стельмах

**ОСОБЕННОСТИ
БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ
ОТНОШЕНИЙ МОЛОДЕЖИ**

Рыночные отношения привели к формированию в социуме аномичных культурных образцов, потере гражданами ценностных ориентиров, усугубив тем самым проблемы социализации молодого поколения.

Наследуя и воспроизводя сложившиеся общественные отношения, каждое новое поколение обеспечивает сохранение целостности общества и участвует в его совершенствовании и преобразовании на основе своего инновационного потенциала. Основным предназначением молодежи как социальной груп-

пы является реализация ею функции воспроизводства социальной структуры. Тем самым осуществляется как развитие молодежи, так и общества в целом.

Воспроизводство студенческой молодежью брачно-семейных практик наглядно показывает, с одной стороны, успешность их социализации, а с другой – уровень соответствия требованиям ситуации. Повседневные брачно-семейные отношения молодежи оформлены в специфическую ценностную систему и представляют синтез формальных правил и неформальных договоренностей, в рамках которых складываются статусные взаимодействия молодых людей, воспроизводятся семейные практики, формируются социальные ценности и нормы, обуславливающие соответствующие образцы действий.

Брачно-семейные отношения студенческой молодежи коррелируют с кризисом семьи, проявляющимся в снижении престижа института семьи и его неспособности удовлетворительно выполнять основные функции, что принципиальным образом изменяет социальную значимость брачно-семейных отношений. Так, показатель брачности россиян, по данным статистики, в 2008 г. составил 8,9 (на 1000 человек), в 2009 г. – 8,3, в 2010 г. – 8,5 человека. В Саратовской области он также снижался с 8,2 (2008 г.) до 7,7 (2009 г.), и в 2010 г. составил 7,6 человека. Показатель разводимости населения в прошедшем году составил 4,9 – в России и 4,8 человека – в Саратовской области.

С 2008 г. наметилась положительная динамика по количеству браков и разводов. В 2009–2010 гг., при сохранении этой тенденции по отношению к разводам, в динамике заключения брака наметилась тенденция к снижению. С начала 2010 г. в области зарегистрировано 19 519 браков и 12 208 разводов. Число браков сократилось почти на 3%, доля разводов увеличилось на 1%. В расчете на 100 образовавшихся брачных союзов пришлось почти 160 расторгнутых. Иными словами, россияне реже стали жениться, но чаще – разводиться [1, с. 104], причем, 2/3 всех разводов (66%) составляют семейные пары с «брачным стажем» до девяти лет.

Модернистские процессы способствуют плюрализации брачно-семейных практик. Параллельно с традиционной семейной стратегией функционирует и является востребованной либеральная стратегия, к которой относится сожительство.

В определенной мере сожительство является следствием неуспешной социализации молодого поколения и неудачной передачи им социального опыта. Как итог – в условиях дезинтеграции социальных институтов молодежь стремится освободиться от социального контроля и построить новую неформальную семью. Увеличение числа таких семей имеет причинно-следственную зависимость как от экономических факторов, так и от ценностных ориентаций субъектов.

Вместе с тем либеральные ценности молодежи воплощаются в различных проявлениях индивидуализма, культивированного в процессе социализации, происходящей под влиянием глобализации. Так, согласно структуралистскому конструктивизму П. Бурдьё, в реальной социальной действительности брачно-семейные стратегии создаются субъектами в соответствии с собственным восприятием социальной реальности и со своей позицией в ней.

Семейные модели и практики поведения в настоящее время не подразумевают четкого образца поведения, являвшегося бы неким абсолютom. Популярность

либеральной брачно-семейной модели изначально задана социальными условиями, в которых происходит формирование ценностного стержня личности.

С точки зрения конструирования социальных ролей традиционная и либеральная модель семьи – это две социальные практики, ориентированные на совместное проживание, ведение общего хозяйства, удовлетворение сексуальных и эмоциональных потребностей. Статус схожих социальных ролей мужа и жены отличается в данном случае только юридическим аспектом. Сегодня традиционная семья является не столько эталоном и образцом, сколько одной из возможных трактовок семейного поведения. Вместе с тем именно данная социальная конструкция лежит в основе общественных предпочтений. Как следствие, молодежь, выбирающая либеральную стратегию, сталкивается со многими трудностями.

Преобладающим мотивом создания семьи в студенческом возрасте служит любовь. Эмоционально захваченные молодые люди не задумываются о трудностях, с которыми им придется столкнуться после свадьбы. В связи с этим интересно рассмотреть жизненный цикл студенческой семьи. Жизненный цикл семьи включает стадии развития, в каждой из которых жизненный стиль семьи относительно устойчив и каждый член семьи выполняет определенные задачи индивидуального развития сообразно со своим периодом жизни. Каждый этап делает акцент на особых задачах развития, конкретных функциях, высоко коррелирующих с возрастом [2, с. 83].

Жизненный цикл студенческой семьи начинается с официальной регистрации отношений молодыми людьми. Начальный этап брачной жизни, характеризующийся появлением новых задач и функций, порой не соответствуют этапу психоэмоционального развития молодых людей. В их жизненной ситуации есть и радости, и драмы, так же как и у любых других людей. Однако ситуация усугубляется тем, что зачастую в силу социальной и эмоциональной незрелости они абсолютно не готовы к ответственному выполнению своих супружеских обязанностей.

Ожидания молодых людей часто не соответствуют действительности, в результате чего появляется неудовлетворенность в браке. Недовольство семейной жизнью, безответственный подход к браку часто приводит к нарушению жизненного цикла студенческой семьи, то есть к разводу. Развод / разрыв отношений – это неконструктивный способ решения конфликта. Но студенческая семья подчас не способна к конструктивному решению конфликтных ситуаций, так как у нее слабые адаптационные условия. Подсознательно понимая все сложности и трудности семейной жизни, молодые люди переходят к альтернативной форме брака, такой, как сожительство. В отличие от традиционной, либеральная стратегия организации семейной жизни позволяет партнерам избегать конфликтов или самоустраняться от их решения.

В последние годы сожительство становится среди молодежи своего рода этапом, который непосредственно предшествует юридически оформленному союзу. Это можно объяснить влиянием следующих факторов.

Несколько десятилетий наблюдается раннее психофизиологическое развитие молодежи. Нет особых ограничений в трансляции соответствующих ориентаций в средствах массовой информации. Во многих семьях налицо ослабление сексуального контроля над подростками. Отсутствуют, или их очень мало, социальные

программы сексуального воспитания. Они подменяются программами сексуального просвещения и в большей мере ориентированы на профилактику ВИЧ / СПИДа и нежелательной беременности, чем на подготовку к семейной жизни. На протяжении многих лет прослеживается четкая закономерность раннего и более активного вступления женщин в брачные отношения, причем данная тенденция, по итогам исследований [3, с. 79], характерна для молодежи и абсолютно одинакова как для юридически оформленных браков, так и для сожительства.

Популярность сожительства среди молодежи можно объяснить, прибегнув к достижениям теории социального обмена (Дж. Хоманса и П. Блау). Одним из исходных положений теории социального обмена является то, что людям необходимы многообразные виды вознаграждений, получить которые они могут, только взаимодействуя с другими людьми. Вознаграждением в процессе социального взаимодействия могут быть социальное одобрение, уважение, статус, а также практическая помощь.

Обмен между индивидами или группами, желающими использовать ресурсы для осуществления своих целей, является одним из аспектов институционального обмена и формирования институциональных образцов. На индивидуальном уровне социальное поведение рассматривается как личный контакт между двумя индивидами, в котором вознаграждение или проигрыш определяют их поведение, то есть, человек, вступающий в отношения обмена с другим человеком, будет ожидать, что доходы каждого из них будут пропорциональны расходам – чем больше доходы, тем больше расходы [4].

Сексуальные отношения, забота, проявление симпатии являются своего рода вознаграждением, как в семье, так и в сожительстве. Значимость того или иного вознаграждения или потери зависит от ее ценности для конкретного индивида. Нехватка или отсутствие вознаграждения ведет к прекращению союза.

В официальном браке отношения расторгаются через суд и сопровождаются юридическими и имущественными тяжбами. В этом плане сожительство социально выгодно. В нем имеется полная психологическая и документальная свобода, возможность легко расстаться, что, в свою очередь, и привлекает большинство молодежи.

В заключение следует отметить, что брачно-семейные практики молодежи разнообразны и воспроизводятся в соответствии с требованиями ситуации.

Характерные институциональные особенности современных брачно-семейных отношений следующие: приемлемыми являются как добрачные, так и внебрачные отношения; целомудрие молодых людей до брака перестало быть моральной ценностью; констатируется эгалитарный характер при принятии решений, касающихся семьи; брак не является пожизненным и расторгается по желанию любой из сторон. Современные брачно-семейные отношения, носящие эгалитарный характер, предполагающий равенство полов, отличаются индивидуальностью и малодетностью.

Тенденция к индивидуализации и эгалитаризации определяет особую институциональную характеристику брачно-семейных стратегий: процессы глобализации и модернизации общества предполагают рост индивидуализации и свободы выбора для личности, что не может не отразиться на положении семьи,

способствуя ее дальнейшей трансформации [5, с. 179]. Культура индивидуализации демонстрирует независимость молодежи по отношению к классической модели семьи и предполагает прежде всего свободу брачно-семейной самореализации, не ограниченной традиционным социальным опытом и стереотипами.

Сожительство на современном этапе – наиболее приемлемая и доступная практика семейных отношений для молодежи. К тому же оно является решением многих проблем. Во-первых, материальных – не нужно тратить на свадьбу, деньги можно потратить или на оплату квартиры, или на что-то более необходимое. Во-вторых, психологических – такой союз дает возможность лучше узнать партнера и в случае несовместимости разойтись, в отношениях остается ощущение свободы. В-третьих, сексуальных – выражающихся в наличии постоянного партнера. Но, несмотря на это, сожительство, по сути, является дестабилизатором, не способным удовлетворить потребность в защите.

Библиографический список

1. Демографический ежегодник Саратовской области, 2010 год: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2010.
2. Ярская-Смирнова Е. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997.
3. Долбик-Воробей Т.А. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // Социологические исследования. 2003. № 11.
4. Талалай Ю.С. Социологические методы как инструмент исследования феномена гражданского брака в российском обществе. URL: www.lib.socio.msu.ru (дата обращения: 24.02.2009).
5. Ярская-Смирнова Е.П., Романов П.В. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России. М., 2002.

E.V. Kazakova
Institutional Interaction between Labor Market and Education: Conceptual Bases and Classification

The conceptual bases of institutional interaction between labor market and education are considered. Types of institutional interaction are classified. A new approach to the interaction between labor market and education is grounded.

Key words and word-combinations: institutional interaction, labor market, education.

Рассматриваются концептуальные основы взаимодействия институтов рынка труда и образования. Осуществляется классификация видов институционального взаимодействия. Обосновывается новый подход к взаимодействию рынка труда и образования.

Ключевые слова и словосочетания: институциональное взаимодействие, рынок труда, образование.

УДК 316.33
ББК 60.560

Е.В. Казакова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЫНКА ТРУДА И ОБРАЗОВАНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Социальные институты представляют собой устойчивые комплексы формальных норм и правил и неформальных ограничений, основывающиеся на традициях и культурных установках общества. Данные ком-

плексы проявляются в повседневных практиках социальных акторов и регламентируют функционирование сфер общественной жизни. В своей совокупности они составляют каркас общественной системы и призваны поддерживать общество в стабильном состоянии.

Социальные институты современного российского общества находятся в стадии трансформации, что не может не сказаться на выполнении ими своих базовых функций.

В период социальных преобразований нарушается взаимодействие между институтами, что лишает их возможности полноценного функционирования. Одним из примеров может явиться сфера взаимодействия таких институтов, как рынок труда и образование, где наблюдается существенный институциональный дисбаланс, проявляющийся во многих формах, и прежде всего в несоответствии количества и качества выпускаемых специалистов потребностями работодателей.

К аспектам обозначенного несоответствия можно отнести: избыток подготовки специалистов по одним профессиям и нехватку специалистов по другим; несоответствие уровня квалификации выпускников требованиям работодателей; несоответствие ожиданий выпускников учреждений профессионального образования требованиям реальной профессиональной практики. Особо остро эти несоответствия проявляются на уровне взаимодействия учреждений начального профессионального образования и промышленных предприятий. Так, в г. Саратове основное нежелание выпускников учреждений начального профессионального образования, получивших подготовку по промышленным направлениям, работать по профессии связано с низким уровнем развития промышленности региона и низким уровнем заработных плат на предприятиях.

Проблема институционального дисбаланса образования и рынка труда вытекает из несогласованности функционирования данных институтов и целого ряда других институтов, смежных с ними. Это актуализирует исследования в области институционального взаимодействия и требует разработки его концептуальных основ.

В общем виде институциональное взаимодействие можно представить как взаимодействие, акторами которого являются социальные институты и подынституциональные образования. Проведенный нами анализ [1; 2] позволяет выделить два основных вида институционального взаимодействия, включающих различную позицию субъектов взаимодействия и глубину самого процесса, позволяющих объяснить содержание данного явления.

Первый вид – механическое институциональное взаимодействие, которое можно определить как взаимодействие субъектов различных институциональных уровней, непосредственно или через агентов проявляющееся через легитимные (закрепленные в законодательстве) институционализованные формы сотрудничества и (или) конкуренции в рамках решения конкретной проблемы, причем решаемая проблема может не носить характера общественной значимости либо носить его опосредованно.

Второй вид – органическое институциональное взаимодействие. Его можно определить как взаимодействие, осуществляемое субъектами различных инсти-

туциональных уровней непосредственно или через агентов. Оно способствует укреплению социальной структуры, превращает субъекты данного взаимодействия в целостный организм, обладающий комплиментарностью своих составляющих, и нивелирует социальные конфликты. Данное взаимодействие проявляется в консолидационных формах решения общественных проблем.

Разделение институционального взаимодействия на механическое и органическое зависит от наличия и степени комплиментарности взаимодействующих сторон как в рамках одного института, так и между несколькими институтами.

Чем выше уровень комплиментарности, тем ближе взаимодействие к органическому виду. Например, во взаимодействии учреждений начального профессионального образования (подынституциональная компонента института образования) и предприятий-работодателей (подынституциональная компонента рынка труда) при решении проблемы молодежной безработицы комплиментарность выражается в соответствии объема и качества подготовки требованиям работодателей. Значит, учреждения начального профессионального образования должны готовить столько рабочих и такой квалификации, чтобы большая их часть трудоустроилась по специальности, обеспечивая тем самым заполнение рабочих мест на предприятиях, что, в свою очередь, способствует развитию производства. Комплиментарность, таким образом, будет определяться двумя показателями: уровнем соответствия количества подготовленных кадров требованиям предприятий-работодателей и уровнем соответствия качества подготовленных кадров требованиям предприятий-работодателей.

Одним из механизмов, на примере которого можно проиллюстрировать сценарии органического и механического взаимодействия, является заключение договора сотрудничества между учебным заведением и предприятием.

Министерство образования выдает учебным заведениям количественные показатели плана набора. Согласно этим данным учебные заведения заключают с предприятиями договоры сотрудничества на подготовку кадров (на прохождение практики с последующим трудоустройством). Объем приема учащихся утверждается министерством занятости, труда и миграции региона на основании данных договоров сотрудничества. Таким образом предполагается гарантировать занятость будущих выпускников, и только после этого осуществляется прием учащихся.

Сценарий механического взаимодействия в этом случае содержит достаточно часто повторяющиеся риски. На практике работодатель часто завышает свои потребности, и договоры заключаются на подготовку заведомо большего количества рабочих, чем необходимо на данном предприятии, а когда молодые люди заканчивают обучение, предприятия не всегда выполняют обязательства в части трудоустройства выпускников. Учебное заведение может обратиться в судебные органы с целью призвать предприятие к выполнению обязательств по договору. Однако на практике это приведет к ситуации, когда с данным учебным заведением не станут заключать договоры в будущем. Поэтому руководство учебного заведения прибегает к решению вопросов трудоустройства выпускников своими силами.

Низкая степень комплиментарности проявляется также в несоответствии качества подготовки требованиям работодателей. Так, предприятиями востре-

бованы высококвалифицированные кадры, способные в кратчайшие сроки приступить к самостоятельному выполнению трудовых функций. Но слабая материально-техническая база и нехватка мастеров производственного обучения значительно снижают качество подготовки учащихся. Вместе с тем предприятия, как правило, не берут на себя обязательства по финансированию и кадровому обеспечению процесса подготовки, уповая в данном вопросе на решения государственных органов [3, с. 29–30]. Что же касается квалификации выпускников, то по окончании обучения, согласно Государственному образовательному стандарту, выпускнику присваивается 3-й или 4-й (повышенный) разряд, тогда как на предприятии востребованы рабочие 5–6-го разряда. Таким образом, трудоустроявая выпускника с 3–4-м разрядом, предприятие берет на себя обязательства по дополнительному обучению и присвоению более высокого разряда.

В случае, когда предприятие соблюдает обязательства по трудоустройству и дополнительной подготовке на рабочем месте молодых работников, повышается уровень комплиментарности, что приближает взаимодействие к органическому виду.

Как показал пример, сценарий механического взаимодействия социальных институтов не всегда предполагает конструктивный результат для всех его субъектов. Механическое институциональное взаимодействие определяется в основном взаимодействием на уровне формальных норм и правил, закрепленных формальным законодательством. Так, порядок корректировки объема приема учащихся в учебные заведения закреплен формальными нормами, в том числе и в вопросах заключения между учебным заведением и предприятием договора на подготовку. Существуют и формальные нормы, принуждающие предприятия выполнять обязательства по трудоустройству выпускников, к которым не прибегают представители учебных заведений в силу неформальных ограничений.

Помимо формальных норм и правил, институт содержит неформальную компоненту, основанную на социальных практиках и культурных традициях. Именно распространенные социальные и деловые практики современного российского общества допускают отказ предприятий от своих обязательств по трудоустройству выпускников, без каких-либо санкций. В условиях жесткой конкуренции учебных заведений договоры сотрудничества с предприятиями на подготовку кадров обеспечивают выживаемость учебного заведения, однако приводят к формированию асимметричных форм взаимодействия.

Сценарии органического взаимодействия, напротив, предполагает конструктивное сотрудничество, при котором учебным заведениям предоставляется достоверная информация, выполняются обязательства по договорам сотрудничества, что, в свою очередь, обеспечивает выживание учебного заведения, трудоустройство выпускников и заполняемость рабочих мест на предприятиях.

Институциональное взаимодействие может проявляться на различных уровнях институциональной системы, что позволяет осуществить классификацию институционального взаимодействия рынка труда и образования в зависимости от уровней его проявления.

Институциональное взаимодействие на уровне индивидов, социальных групп и ассоциаций (носителей ролей и статусов) проявляется во взаимодействии

между руководителями и сотрудниками предприятий, организаций и учебных заведений. Институциональное взаимодействие подынституциональных составляющих (субъектов) конкретного института проявляется во взаимодействии ступеней образовательной системы, а также во взаимодействии предприятий и органов занятости в вопросах трудоустройства безработных граждан. Институциональное взаимодействие подынституциональных составляющих (субъектов) конкретного института с другими социальными институтами их подынституциональными составляющими) может проявляться во взаимодействии между учебными заведениями и предприятиями и организациями – потенциальными работодателями. Институциональное взаимодействие между социальными институтами в рамках социальной системы подразумевает комплекс перечисленных элементов взаимодействия. Институциональное взаимодействие на уровне макроинститутов (под макроинститутами подразумевается экономика, политическая структура и идеология [4, с. 17–20]) создает условия для эффективного взаимодействия всех общественных институтов, в том числе рынка труда и образования.

Каждый элемент взаимодействия на своем уровне имеет свои цели и задачи, но конечной общей целью для каждого из них будет поддержание общества в стабильном состоянии. В случае взаимодействия рынка труда и образования к таким целям можно отнести воспроизведение трудового капитала общества, снижение социальной напряженности и уровня преступности (а таковые явления являются наиболее частым следствием молодежной безработицы) и улучшение экономической ситуации в регионе.

Институциональная схема взаимодействия обеспечивается, в частности, благодаря наличию агентов взаимодействия – посредников, которые при эффективном функционировании будут способствовать укреплению институциональной структуры общества. В зависимости от наличия агентов институциональное взаимодействие можно разделить на опосредованное и непосредственное.

При опосредованном институциональном взаимодействии для установления институциональных комплиментарных связей необходимо вмешательство посредников – государства, организаций, ассоциаций. Во взаимодействии рынка труда и образования такими посредниками выступают органы власти (например, Министерство образования, Министерство труда, занятости и миграции, Комитет по занятости), региональные службы занятости. К негосударственным организациям-посредникам можно отнести такие общественные организации, как Торгово-промышленная палата, консультационные советы (с участием представителей работодателей и учебных заведений), ресурсные центры.

Непосредственное институциональное взаимодействие эволюционирует из опосредованного. Оно характеризуется высокой степенью комплиментарности институтов и осуществляется путем применения механизмов саморегулирования. Для достижения непосредственного институционального взаимодействия необходим длительный период развития и становления институтов, а также, в процессе этого становления, создание и укрепление институциональных взаимосвязей. Когда исчезает необходимость в посредниках, поддерживающих комплиментарность, опосредованное взаимодействие перетекает в непосредственное.

Институциональное взаимодействие может проявляться в организованном и стихийном видах.

Под организованным видом подразумевается взаимодействие акторов институциональной системы, основанное на фиксированных правилах. Оно имеет более стабильные черты. К организованному взаимодействию рынка труда и образования можно отнести заключение долгосрочных договоров сотрудничества на прохождение учащимися и студентами производственной практики с возможностью последующего трудоустройства, создание и активное функционирование консультационных советов, регулярное проведение «круглых столов» и совещаний, посвященных вопросам трудоустройства молодых специалистов.

Стихийное взаимодействие основано, скорее, на неформальных ограничениях, межличностных отношениях активных участников взаимодействия (в основном должностных лиц) и регламентировано механизмами социальных сетей. Стихийное институциональное взаимодействие проявляется обычно в виде разовых контактов, направленных на решение конкретного вопроса, не предполагает длительного сотрудничества, а также может не иметь формального закрепления. К стихийным видам непосредственного взаимодействия можно отнести заключение разовых договоров между учебным заведением и предприятием, организацией на прохождение практики студентом. Речь идет о стихийном взаимодействии, когда договоры заключаются на срок прохождения практики, причем студент сам предлагает учебному заведению заключить договор именно с этой организацией на основании того, что в этой организации работает кто-то из родственников или знакомых студента. Такая форма взаимодействия отличается высокой степенью комплиментарности, однако имеет краткосрочный характер. Стихийные взаимодействия институтов в практиках российского общества встречаются наиболее часто, в них велика роль межличностных отношений.

Таким образом, концептуальные основы институционального взаимодействия базируются на изучении внутриинституциональных и межинституциональных взаимосвязей и их роли в функционировании каждого института. На основе исследования институционального взаимодействия рынка труда и образования можно выявить источники дисбаланса в их взаимодействии, построить модель эффективного взаимодействия данных институтов, разработать комплекс мероприятий по нивелированию существующего дисбаланса.

Библиографический список

1. Казакова Е.В. Теоретические аспекты институционального взаимодействия // Государственная власть и общественное устройство в полиэтнической социокультурной среде современной России: сб. науч. трудов. Саратов, 2009. С. 154–156.
2. Институциональные аспекты взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг // Актуальные проблемы современного менеджмента: сб. науч. трудов. Саратов, 2009. Вып. 2. С. 98–104.
3. Дудник А.И. О подготовке квалифицированных рабочих // Развитие кадрового потенциала Саратовской области: сб. материалов. Саратов, 2007. С. 29–31.
4. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социс. 2001. № 2. С. 13–23.

M.S. Zavyalova
The Development
of Personal Functions of Students
at Module-Rating Instruction

The problem of development of students' personal functions at module-rating instruction is studied. Special attention is paid to the analysis of structural peculiarities of module-rating instruction.

Key words and word-combinations: personal functions, module instruction, rating evaluation.

Исследуется проблема развития личностных функций студентов в условиях модульно-рейтингового обучения. Особое внимание уделяется анализу структуры модульно-рейтингового обучения.

Ключевые слова и словосочетания: личностные функции, модульное обучение, рейтинговая оценка.

УДК 378.1

ББК 74.58

М.С. Завьялова

РАЗВИТИЕ
ЛИЧНОСТНЫХ ФУНКЦИЙ
СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ
МОДУЛЬНО-РЕЙТИНГОВОГО
ОБУЧЕНИЯ

Единое образовательное пространство, формирующееся в современном мире, в качестве приоритета определяет развитие различных личностных качеств обучающихся. Именно ориентируясь на них, следует готовить конкурентоспособных специалистов. Актуальная социальная и профессиональная практика требует специалистов, обладающих не только обширными знаниями и компетенциями, но и сформированной способностью к постоянному их обновлению, самообразованию, сформированной способностью получать, владеть, своевременно и квалифицированно использовать необходимую информацию. Это пробуждает рост интереса к образованию, создающему условия для максимально полного проявления и развития личности.

Многие исследователи отмечают, что образование, ориентированное на развитие личности, достигает своих целей в такой степени, в какой создает ситуацию востребованности личности и ее творческих сил. Личностные функции обучающегося активизируются в образовательном процессе только в том случае, если познавательный интерес не может обеспечить его активную позицию в структуре учебной ситуации. Они могут быть определены как проявления человека, которые, собственно, и реализуют социальный заказ «быть личностью» [1].

В разное время исследователи данной проблемы определяли личностные функции как

«базовые способности человека проектировать себя» (Ф. Баррок), как «способность определять свое отношение к миру» (С.Л. Рубинштейн) или как «способность человека конструировать собственную жизнедеятельность» (Г.А. Ковалев). К ним относятся функции, которые способствуют становлению личностного смысла в процессе обучения: мотивационная, развивающая, функция ориентации.

Мотивационная функция непосредственно влияет на процесс возникновения мотивов учебной деятельности, особенно научно-познавательной. Ее реализация в процессе обучения будет означать принятие студентами учебной деятельности, направленной на достижение личных результатов.

Развивающая функция способствует созданию собственного представления о действительности и приводит к применению различных способов познания. Активизация данной функции через механизмы самореализации придаст творческий характер различным видам учебной деятельности и будет способствовать достижению студентами высоких результатов.

Функция ориентации направлена на построение индивидуального мировоззрения. Ее развитие будет соотноситься с будущей профессией студентов, направленностью личности обучающихся на получение таковой.

Обращение к смысловой сфере студентов в процессе обучения не только позволяет улучшить качество усваиваемых знаний, но и способствует определению пути становления и самореализации творческой личности. Естественным образом встает вопрос о педагогических технологиях, применение которых приводило бы созданию условий для становления личностных смыслов обучающихся и развития их личностных функций. Решению этой задачи в наибольшей степени способствует модульно-рейтинговое обучение, которое характеризуется мобильностью и динамичностью, имеет в основе компактное, сжатое расположение учебного материала, позволяющее облегчать задачу запоминания полученной информации. Отсутствие жестких временных ограничений для каждого студента по освоению модуля открывает возможность создания условий, при которых каждый студент в соответствии со своими способностями и интересами, в удобном ему темпе овладевает знаниями.

Для модульно-рейтингового обучения характерны структурированность, гибкость, вариативность использования форм и методов обучения, необходимых для решения поставленной задачи, разносторонность педагогического консультирования. Одной из основных задач модульно-рейтингового обучения является формирование у студентов навыков самообразования, увеличение доли их самостоятельности в процессе обучения, что становится возможным в силу отличительных особенностей организации процесса. Высокая степень самостоятельности каждого студента способствует формированию учебных компетенций и творческому поиску решения поставленных задач.

Особое значение для формирования навыков систематической самостоятельной работы, взаимосвязанных с умением объективно оценивать результаты учебно-познавательной деятельности, имеет также непрерывный, регулярный контроль глубины и качества усвоения учебного материала. Модульно-рейтинговое обучение позволяет решить ряд насущных проблем, стоящих перед современной высшей школой и важных в связи с исследуемой проблемой. Оно дает

возможность учесть уровень подготовленности каждого студента, его личностные особенности и способности. В зависимости от индивидуального темпа работы учебной деятельности конкретного студента можно перераспределять время, отводимое на изучение данной дисциплины, в соответствии с отдельными модулями. При этом стимулируется развитие умений самостоятельно осуществлять и контролировать учебно-познавательную деятельность в заданном направлении; исключается или минимизируется элемент необъективности в процессе оценивания и контроля приобретенных знаний и сформированных учебных компетенций отдельных обучаемых.

Регулярность контроля и оценки заслуживает отдельного внимания. В модульно-рейтинговом обучении осуществляется входной (в начале освоения модуля), текущий (на протяжении изучения модуля), рубежный (по окончании модуля), а также или итоговый контроль (по прошествии нескольких модулей), поэтому системность и систематичность контроля в рамках такого обучения несомненны. Это позволяет информировать субъектов учебного процесса и формировать объективное представление о том, как протекает усвоение содержания обучения, заключенного в модулях, как изменяется отношение студентов к способам осуществления деятельности (репродуктивному, продуктивному, творческому).

Системность контроля, характерная для модульного обучения, способствует развитию личностных функций студентов, а именно функции самореализации. У обучающихся вырабатываются способности выбирать вид заданий, уровень их сложности, форму выполнения, а также умения самостоятельно контролировать свою деятельность «от начала и до конца», оценивать ее, прогнозировать результат, признавать и корректировать ошибки, отстаивать найденное решение, слушать и принимать во внимание критические замечания со стороны других субъектов обучения.

Наиболее объективную количественную и качественную оценку результатов обучения каждого студента становится возможным представить, используя именно рейтинговый контроль и оценку результатов.

Само понятие «рейтинг» указывает на количественный способ измерения сформированных компетенций [2]. В зарубежных и российских вузах рейтинг рассматривается как индивидуальный кумулятивный индекс обучающегося и выражается определенным количеством набранных каждым студентом за определенный срок (например, семестр) баллов за выполнение ряда заданий в соответствии с установленной шкалой. В результате студент видит не «обезличенную» оценку «отлично», «хорошо» или «удовлетворительно», а конкретное набранное им количество баллов, которое отражает степень его успешности в данном модуле (модулях), уровень его достижений, степень реализации его личностных функций.

Объективизация оценивания достигнутых студентами результатов лежит в основе дифференциации обучающихся по успеваемости. Повышение достоверности оценки происходит за счет того, что ее величина определяется по совокупности выполнения различных видов учебной деятельности в течение каждого модуля и по итогам всех модулей семестра. Как следствие, происходит индивидуализация учебного процесса, что позволяет выявить личностные осо-

бенности каждого студента и соответственно организовать процесс, выбрать формы, методы и средства обучения с учетом уровня подготовленности каждого студента. Такой подход делает возможным возникновение и рост личностных смыслов в процессе получения образования.

В частности, одним из условий эффективности рейтингового контроля является расчет количественных показателей – собственно рейтинга – по итогам всех видов контроля. Например, принципиально важное значение имеет нижняя граница рейтинга – то допустимое количество баллов, которое позволяет считать предусмотренные в данном модуле знания усвоенными, а компетенции сформированными хотя бы на минимальном (репродуктивном) уровне. Этот показатель соответствует более привычной характеристике «удовлетворительно» и в процентном соотношении может составлять от 40 до 70% выполненных заданий. Чем ниже стартовый (входной) уровень студентов, тем, соответственно, ниже минимально допустимый количественный показатель за выполнение заданий данного вида контроля.

Итоговые количественные показатели по каждому виду контроля (максимальные, медиальные и минимальные) рассчитываются в соответствии с модульной программой, где представлена структура каждого модуля (субъективный фактор). В прямой связи с отведенным для изучения количеством учебных часов (объективный фактор) учитывается и место, которое занимает конкретная дисциплина в учебном плане вуза.

Рейтинговый контроль требует научно обоснованного определения критериев, которые демонстрируют степень соответствия результатов обучения запланированным целям. С высокой степенью достоверности он позволяет определить уровень саморазвития и самореализации студента, его творческого отношения к осуществляемой деятельности.

Объективность рейтингового контроля играет важную роль в учебно-познавательном и учебно-воспитательном процессе. Достоверность оценивания в значительной степени способствует формированию ценностно-смыслового отношения личности к осуществляемой учебно-познавательной деятельности и ее результатам, поскольку отражает достижения студента в ходе самостоятельной подготовки к контролю, самостоятельного выбора способа осуществления деятельности, самоконтроля. Важно отметить, что рейтинговый контроль помогает избежать искаженных представлений о личных достижениях студента, так как является некой суммарной составляющей по итогам выполнения целого ряда учебных заданий.

Технологически и методически рейтинговый контроль требует создания соответствующего каждому модулю учебно-методического материала (создание банка информации по модулю, разработка системы заданий, проведение разного рода консультаций) [3].

Для организации модульно-рейтингового обучения с целью развития личностных функций студентов необходимо прежде всего разработать соответствующим образом модульные программы и обратить особое внимание на практическую часть каждого модуля, которая включает перечень тем, текстов, заданий и упражнений. Они должны быть подобраны с учетом междисциплинарных свя-

зей таким образом, чтобы студенты могли проявить уже имеющийся у них опыт учебно-познавательной деятельности. Для проведения текущего контроля предпочтительно использовать разноуровневые задания. В целом это будет способствовать реализации одного из главных положений личностно ориентированного обучения – предоставления каждому студенту свободы выбора (в данном случае заданий) с целью развития функций мотивации и самореализации.

Использование на практических занятиях по освоению учебных модулей традиционных и инновационных форм, методов и средств обучения содействует становлению ценностно-значимого отношения каждого студента к изучаемому материалу дисциплины, проявлению и развитию его личностных функций. Применение таких форм и методов взаимодействия, при которых каждый студент привлекается к сотрудничеству, постепенное развитие умения самостоятельной регуляции и осуществления учебно-познавательной деятельности оказывают влияние на проявление и развитие личностных функций обучающегося. Способность обучающегося самостоятельно выбирать пути образования, осуществлять отбор содержания, форм, способов и методов получения образования, в сущности, означает определение и выбор ценностей и направлений самореализации.

Подбор учебно-методических пособий следует осуществлять таким образом, чтобы в процессе обучения учебный материал был интересен для студентов, имел ценностно-смысловую значимость для их будущей профессиональной деятельности.

Наделение личностным смыслом элементов содержания образования, заключенных в учебных модулях, позволяет устранить противоречие между личностными потребностями студентов и задачами образовательного процесса. Это способствует не только их сознательному усвоению, но и формированию учебных мотивов студентов, особенно научно-познавательных, а также достижению целей учебной деятельности. Таким образом оказывается положительное влияние на формирование компетенций и изменение личностного отношения студентов к изучаемому материалу. Именно личностный смысл обеспечивает развитие личностных функций, необходимых для эффективного освоения учебных модулей и творческого решения учебных задач.

Организация модульно-рейтингового обучения студентов позволяет проектировать результат образования, его целевые установки, учебные задачи и релевантные критерии оценки. Это, в свою очередь, стимулирует развитие личностно-смыслового отношения каждого студента к учебно-познавательной деятельности, предоставляет возможность точной диагностики компетенций каждого студента, выработки индивидуальных образовательных маршрутов, которые обеспечивают становление личностных смыслов и развитие личностных функций каждого студента.

Библиографический список

1. *Сериков В.В.* Личностный подход в образовании: концепция и технология. Волгоград, 1994.
2. Современный англо-русский и русско-английский словарь: 100 000 слов / сост. Т.А. Сиротина. М., 2005.
3. *Тельтевская Н.В.* Рейтинговая система контроля и оценки знаний: учеб.-метод. пособие. Саратов, 2004.

E.S. Khinevich, O.A. Volkova
**Sociological Criteria
of Managers' Successfulness
in the Context
of Multilingualism**

The need to study foreign languages for business is actualized. It is proved that managers' successfulness to some extent depends on their ability to perform professional communication in foreign languages.

Key words and word-combinations: successfulness, professional communication, multilingualism, business.

Актуализируется необходимость овладения иностранными языками для ведения бизнеса. Доказывается, что успешность менеджеров в определенной степени зависит от их способности осуществлять профессиональную коммуникацию на иностранных языках.

Ключевые слова и словосочетания: успешность, профессиональная коммуникация, полилингвизм, бизнес.

УДК 316.354:81'27
ББК 60.55:81.001.2

Е.С. Хиневич, О.А. Волкова

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ УСПЕШНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИЛИНГВИЗМА

В условиях глобализации все более актуализируется потребность организаций в полилингвально подготовленных профессиональных менеджерах. В связи с этим можно предположить, что профессиональная успешность современных менеджеров в определенной степени зависит от их способности к осуществлению иноязычной профессиональной коммуникации. Следовательно, опираясь на результаты теоретико-эмпирического исследования, можно определить социологические критерии успешности менеджеров в полилингвальном аспекте (полилингвизмом принято называть «речевые механизмы, позволяющие человеку успешно использовать для общения две и более языковых систем» [1, с. 56]).

Эмпирическая часть исследования проведена на примере двух городов России – Саратова (областной центр) и Балашова (город районного значения в Саратовской области). В качестве методов применялись анкетирование и экспертное интервью. Анкетирование проводилось при сплошной выборке среди студентов Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина (г. Саратов) и его филиала в г. Балашове. В анкетировании приняли участие студенты специальности «Менеджмент организации» (133 респондента в Саратове и 126 – в Балашове). Кроме того, использованы данные экспертных интервью, проведенных с шестью руководителями подразделений вуза и его филиала.

Исходной методологической посылкой стало утверждение, что потребность в успехе –

одна из фундаментальных для современного человека. Она отражает постоянное соревнование индивида с самим собой и окружающими в целях самоутверждения и самореализации. Человек стремится превзойти ранее достигнутый уровень в значимых для него сферах бытия, в первую очередь – в профессиональной. Эта потребность побуждает личность ставить все более высокие цели в глобальном масштабе и стремиться к их достижению.

Необходимо иметь в виду, что «успех – чаще всего понятие субъективное, его достижение и путь к нему индивидуально своеобразны, но все же существуют некие общечеловеческие смыслы, модели и стратегии успешности» [2, с. 67]. Ценность успешности вписывается в контекст жизненного пути человека и фиксируется в системе самооценок, притязаний, самоидентификаций, что придает проблематике успеха социологический смысл.

Как в социологии, так и в менеджменте отмечается, что персональная конкурентоспособность во многом зависит от успешности менеджера в профессиональной, социальной и личной жизнедеятельности. Во многом она определяется стремлением человека к совершенству, самореализации, желанием контролировать свое собственное будущее, органично соединяя трудовую и личную жизнь.

Для того чтобы определить основные проблемные точки формирования и реализации социологических критериев успешности российских менеджеров в контексте полилингвизма, необходимо рассмотреть природу актуализации этого процесса. Исследованию подлежат объективные условия, а также субъективные мотивы, побуждения и перспективы профессиональной деятельности менеджеров. При этом следует помнить, что «успешность профессиональной полилингвальной деятельности менеджеров является одним из наиболее трудных понятий для определения в виду дифференциации индивидуальных систем оценок и ценностей и связанных с ними различных ассоциаций» [3, с. 95].

Ключевые тенденции развития международного бизнеса актуализируют развитие полилингвальных навыков менеджеров. Кроме того, эпоха глобализации в свою очередь заставляет социологов существенно пересмотреть взгляды на проблему влияния полилингвизма на профессиональную деятельность и успешность менеджеров. Сегодня становится очевидным, что смешение языков является таким же закономерным процессом, как и изменчивость и вариативность конкретного языка.

Языковое взаимодействие в современных условиях нельзя сводить к заимствованиям и различным типам интерференции, поскольку такое истолкование процессов взаимодействия языков является односторонним. В социологической рефлексии полилингвизма существенное место должно принадлежать анализу становления, развития и функционирования полилингвизма менеджеров в профессиональной практике. Владение мастерством иноязычного общения, умение строить отношения с представителями иностранных фирм, передавать информацию, оказывать убеждающее воздействие являются составляющими компонентами успешной профессиональной деятельности менеджера.

Расширению международного бизнеса способствуют широкие возможности для этого в мировом масштабе [4, с. 81]. В настоящее время многие передовые организации производят одну и ту же продукцию по всему миру. В то же время они вынуждены постоянно сталкиваться с проблемами во взаимоотношениях,

вызванными персональными и традиционными различиями социально-языковой среды. В условиях глобализации бизнес и управление становятся интернациональными независимо от того, является ли конкретная фирма транснациональной. Полилингвальная некомпетентность менеджеров не позволяет им прогрессировать с той же скоростью, что и разрабатываемые инновационные технологии.

Развитие международных деловых контактов России, находящейся в поле экономических интересов различных стран, усиление интегративных процессов в мировом сообществе стимулируют необходимость знания иностранных языков. В связи с расширением социально-экономических отношений России с другими странами особый теоретический и практический интерес стали представлять вопросы полилингвальной подготовки менеджеров – как практикующих в настоящее время, так и студентов.

Не только политики, журналисты, дипломаты, но и менеджеры всех уровней и направлений, составляющие основную массу профессиональных коммуникантов, должны уметь убеждать и вдохновлять людей, входящих в орбиту их влияния. Важнейшие составляющие профессиональной компетенции менеджера складываются из умения осуществлять переговоры с иностранными коллегами и клиентами, владения культурой иностранной речи, способностей вести дискуссию, умения сформировать положительную репутацию и адекватно проявлять себя в конфликтной ситуации. Менеджер должен дифференцированно преподносить информацию и идеи работодателям, партнерам, конкурентам, работникам, клиентам, государственным чиновникам.

Необходимость профессионального общения с людьми из других культур влечет за собой потребность в полилингвальных навыках. Расширяющиеся возможности работы в многонациональных компаниях и спрос на рабочую силу мигрантов все более актуализируют способность менеджеров эффективно работать с иноязычными коллегами и клиентами, положительно влиять на успех предприятия. В средствах массовой информации также постоянно подчеркивается, что знание иностранных языков играет все большую роль для менеджеров, обсуждаются вопросы торгового баланса, конкуренции отечественных и иностранных фирм, увеличения возможностей инвестирования в другие страны, растущего числа в России трудовых эмигрантов из ближнего зарубежья, не знающих в достаточной степени русского языка.

Любая организация, желающая быть успешной, должна учитывать существующую и создавать собственную иерархию языков, причем такая иерархия выстраивается как в самом национальном языке, так и в иностранных языках, используемых в организации. Язык нижнего уровня – это язык производственных операций, на языке верхнего уровня формулируются миссия, стратегия и ценности организации. Наличие такой иерархии дает общий ориентир для творчества каждому члену коллектива. В случае же ее отсутствия теряются общие ориентиры, в результате чего происходит рост коммуникативных барьеров, снижение способности к нововведениям, потеря эффективности деятельности. В соответствии с данным принципом описываемая на определенном языке деятельность должна конвертироваться на языки иных уровней, а менеджер обязан понимать и применять иерархию языков.

В настоящее время многие компании, прежде чем направить своего сотрудника на работу за рубеж (например, на дочернее предприятие), проводят его подготовку, включающую интенсивное изучение иностранного языка в его профессиональном сегменте. Однако наряду с собственно языковой подготовкой все чаще осуществляется и общекультурная, включающая в себя курс тематических лекций об особенностях страны (чаще всего для этого приглашают преподавателя из страны изучаемого языка). Подобные подходы стали использоваться и в российских вузах. При этом, безусловно, успешность в значительной степени определяется мотивацией обучающихся.

По результатам анкетирования выявлены основные причины, по которым студенты-менеджеры изучают в вузе иностранный язык (рис. 1, 2).

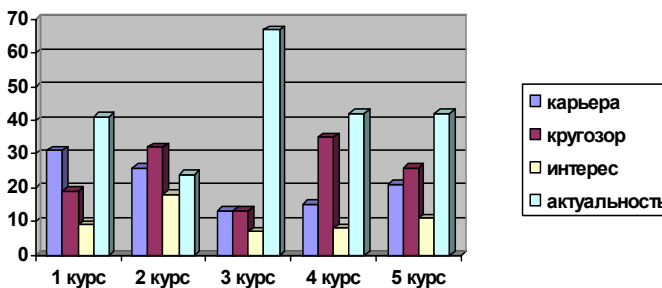

Рис. 1. Основные причины изучения иностранных языков (данные по г. Балашову)

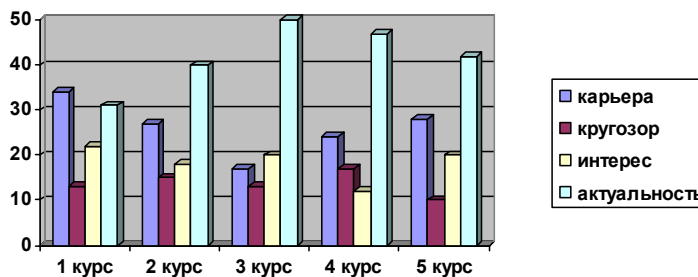

Рис. 2. Основные причины изучения иностранных языков (данные по г. Саратову)

На основании данных гистограмм можно сделать следующие выводы. В первую очередь необходимо обратить внимание на тот факт, что большинство студентов в г. Балашове изучают иностранный язык для расширения кругозора: 1 курс – 19%, 2 курс – 32, 3 курс – 13, 4 курс – 35, 5 курс – 26%. Это объясняется тем, что студенты филиалов в малых городах, видимо, не в полной мере информированы о перспективах, которые дает знание иностранных языков, а также не имеют возможности путешествовать, общаться с носителями языка, участвовать в международных проектах. Специфика финансирования филиалов вузов в малых городах также не позволяет осуществлять международный обмен студентов.

У студентов г. Саратова интерес к иностранным языкам выше. По данным проведенного исследования, они более осознанно изучают иностранный язык, оценивая его актуальность в перспективе будущей профессии: 1 курс – 31%, 2 курс – 40, 3 курс – 50, 4 курс – 47, 5 курс – 42%. По мнению одного из интервьюеров в г. Саратове, «у каждого вуза свои требования к студентам. Уровень подготовленности студентов различный: кто-то занимался самостоятельно, кто-то брал частные уроки по иностранному языку, а многие уже не раз посещали англоязычные страны. Студенты понимают необходимость изучения иностранного языка, и это радует. Желание студентов изучать иностранный язык велико. В вузе активно функционируют кружки (например, «English club»), дополнительные курсы для подготовки к международным экзаменам; студенты принимают участие в стажировках (от одного месяца до девяти месяцев), делегациях. Как правило, большинство наших студентов, занимающихся по программам подготовки к FCE, в дальнейшем выезжают учиться за рубеж».

Отвечая на вопрос, какой иностранный язык наиболее перспективен в управленческой деятельности, студенты в Балашове отдают предпочтение английскому языку – 71%; на втором месте немецкий язык – 22%; французский язык выбрали 2% студентов, китайский – 5%. В Саратове важность владения английским языком отметили 72% студентов-менеджеров. Предпочтение немецкому языку отдали 22% студентов, и лишь 6% считают китайский язык перспективным для управленческой деятельности.

Таким образом, самым перспективным языком у студентов считается английский, и в ближайшей перспективе ситуация, вероятнее всего, не изменится. Английский язык и впредь будет доминировать, а китайский, арабский и другие языки по-прежнему будут оставаться интересны лишь специалистам, менеджерам и предпринимателям, ведущим бизнес в соответствующих странах.

Повышение полилингвальных навыков менеджеров формирует готовность у них к взаимопониманию, сотрудничеству и постижению собственной культуры в контексте мирового сообщества. Если ориентация на овладение иностранными языками как инструментом профессиональной деятельности пока касается ограниченного круга специалистов, то завтра незнание иностранных языков снизит конкурентоспособность менеджера и организации, в которой он работает. Значит, уже сегодня необходимо вести работу по повышению престижа многоязычия, формированию потребности в изучении иностранных языков, а также создавать условия для этого.

Изучение иностранных языков студентами-менеджерами становится не желательным, а необходимым условием для успешного карьерного роста будущего специалиста. В связи с этим большую популярность в последнее время получили краткосрочные интенсивные курсы. Такая форма имеет как положительные, так и отрицательные стороны. В частности, на курсах специалист получает только поверхностные знания, не углубляясь в тонкости языковой системы. Для изучения иностранного языка отводится недостаточное количество времени. В результате у специалиста нередко при переводе теряются тонкости и смысловые оттенки, текст упрощается, а порой искажается, обретая двусмысленность.

Таким образом, следует выделить особое значение полилингвистических ком-

петенций, которые вполне могут маркироваться как составляющие критерии успеха современного менеджера.

Социологически разграничиваются языковая (знание структуры и содержания языка), лингвострановедческая (социальная и культурная составляющие), коммуникативная (владение вербальными и невербальными средствами общения), прагматическая (адекватное выражение мысли в контексте языка), дискурсивная (знание дискурса менеджмента, профессиональной терминологии) группы востребованных полилингвистических компетенций. Наличие у менеджеров указанных компетенций является важным фактором повышения эффективности функционирования как конкретного специалиста, так и организации в целом.

Библиографический список

1. Кондубаева М. Основы культуры речи. Алматы, 1997.
2. Кривко М.А. Социокультурный анализ трансформации образа «успешной женщины» в контексте развития современного российского телевидения // Социально-гуманитарное знание: междисциплинарный подход. Ростов н/Д, 2006.
3. Мартынов Б.В. Корреляция социальности и индивидуальности в процессе формирования успешности человека в России // Социально-гуманитарное знание: междисциплинарный подход. Ростов н/Д, 2006.
4. Зарецкая Е.Н. Деловое общение. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. Т. 1.

T.V. Temaev, E.E. Lukin
Gender Specificity of Social
Adaptation of the Third Age Convicts

The sociological analysis of the gender specificity of elderly convicts social adaptation is made. The problem areas of re-socialization of convicted men and women of the third age that influence the processes of their correction in a corrective establishment and the subsequent adaptation in post-prison prospect are particularized.

Key words and word-combinations: social adaptation, re-socialization, gender, elderly convicts.

Осуществлен социологический анализ гендерной специфики социальной адаптации осужденных пожилого возраста. Конкретизируются проблемные зоны ресоциализации осужденных мужчин и женщин третьего возраста, которые оказывают влияние на процессы их исправления в рамках исправительного учреждения и последующей адаптации в пост-тюремной перспективе.

Ключевые слова и словосочетания: социальная адаптация, ресоциализация, гендер, пожилые осужденные.

УДК 316.334.4+316.34/.35
ББК 60.561.4+60.54

Т.В. Темаев, Е.Е. Лукин

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА

Общемировая тенденция старения населения, характеризующаяся увеличением доли его пожилой части относительно остальной, свидетельствует о переходе геронтологической группы из периферийной категории граждан в одну из основных [1, с. 6]. В силу действия временного фактора у представителей третьевозрастной группы имеются апробированные адаптационные ресурсы. Вместе с тем на их поведение заметно влияют изменение статуса и отсутствие институализиро-

ванных механизмов адаптации к современным условиям, вызванное трансформационными процессами 1990-х годов. Специалистами отмечаются девиации, в том числе негативные.

До недавнего времени применительно к геронтологической группе преступное поведение в научном дискурсе не рассматривалось. Несмотря на доминирование женщин по численности среди пожилых людей, гендерный подход в исследованиях проблем современной преступности в пенсионном возрасте не использовался вовсе. Артикуляция проблем, связанных с гендерными особенностями геронтологической преступности, инициировала поиск целесообразных мер воздействия на преступников данной возрастной категории (в том числе – разработку системы санкций), превентивных мероприятий по их ресоциализации и адаптации как к условиям исправительного учреждения (ИУ), так и к условиям посттюремного существования.

В связи с этим представляется целесообразным представить промежуточные результаты проведенных исследований гендерной специфики социальной адаптации пожилых осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях города Саратова.

В качестве первоначальной гипотезы исследования выступало представление о том, что имеется существенная разница между осужденными-мужчинами и осужденными-женщинами пожилого возраста, в результате оказывающая влияние на процессы их социальной адаптации в рамках исправительного учреждения и в период после заключения.

Методические замечания

Разработка программы исследования, постановка исследовательских задач и гипотез, подготовка инструментария, сбор и анализ материала проводились по методологии «двойной рефлексивности» (n = 44), 2007–2010 гг. (женщин – 17 человек, мужчин – 27 человек). Концепция двойной рефлексивности связывает теоретические категории качественного исследования и качественно-количественного интерфейса со стратегиями полевого исследования интерактивного типа, которому присущи вживание, глубокие интервью, а также коллективная интеллектуальная поддержка в режиме «длинного стола» [2, с. 317–344]. Количество респондентов обусловлено особенностью достижимости объекта и классификацией по срокам отбывания наказания в местах лишения свободы, насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователю нового понимания для раскрытия темы). Длительность интервью составляла 20–45 минут, в среднем – по 30 минут. В качестве респондентов выступали сотрудники девяти исправительных учреждений г. Саратова и области, осужденные пожилого возраста (47–73 лет) десяти исправительных учреждений. В качестве экспертов в исследовании выступили три инспектора по социальной работе, два заместителя начальника колонии по воспитательной работе, три психолога разных исправительных учреждений.

Общие положения

Процесс адаптации человека в новой для него социальной среде, чем и является исправительное учреждение, и некоторый «посттюремный» период связан с определенными социопсихологическими трудностями, поскольку не-

избежно влечет изменение его социальных ролей, функций, правил поведения, привычек в структуре микрогруппы. Снижение эффективности процесса адаптации и, как следствие, процесса социализации индивида приводит последнего к конфликту с социальной средой и нарушению норм и правил сообщества. Происходит десоциализация индивида, его противопоставление обществу.

Переходным звеном от десоциализации к социализации является процесс ресоциализации, представляющий собой некий переход из одного мира – среды с совершенно иными правилами и конструктами (в нашем случае это исправительное учреждение) – в другой – обычное бескризисное общество. Ресоциализация в своей конструкции имеет социальные и психологические элементы. В ходе этого процесса освобожденный возвращается в общество, которое в свое время признало его недостойным. Исправление сознания и поведения осужденного является обязанностью тюремной администрации и постпенитенциарных служб, которые эффективнее выполняют заявленные функции при условии отбывания им наказания на территории региона его проживания.

Саратовским женщинам в этом смысле «повезло», так как не в каждом субъекте Федерации имеется женское исправительное учреждение. Таким образом, они оказываются в более благоприятном адаптационном положении, если вынуждены отбывать наказание в местах лишения свободы.

Саратовская женская исправительная колония обладает специфическими чертами по сравнению с любой мужской: низкий уровень конфликтности среди осужденных, отказ от практики формирования отрядов заключенных по возрастному признаку, высокий уровень конформности к режиму и, соответственно, высокий количественный показатель освобождаемости осужденных условно-досрочно, значительный уровень потребности заключенных в общении с семьей.

При этом между заключенными женской и мужской колоний Саратовской области существуют и общие черты: неосознание собственной вины в совершенном преступлении, мнимая религиозность, превосходство материальной заинтересованности.

Вопросы, задававшиеся сотрудникам исправительных учреждений и осужденным, были разбиты на четыре блока: «Роль религии в ресоциализации пожилых осужденных (мужчин и женщин)», «Гендерные различия ресоциализации пожилых осужденных», «Неудачный брак у мужчин как катализатор преступности», «Проблемы репутации пожилых осужденных-женщин».

Роль религии в ресоциализации пожилых осужденных

Поиск новых направлений, форм и методов духовно-нравственного и психолого-педагогического воздействия на лиц, совершивших преступления, привел к тому, что с 1990-х годов в России начался новый этап взаимодействия сотрудников, исполняющих наказания, с различными религиозными конфессиями [3, с. 8]. Результаты исследования показали, что, как правило, осужденные третьего возраста (и мужчины и женщины), несмотря на асоциальный образ жизни и воспитание в социалистической атеистической идеологии, считают

себя людьми верующими или, по крайней мере, лояльно относящимися к религии:

Р.: Я верю в Бога, конечно, она [вера] мне помогает. По крайней мере, здесь [в религии] без обмана. Потому что Бог есть Бог, он был и будет всегда. Русь всегда на этом стояла и будет стоять. *(Осужденный, 70 лет, первый срок заключения, декабрь 2007 г.)*

Р.: Вообще, я верю, но раза два последние мне не понравилась там (в церкви в колонии) обстановка, а так я верю. *(Осужденная, 57 лет, первый срок заключения, декабрь 2010 г.)*

Р.: Я религиозный, я верю в Аллаха.

И.: А здесь есть возможность для этого?

Р.: Я вам одну вещь скажу, у меня свои понятия насчет этого. Здесь есть лицемеры, понимаете. Он столько натворил в этой жизни, у него столько грехов, я бы столько не простил. *(Осужденный, 62 года, стаж заключения – 45 лет, декабрь 2007 г.)*

И.: А вы вообще верующий человек?

Р.: Да. Я Богу молюсь и здесь.

И.: Вы православная?

Р.: Да. *(Осужденная, 52 года, первый срок заключения, декабрь 2010 г.)*

Однако признание за собой религиозности не означает, что, находясь в исправительном учреждении, осужденные периодически посещают места отправления культа, ходят на встречу со священнослужителем. Зачастую им запрещается этот вид деятельности по состоянию здоровья; некоторые же сами не проявляют желаний – кто прямо, а кто – маскируясь различными причинами:

Р.: Нет, здесь я не посещаю храм, нет такой возможности, не разрешают нам. Здесь меня в психотделение заперли, хотя и не по делу заперли. У меня открытая черепная травма. Решили, что так и обсуждать нечего, но я считаю, что не правы в этом отношении. *(Осужденный, 70 лет, первый срок заключения, декабрь, 2007 г.)*

И.: Вы не ходите в церковь?

Р.: Вы знаете... нет... как вам сказать... какая-то там обстановка стала неестественная. *(Осужденная, 57 лет, первый срок заключения, декабрь 2010 г.)*

И.: В церковь ходите?

Р.: Ну, ходят ребята.

И.: А вы ходите?

Р.: Да ну ее... у меня уже силы нет *(осужденный, 61 год, стаж заключения – 20 лет, декабрь 2007 г.)*

В целом можно констатировать, что пожилые осужденные (и мужчины и женщины) положительно относятся к религии, деятельность ее одобряют и лояльно относятся к различным конфессиям. Несмотря на социалистическое

прошлое, они обладают определенными знаниями в религиозной сфере – истории происхождения религии, ее основных положений; понимают значимость религии для конкретного народа. Некоторые осужденные отметили негативное воздействие религии, что может свидетельствовать о пробелах в работе с ними сотрудников исправительного учреждения.

В результате исследований выяснилось, что пожилые осужденные и сотрудники ИУ не считают религию одним из важнейших ресоциализационных рычагов в деятельности исправительного учреждения по отношению к осужденным третьего возраста. Несмотря на огромный потенциал религии в духовном и социокультурном контексте, ее роль для пожилой части осужденных оказалась нереализованной.

Гендерные различия ресоциализации пожилых осужденных

Сравнительный анализ пожилых осужденных показывает, что, в отличие от мужчин, подавляющее большинство женщин третьего возраста были осуждены впервые и сразу по «тяжкой» 105-й статье (убийство). При этом качественная характеристика личности пожилой женщины или женщины предпенсионного возраста (в отличие от мужчин) не позволяет обнаружить деформацию личности в сторону ее становления на преступный путь.

Р.: Я работала в трех местах: торговый центр, табачная фабрика и ... А он [муж] то там, то здесь, не любил работать. Он работал на троллейбусе, и начальник Энгельсского депо его и кодировал, он его и уговаривал, но ничем я его не могла никак вытащить... Я его убила, как будто всю жизнь кого-то убивала. Я его убила в сердце, легкое ему проткнула. Он очень много пил, последние пять лет я его вообще не видела трезвым, работать бросил. <...> Вы знаете, это страшно. Вот у нас в отряде много пенсионеров, и вот все мы, пенсионеры – по 105-й.

(Осужденная, 57 лет, первый срок заключения, 2009 г.)

И.: Вы вообще первый раз?

Р.: Да. Я считаю, что я случайно попала, всегда я была законопослушная.

И.: А всего вам сколько сидеть?

Р.: Мне 6 лет дали, у меня 105-я.

(Осужденная, 52 лет, первый срок заключения, 2007 г.)

Речь в данном случае идет о ситуационном, «внезапном» преступлении, вызванном многолетним эбьюзингом (насилием) со стороны мужа или сожителя. Как отмечает А. Лысова, каждая четвертая женщина в России чувствует себя пострадавшей от избиений мужа / сожителя; каждая двадцать пятая считает, что подвергается физическому насилию часто. В возрастном аспекте больше всего женщин, пострадавших от физического насилия в семье, именно из старших возрастных групп: 42,9% – в группе 30–55 лет; 43,4% – в группе 56–96 лет [4, с. 125–126].

Пожилые женщины-заключенные, в основном осужденные за убийство, в качестве причин преступления указывают на мужей или сожителей, которые своим поведением и отношением к женам (как правило, речь идет о пьянстве) довели ситуацию до острейшего конфликта, окончившегося убийством последних.

Р.: Да, вы знаете, я попала сюда по воле случая.

И.: Ясно. А вот какие у вас перспективы, как вы думаете? Вот по логике получается так: первый раз попали, второй раз попали, третий раз тоже уже будете?

Р.: Нет.

И.: А что вы сделаете, чтобы не было третьего раза?

Р.: Я наверно научусь говорить мужу «нет». (*Осужденная, 55 лет, второй срок заключения, 2009 г.*)

Р.: Предложил один человек, нерусский тоже; говорит: помоги мне, тебя никто не знает, и тебе хорошо, ты мне – половину денег и половину я тебе сразу отсчитаю, вот и купишь сыну дом. Я вообще в Бога верую, очень даже. И вот не знаю, почему мне так тяжело, отчего это согласилась. Потом я передумала ему отдать, он говорит нет, я не возьму. 13 закупок мне сразу сделали, я даже не знаю кому продавать, нашла человека, продала ему, а у него, видать, наркоконтроль... и меня сразу накрыли. Я не успела ни сыну помочь, ни себе, и они у меня остались бедные. (*Осужденная, 49 лет, первый срок заключения, 2007 г.*)

Р.: Да, случайность. Просто такие люди были завистливые, не хотели, чтобы мешали им... просто подставили. (*Осужденная, 49 лет, первый срок заключения, 2009 г.*)

Такого рода «женщины-преступницы» нуждаются скорее в реабилитационной работе не как с бывшими преступницами, а как с женщинами, попавшими в трудную жизненную ситуацию. В качестве причин преступления большинство женщин указали на своих мужей, сожителей или просто знакомых – мужчин, которые втянули их в преступную деятельность (если речь идет о распространении наркотиков) или довели их до совершения убийства.

Неудачный брак у мужчин как катализатор преступности

Проблемы в отношениях между супругами часто способствуют девиационным и криминальным последствиям. Для некоторых респондентов-мужчин семья вообще была главным смыслообразующим фактором, без социального контроля которой человек не может удержаться от криминального поведения:

Р.: Она ревнивая была... я ревнивый. Ну и, короче говоря, я за ней наблюдал. Она меня выхватила (поймала на измене. – *Прим. авт.*). И решили разбежаться. Я уехал в Находку. Ни делиться, ни разводиться, ничего. Я ей и квартиру оставил. Ни скандала, ничего не было. По-мужски, короче, я сделал. И все, пошло, закрутилось. На первом году я там сел, в 72-м году ... И пошло, и пошло. В Уссурийске... в Сибирь попал. <...> И пошло, поехало все. (*Осужденный, 71 год, восьмой срок заключения, 2008 г.*)

Другая группа респондентов указала значимым фактором выбора преступной траектории поведения изменение отношений с женой во время отбывания первого срока наказания и после него. После первого освобождения осужденный оказывается разочарованным супружескими взаимоотношениями и отношениями с детьми, что, по мнению респондентов, и приводит повторно на путь преступления.

И.: А вообще у вас была семья?

Р.: У меня, да, была. Но почему-то жена ко мне четыре года ездила и потом перестала, ну, когда я сел.

И.: То есть в первый раз вы сели и с тех пор она перестала ездить?

Р.: Нет. Был у меня 10 лет срок. Она четыре года поездила. Не видела меня, и все как-то по-другому стало. И пошло, и пошло, и поехало. *(Осужденный, 65 лет, третий срок заключения, 2008 г.)*

Р.: Ну так вот получилось. Женился неудачно. И так вот жизнь... пошла наперекосяк. Начал выпивать, вот и все. Это и привело. *(Осужденный, 66 лет, седьмой срок, стаж заключения – 25 лет, 2008 г.)*

Таким образом, можно констатировать, что преступная деятельность пожилого осужденного-мужчины, имеющего несколько сроков заключения, может начаться в детстве как негативный опыт внутрисемейных социализационных процессов, а позднее распад супружеской семьи субъекта становится катализатором (но не причиной) продолжения преступного пути. В случае выбора криминальной траектории поведения в более позднем возрасте неудача в семейной супружеской жизни рассматривается пожилыми осужденными в качестве переломного события, повлиявшего на весь их жизненный путь.

Проблемы репутации пожилых осужденных-женщин

В отличие от осужденных мужчин, не стыдящихся своего статуса осужденного, женщины трудно переносят пребывание в исправительном учреждении. Они считают, что данное состояние вообще не приемлемо для женского пола. Кроме того, женщины пожилого и предпенсионного возраста переживают из-за предстоящего возвращения на свободу по причине возможных негативных отношений с коллегами по работе, родственниками и соседями. Женщины-осужденные серьезно опасаются за сохранность семейных связей, теплых отношений с детьми и влияние статуса осужденной матери на их учебу или карьеру.

Р.: Я не то чтобы боюсь. Я остерегаюсь и даже не за себя. А я весь срок переживала, что это как-то на детях скажется, на их карьере, на их учебе. За них больше переживала. Сейчас они самостоятельные, я вижу, что они устоялись в этой жизни и все равно продолжаю за них переживать, что вроде пятно, ярлык какой-то на них повесила. Я уже отжила почти. *(Осужденная, 50 лет, первый срок заключения, 2009 г.)*

Р.: Мне кажется для женщины самый потолок – 5 лет.

И.: А что потом будет, если 6–7, что будет?

Р.: Мы до такой степени отрываемся от семьи, потом, когда приходишь в семью, очень тяжело опять найти общий язык.

И.: С мужем или с детьми?

Р.: С детьми (плачет).

(Осужденная, 55 лет, второй срок заключения, 2009 г.)

И.: Вы не переживаете, как будут думать о вас соседи или еще кто-нибудь?

Р.: Да очень даже думаю. У меня вот это и сидит в голове. Вот к моим племянникам придираются, что ваша тетка сидит. Им за меня, я думаю, стыдно.

(Осужденная, 49 лет, первый срок заключения, 2009 г.)

Очевидно, что в рамках социальной адаптации как в «тюремный», так и в «посттюремный» период проблема репутации становится важнейшей именно для женщин-осужденных, так как ни один пожилой осужденный-мужчина не отметил существования у него схожей проблемы.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы и обобщения.

Гендерный анализ осужденных пожилого возраста выявляет ряд отличительных и схожих черт между ними, характеризующих процесс социальной адаптации. Так, одинаково положительно влияет на пожилых осужденных (мужчин и женщин) религиозность: с верующими легче работать в исправительных учреждениях; они более стабильны в поведении и менее конфликтны во взаимоотношениях с окружающими (при условии действительной религиозности). Кроме того, существует возможность использования религиозности пожилого осужденного в качестве дополнительного аргумента при представлении его на условно-досрочное освобождение, то есть в данном случае интересы сотрудников учреждения и пожилых заключенных совпадают. В целом же большинство пожилых осужденных (мужчин и женщин) и сотрудников ИУ не считают религию значимым ресоциализационным инструментом в деятельности исправительного учреждения по отношению к осужденным третьего возраста.

Отличительной гендерной особенностью осужденных-женщин пожилого возраста является ситуационный, «внезапный» мотив преступления. Причина, по которой женщина пожилого возраста оказывается на преступном пути, вызвана, как правило, многолетним эбьюзингом со стороны мужа или сожителя. В результате ее социальная адаптация требует реабилитационной работы как с женщиной, попавшей в трудную жизненную ситуацию.

Для пожилых осужденных-мужчин разрыв супружеских отношений становится катализатором криминального поведения. Пожилые женщины, осужденные за убийство, в качестве причин криминального поведения также указывают на семейные неурядицы. Мужья или сожители оказываются организаторами или потерпевшими в преступлении, склонив или спровоцировав женщину на криминальное поведение, которое зачастую завершается убийством самих мужчин.

Пожилые осужденные-мужчины, как правило, имели семью в прошлом, давно распавшуюся по причине преступной деятельности главы семьи и длительного срока отбывания наказания в местах лишения свободы. Такие осужденные относятся к многочисленному типу «неисправимых одиночек», чей образ жизни и далее будет характеризоваться как криминальный.

Основной проблемой на пути положительной социальной адаптации женщин пожилого и предпенсионного возраста (в отличие от мужчин) является чувство стыда за пребывание в исправительном учреждении, так как, по их мнению, это влечет за собой негативное отношение со стороны коллег по работе, соседей и родственников, а также сложности, связанные с сохранением семейных уз.

Таким образом, нашла подтверждение первоначально выдвинутая гипотеза

исследования о наличии существенной разницы между осужденными-мужчинами и осужденными-женщинами третьего возраста, что в результате оказывает влияние на процесс их исправления в рамках исправительного учреждения и последующей социальной адаптации.

Библиографический список

1. *Елютина М.Э., Мельникова Н.И., Смирнова Т.В.* [и др.]. Социогеронтологические проблемы в контексте современного развития // *Старость в современном российском обществе: интеробъективный и интросубъективный контексты* / под ред. М.Э. Елютиной. Саратов, 2010.
2. *Шанин Т.* Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // *Качественные методы в полевых социологических исследованиях*. М., 1999.
3. *Артамонов В.В., Багреева Е.Г., Байдаков Г.А., Бужак В.Е., Мокрецов А.И.* Деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях. М., 1995.
4. *Лысова А.В.* Физическое насилие над женами в российских семьях // *Социс*. 2008. № 9.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

Yu.G. Bychenko, V.Yu. Lopukhin
Human Factor of Economy
in Conditions
of Society Transition
to Innovative Development

The essence and content of economy human factor in conditions of society innovative development are revealed. Modern conceptions of economy human factor are analyzed. Structural components of this social phenomenon are clarified.

Key words and word-combinations:
human factor, structure of human factor, innovative changes.

Раскрываются сущность и содержание человеческого фактора экономики в условиях становления инновационного общества. Анализируются современные концепции человеческого фактора экономики, уточняются структурные компоненты данного социального феномена.

Ключевые слова и словосочетания: человеческий фактор, структура человеческого фактора, инновационные преобразования.

УДК 316.334.2
ББК 60.561.2

Ю.Г. Быченко, В.Ю. Лопухин

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОБЩЕСТВА НА ИННОВАЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ

Постиндустриальная стадия развития человеческой цивилизации подразумевает формирование инновационной экономики, а также индивидуализацию стратегий труда и потребления. Это, в свою очередь, актуализирует проблему теоретического осмысления многообразных форм участия человека в экономической и социальной жизни, гуманитарного измерения эффективности происходящих социально-экономических процессов.

Для современной экономики, основанной на знаниях, человеческий фактор представляет собой одновременно и средство, и цель инновационного развития. Сегодня качественные характеристики акторов труда, их способность не только с высокой частотой генерировать новые рациональные идеи, но и обеспечивать максимальный темп их социального и экономического внедрения становятся источником конкурентного преимущества.

Человеческий фактор инновационной экономики внешне проявляется как сложная совокупность задействованных в труде персональных потенциалов акторов. В процессе социального накопления потенциала работников «каждый индивид переходит в новое качественное состояние, становясь из человека разумного человеком инновационным» [1, с. 51].

В условиях инновационных преобразований общественных систем человеческий фактор является базовым ресурсом инновационного развития экономики и общества в целом. Поэтому необходимо разработать методологические основы комплексного исследования его в контексте всей системы трудовых отношений общества, решения двух теоретических задач, позволяющих представить расширенное понимание данного социального феномена. Во-первых, требуется проанализировать различные социологические исследования о структурных содержательных компонентах, сущности человеческого фактора экономики, основанной на знании как социальном феномене общества. Во-вторых, раскрыть расширенное содержание и структурные компоненты человеческого фактора экономики в условиях инновационной модернизации общества.

В социологических научных разработках находим теоретические истоки методологического обоснования содержания человеческого фактора экономики. Условно данные теории можно разделить на две группы: 1) социально-экономические концепции; 2) социально-культурологические парадигмы.

В рамках первой группы концепций представлены социально-экономические доктрины структурного содержания человеческого фактора как фактора производственной подсистемы общества. В рамках данного подхода Н.В. Коровяковская, С.Г. Радько, А.И. Афанасьева, И.В. Поляков рассматривают социально-экономическое содержание человеческого фактора через систему производственных отношений, подчеркивая, что понятие «человеческий фактор» выражает современное понимание места человека в экономике и заключается в восприятии его как активного социально-экономического субъекта общественного производства. Различные общественные системы создают свою форму человеческого фактора экономики: мануфактурное общественное хозяйство – индивидуальный человеческий фактор; индустриальное общество – ассоциированный групповой человеческий фактор экономики [2, с. 29].

При этом структуру человеческого фактора предлагается рассматривать в рамках человеческого потенциала работников отдельных производственных предприятий. Авторы акцентируют внимание на том, что структурно человеческий фактор характеризуется компонентами человеческого потенциала работников: физическими и духовными способностями к производительному труду.

С.Г. Радько и А.И. Афанасьева доказывают, что содержание человеческого фактора должно раскрываться через анализ структуры влияния человека на производственные отношения, возникающие по поводу трудового взаимодействия. Базируясь на данном принципе, авторы конкретизируют структуру человеческого фактора экономики: ими выделяются физические способности к трудовой деятельности, а также образовательные и профессиональные способности к производительному труду. Указанные исследователи ограничивают состав человеческого фактора только работниками производственной сферы общества и

обосновывают аналогию проявления структурного содержания человеческого фактора со структурным содержанием других факторов экономики [3, с. 14].

И.В. Поляков в связи с этим отмечает, что производственные отношения в целом отражают структурную систему человеческого фактора общественной экономики [4], поэтому структурные компоненты человеческого фактора, а также их эффективность должны рассматриваться в контексте внутренней (процесс труда) и внешней (образовательной, социальной, экономической, бытовой) социально-экономической среды. Им доказывается, что именно в рамках внутренней и внешней среды формируются и накапливаются способности человеческой личности к труду, ее знания, навыки, профессионализм. По сути, во внешней среде проявляется положительная динамика всех сфер жизнедеятельности человека, создаются дополнительные трудовые мотивации [4, с. 22–41].

В рамках анализируемого направления исследуются структурные проявления «человеческого фактора» в экономической и техногенной деятельности. Специалистами доказывается, что увеличение различных нарушений в системологической триаде «человек – машина – среда» по причине человеческого фактора происходит за счет выявления опосредованных человеческих ошибок в компонентах «машина» и «среда» и переноса их в компоненту причин «человеческий фактор». Ими выдвигается идея о необходимости создания интерактивного дублирования деятельности человека-оператора на ответственных участках обеспечения жизнедеятельности на базе информационных технологий [5].

Обобщая социально-экономические трактовки структуры человеческого фактора, исследователи обращают внимание на то, что низкий уровень развития человеческого фактора производственной системы общества, культурная ограниченность его структуры являются причиной неэффективного социального накопления его в условиях перехода общества на инновационный путь развития [6, с. 12–31]. Только в перспективе инновационных общественных преобразований наиболее значимыми компонентами человеческого фактора экономики должны стать образовательный статус личности, ее биолого-физиологические данные, а также иные социокультурные характеристики тружеников.

Таким образом, в рамках социально-экономического подхода структурное содержание человеческого фактора раскрывается в узком контексте двух подсистем человеческого потенциала работников: физической и духовной. При этом физический компонент представляется в форме физического человеческого потенциала работников, занятых в системе общественного производства, а духовный понимается как интеллектуально-образовательный потенциал тружеников системы общественного производства.

Необходимо выделить ряд недостатков данного подхода. Во-первых, количественный состав человеческого фактора ограничен работниками системы общественного производства, следовательно, непроизводительный труд выносится за сферу человеческого фактора экономики. Во-вторых, социокультурные характеристики труженика не рассматриваются как структурный компонент человеческого фактора, поэтому и культурно-мотивационная составляющая человека труда не представляется и не анализируется. И наконец, в-третьих, инноваци-

онные способности и возможности человека труда остаются вне содержательных компонентов человеческого фактора экономики.

Частично данные недостатки преодолены в социально-культурологических парадигмах человеческого фактора экономики. В данных концепциях выделяются в качестве важнейших содержательных компонентов человеческого фактора образование и социокультурные характеристики всего трудоспособного населения общества. В них представляется гипотеза о необходимости исследования количественных оценок человеческого фактора в рамках общего контекста демографических трансформаций общества [7].

Сторонники обозначенного подхода доказывают, что человеческий фактор экономики охватывает всю совокупность трудоспособного населения, в том числе и работников, занятых в социальной сфере, в домашних хозяйственных системах. При этом расширяется состав качественных компонентов человеческого фактора. К структурным компонентам человеческого фактора отнесены не только знания, умения и навыки акторов, но и их интеллектуальное развитие, культурные характеристики. Подчеркивается, что важнейший компонент характеристики человеческого фактора связан с культурным развитием личности. Ценности, нормы, моральные качества являются важнейшим внутренним качественным компонентом человеческого фактора работников [8, с. 27]. Культура не только определяет уровень человеческого потенциала личности, но и представляет собой культурный ресурс, реализуемый в процессе осуществления социальной деятельности, это узаконивает некий социальный статус личности. Социальный статус дает право на соответствующий доступ человека ко всякой социальной деятельности, в том числе и экономической, определяет доступ к власти [9].

Ю.Л. Качанов, Н.А. Шматко доказывают, что человеческий фактор радикально отличается от всех прочих факторов экономики своей культурной формой. Он проявляется, в частности, в виде неотрывной от актора культуры труда, управления, инновационной деятельности. По мере вкладывания инвестиций в развитие культуры инновационного труда культурные потребительские практики индивидов институционализируются, накопленные социокультурные ценности проявляются как фактор инновационного развития общества. При этом социокультурные ценности, накопленные различными группами акторов, становятся также фактором экономической власти их собственников над другими людьми [10].

Д. Тросби конкретизирует представленные позиции и предлагает интегрировать социально-экономический и социально-культурологический подход в исследовании структурных компонентов человеческого фактора экономики. Автор, с одной стороны, обосновывает необходимость расширять состав носителей человеческого фактора, включать в его состав все группы дееспособного населения, а с другой – выдвигает интегрированный подход к структуре человеческого фактора. Человеческий фактор им предлагается оценивать по расширенной группе показателей (уровень интеллекта, профессиональных знаний, умений, навыков, а также культурных ценностей). При этом ценностные приоритеты дееспособного населения представляются как обобщающая характеристика культурного человеческого фактора экономики [9; 11].

П. Бурдьё расширяет традиционный состав культурной составляющей человеческого фактора, акцентирует внимание на возможности дополнительного представления образовательной и профессиональной культуры, социальных норм, принципов, традиций поведения социальных акторов. Он доказывает, что именно образовательная система оптимизирует воспроизводство структурных компонентов культурного капитала как человеческого фактора экономики. Культурный капитал с определенной долей абстракции автор предлагает рассматривать как отдельный структурный компонент человеческого фактора развития экономики и общества в целом. По его мнению, высшие классы посредством внутриклассовой культурной близости могут сохранить отличительность и таким способом стремятся сохранять свою социально-экономическую культурную однородность [12].

Таким образом, в рамках социально-культурологического подхода человеческий фактор экономики – это состав дееспособного населения, владеющего следующими структурными компонентами культурного капитала: интеллектом, знанием, умением, навыками взаимодействия и социально значимыми социокультурными ценностями. Данные компоненты (знание, умение, навыки взаимодействия, ценностные приоритеты) одновременно являются структурными элементами человеческого фактора развития экономики и общества в целом. Доказывается, что одной из особенностей человеческого фактора экономики является его способность к конвертации в капитал политический. Политический же капитал легко конвертируется в экономический, а экономический – в культурный.

Недостатки данных концепций связаны с попыткой авторов оторвать базовые компоненты человеческого фактора социально-экономической системы общества и исследовать их отдельно от их носителя – человека, реализующего социальные действия. Является ошибкой и рассмотрение человеческого фактора в отрыве от демографических процессов, а также от физических способностей индивидов. Здоровье и физический человеческий потенциал исследователи не выделяют в качестве отдельной структурной формы человеческого фактора экономики. Невозможно согласиться с учеными в их стремлении абстрагироваться от социальных условий хозяйственной деятельности, рассмотрения возможностей социальной реализации человеческих способностей и возможностей акторов трудового взаимодействия.

Важно заметить, что социокультурные ценности при всем их значении не могут отождествляться буквально с понятием «человеческий фактор». Наличие культурного потенциала еще не реализует его в качестве человеческого фактора. Социокультурные ценности лишь усиливают потенциал воздействия человеческого фактора на социально-экономические процессы. Реализация культурного потенциала в форме человеческого фактора происходит только в процессе социального действия актора. Став субъектом труда, актер занимает профессиональную нишу, соответствующую своему культурному уровню. Это позволяет ему занять место в социальной страте, получить доступ к различным благам и привилегиям, недоступным представителям более низких страт.

Таким образом, теоретически рассмотрев концепции человеческого фактора экономики, можно констатировать, что данная категория в разные периоды общественного развития имеет различные формы проявления.

На стадии мануфактурного общественного хозяйства человеческий фактор проявляет себя как индивидуальный человеческий фактор – индивидуальная рабочая сила труженика (узкий комплекс индивидуальных профессиональных знаний, умений и навыков). Носителем человеческого фактора является индивидуальный работник.

На стадии начальной индустриализации человеческий фактор проявляет себя как ассоциированный групповой человеческий фактор – групповая интеграция коллективных социальных и профессиональных способностей тружеников. Носителем группового человеческого фактора хозяйственной системы уже является не индивидуальный работник, а совокупный работник хозяйственных организаций – как часть населения общества, занятая в данное время в данных условиях в системе той или иной организации и выполняющая трудовые функции. Групповой человеческий фактор включает в себя не только непосредственные способности работников к труду, но и не относящиеся к труду свойства и способности человеческой личности, которые иногда косвенно, а чаще прямо влияют на реализацию потенциала отдельных организаций.

В условиях современной стадии индустриализации, перехода общества на инновационный тип развития человеческий фактор проявляет себя как общественный человеческий фактор. Определяющих признаков, характеризующих данное понятие, несколько: 1) трудоспособная часть населения; 2) люди, обладающие широким спектром социального, образовательного, культурного, профессионального человеческого потенциала; 3) люди, реализующие экономические действия и влияющие на деятельность экономических систем; 4) люди, реализующие экономические действия для достижения собственных социально-экономических целей. Таким образом, получается, что человеческий фактор современной экономики – это трудоспособное население, организационные объединения людей, обладающие человеческим потенциалом в форме социальных, образовательных, профессиональных, социокультурных характеристик и способностей и реализующих трудовые действия в различных социально-экономических формах и проявлениях.

В текущих условиях человеческий фактор не может рассматриваться в узком контексте – только лишь как «совокупный работник», реализующий в труде свои узкие профессиональные знания, умения и навыки. Скорее, его следует понимать как интегрированный состав трудоспособного населения, реализующего соединенные организационные усилия, направленные на накопление экономического, социального, профессионального, социокультурного человеческого капитала. В таком случае, по нашему мнению, возможно говорить о человеческом факторе экономики как о факторе общественного развития.

В количественном контексте общественный человеческий фактор экономики представляет собой совокупный субъект экономического действия общества. Субъект экономического действия, в свою очередь, проявляет себя как социальные группы, общности, которые осуществляют целенаправленные хозяйственные действия, ориентированные на обеспечение или совершенствование условий жизнедеятельности людей, оказывающие прямое или косвенное, осознанное или неосознанное влияние на деятельность социально-экономических систем общества.

Различные субъекты экономического действия проявляют себя в роли человеческого фактора экономики по-разному. Данная реализация зависит от социально-экономического статуса людей, социального, социально-экономического, культурного потенциала, внешней и внутренней социокультурной организационной среды функционирования акторов.

Человеческий фактор – это определенным образом упорядоченная совокупность структурных элементов, важнейшими из которых являются:

социально-демографическая компонента – характеризуется рядом системных показателей: состав населения, состав трудоспособного населения, смертность, рождаемость, средняя продолжительность ожидаемой жизни мужчин и женщин; развитие института семьи, доля внебрачных, безнадзорных и лишенных родительского воспитания детей;

физическая компонента – характеризуется двумя системами показателей: физическое здоровье населения; психическое здоровье населения);

социально-экономическая компонента – характеризуется тремя системами показателей: уровень и структура занятости населения; востребованность трудовых и интеллектуальных способностей населения; качество жизни населения;

социокультурная компонента – характеризуется четырьмя системами показателей: качество базового образования в обществе; уровень профессионального образования; рост квалификации и профессионализма работников; уровень социальной культуры населения (нормативно-ценностное сознание индивидов, особенности принципов и убеждений, уровень морали и нравственности, типы мотивационных предпочтений, стиль поведения людей, степень культурной интеграции разных групп и слоев населения).

Углубление и взаимосвязи различных элементов человеческого фактора в контексте образовательной, инновационной и культурной деятельности индивидов и представляют собой процесс совершенствования данного социального явления. Многие социальные проблемы, ослабляющие человеческий фактор социально-экономической системы России, лежат в плоскости все усугубляющихся проблем, являющихся при пристальном рассмотрении следствиями причин, снижающих социальные мотивации экономического действия индивидов.

Библиографический список

1. Атоян В.Р., Лопухин В.Ю. Ориентир на инновации: к вопросу теории инновационного общества // Креативная экономика. 2010. № 10.
2. Быченко Ю.Г. Механизм инновационного развития человеческого потенциала в условиях модернизации социально-экономической системы России. Саратов, 2009.
3. Радько С.Г., Афанасьева А.И. Организация, нормирование и оплата труда на предприятии. СПб., 2003.
4. Поляков И.В. Адаптационные основы экономического поведения тружеников. Саратов, 2004.
5. Плотников Н.И. Нечеловеческий облик феномена «человеческого фактора» // Управление персоналом. 2006. № 19 (149). С. 56–61.
6. Быченко Ю.Г., Палади А.А. Формирование лидерского человеческого капитала производственных организаций России. Саратов, 2011.
7. Баландина Т.М. Инновационная организационная культура – фактор конкурентного преимущества предприятия // Социально-культурологические аспекты социологии управления: сб. науч. статей. Саратов, 2004. С. 17–32.

8. Баландина Т.М. Формирование организационной культуры инновационного типа. Саратов, 2004.
9. Trosby D. Cultural capital // Journal of Cultural Economics. 1999. № 23. P. 3–12.
10. Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Проблема реальности в социологии: как возможна социальная группа? // Социологические исследования. 1996. № 12.
11. Trosby D. Economics and Culture / Cambridge University Press. Cambridge, 2001.
12. Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М., 1993.

М.О. Думан
Innovative Development
of the Basic Capital
as an Anti-Crisis Resource

Basic instruments of state regulation of the innovation sphere are revealed. The complex problems of innovative development in a fragile economy are accentuated.

Key words and word-combinations: innovation, new economy, human capital, economic growth.

Показаны основные инструменты государственного регулирования сферы инноваций. Акцентирован комплекс проблем инновационного развития в условиях нестабильной экономики.

Ключевые слова и словосочетания: инновации, новая экономика, человеческий капитал, экономический рост.

УДК 330.142.211
ББК 65.011

М.О. Думан

ИННОВАЦИОННОЕ
РАЗВИТИЕ
ОСНОВНОГО КАПИТАЛА
КАК АНТИКРИЗИСНЫЙ
РЕСУРС

Развернувшийся в 2008 г. мировой экономический кризис ощутимо сказался на российской экономике, которая до сих пор не завершила системных трансформаций, инициированных в 1990-е годы. Все это актуализирует вопрос о роли инноваций в качестве одного из средств, способствующих выходу из кризисной ситуации [1, с. 30]. Некоторые российские экономисты предлагают актуальную формулу для национальной экономики – «неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция» [2, с. 3], в соответствии с которой неоиндустриализация общественного способа производства тождественна для России развитию, а развитие – неоиндустриализации.

В современных условиях достаточно модной темой, активно обсуждаемой специалистами, стал концепт «экономики инноваций», представляющей собой новый тип экономических отношений.

Экономику инноваций нельзя имплантировать в не подготовленное к этому общество. Она не поддается анализу, основанному на привычных экономических показателях. Для ее развития недостаточно просто увеличить объем вложений в науку и образование, хотя процесс формирования экономики инноваций можно ускорить.

Идеал экономики будущего заключается в замещении человека компьютеризированными машинами в материальном производстве и распределении продуктов, в организации расширенного воспроизводства экономии труда и свободного времени людей, то есть в конечном счете технологические трудовые операции человек возложит на автоматизированную систему машин, а за собой оставит компьютеризированный творческий труд по обеспечению функции целесообразности труда, изделий и производств. Совокупный работник превратится в умственного. Свободное время окажется преобладающим над рабочим временем. Высочайшая по своему уровню производительность труда сведет к минимуму общественно необходимые на изготовление полезных продуктов затраты. Соответственно, затраты и стоимость, а вместе с ними также прибавочная стоимость и прибыль перестанут быть мерилем богатства и критерием присвоения материальных благ. Экономика прибыли уступит историческое место экономике свободного времени человека. Общество начнет накапливать не стоимость, а совокупное свободное время как время творческого труда, расходуемое на превращение науки в непосредственную производительную силу.

Как показывает изучение зарубежного опыта, для перехода на принципы инновационного развития необходимы по крайней мере следующие исходные условия: технологический и интеллектуальный потенциал, достаточный для запуска инновационного процесса; постоянный рост числа участников инновационной «цепочки», в том числе в результате вовлечения в нее новых социальных групп; включающая как формальные, так и неформальные элементы институциональная система, ориентированная на инновационное развитие; востребованность инноваций большинством хозяйствующих субъектов и потребителей производимых продуктов и услуг.

Одним из основных факторов, препятствующих расширению инновационной деятельности в России, является общая макроэкономическая неустойчивость, снижающая инвестиционную привлекательность страны в целом и отдельных ее регионов. Хотя в период 2000–2008 гг. отмечались значительные темпы роста экономики, показатели достигались в основном за счет увеличения объемов продукции добывающих отраслей, в значительной степени подверженных влиянию изменения цен на энергоносители на международном рынке.

При анализе качественных особенностей экономики инноваций исследователи выделяют три принципиальных обстоятельства:

– инновации все в большей степени востребованы не отдельными предпринимателями, а национальными хозяйственными системами и мировой экономикой в целом – свидетельство того, что экономические отношения вступили в качественно новый этап своего развития, одним из проявлений которого служит формирование национальных инновационных систем (НИС);

– «провалы» рынка в инновационной сфере вынуждают государство принимать на себя ряд организационных, финансовых и институциональных функций по регулированию инновационного цикла, в котором присутствуют «нервные» фазы;

– требуется конкретизация меры участия в развитии экономики инноваций всех субъектов общественных отношений – физических лиц, бизнеса, публичных институтов, поскольку человеческий капитал как фактор производства приобрел новое качественное наполнение: сегодня он является не только источником прибавочного продукта, но и субъектом своеобразного «рентного» инновационного дохода; на национальном и международном уровнях обостряется борьба за присвоение указанной ренты, за права собственности на продукт человеческого капитала.

Для инновационного развития России огромную роль играет основной капитал, так как если не будет происходить неоиндустриализация производительных сил в перспективе их превращения в компьютерные и технотронные, то не будет и инновационного по своему характеру социально-экономического развития страны. Увеличение основного капитала невозможно без инвестиций, но инвестиции в образование, отдельные отрасли экономики мало что дают для увеличения общественного богатства, если осуществляются только с целью развития изолированных инновационных «цепочек». Они становятся перспективными, только если направлены на укрепление национальной инновационной системы.

Мировой практике известны четыре основных способа преодоления «провалов» рынка инноваций: прямое участие государства; государственный заказ научным центрам; предоставление безвозмездных субсидий (грантов) на проведение фундаментальных научных исследований; налоговые, имущественные и иные льготы предприятиям и организациям, осуществляющим научную и инновационную деятельность. В современной России накопленные знания, потенциал научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро не востребованы национальной экономикой – они остаются для нее лишь потенциальным богатством.

Структура обеспечения инновационного развития экономики в России действует неудовлетворительно. Страна занимает лидирующие позиции или имеет разработки мирового уровня только по одной трети из 34 важнейших мировых технологических направлений. При этом выявлен недостаточный уровень спроса на инновационную продукцию производственного назначения в российской экономике: до коммерческого использования доводятся только 16% технологий, лишь половина из которых – технологии мирового уровня (таблица) [3, с. 361].

В связи с этим следует осознавать, что задача государства состоит не в стимулировании отдельных инноваций, а в формировании организационных, экономических и правовых условий для создания основ отечественной национальной инновационной системы, причем такое регулирование следует осуществлять не только на отраслевом, но и на региональном уровне. Последнее обстоятельство принципиально для понимания специфики развития инновационного процесса, возможного в границах современного экономического и правового пространства Российской Федерации.

**Динамика передовых производственных технологий
в российской экономике [3]**

Созданные передовые технологии	Годы						
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Всего	727	821	676	637	735	780	854
В том числе:	606	582	569	538	642	653	738
новые в стране, ед.							
принципиально новые, ед.	70	56	52	60	52	75	54

Было бы недопустимым упрощением сводить проблему участия государства в экономике инноваций только к увеличению вложений в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки. Подобное понимание скорее соответствует трактовке значимости факторов экономического роста в традиционной экономике, основой развития которой, помимо прочего, было точечное инвестирование инноваций. Принципиальное отличие модели «экономики инноваций» состоит в том, что получение рентного дохода на инвестированный капитал выступает непосредственным условием и одной из главных целей экономического роста.

Любые инвестиции оправданы и востребованы, лишь когда они эффективны. В современных условиях они могут быть таковыми при условии, если обеспечивают реализацию интересов всех субъектов рынка инноваций в получении дохода (ренты) на инвестированный в знания капитал. Субъектами дохода (ренты) в экономике инноваций становятся не только юридические, но и физические лица. В России такой доход не получают ни те ни другие, поскольку экономический рост обеспечивается главным образом за счет дешевого сырья и низкооплачиваемой рабочей силой.

Преимуществом в этом отношении обладает малое предпринимательство. В традиционной экономике его жизнеспособность определяется возможностью быстрой модернизации, малыми масштабами производства, обслуживанием крупного бизнеса. В рамках нового типа экономических отношений эти качества сохраняются, но реализуются, как правило, лишь тогда, когда деловые способности руководства дополняются знаниями, адекватными уровню современных технологий. Выполнение данного условия позволяет не только снизить издержки на привлечение экспертов, но и встроиться в технологические и иные ниши национальных инновационных систем.

В период до начала рецессии российской экономики (до осени 2008 г.) отмечалось некоторое улучшение ситуации в сфере науки и технологий, связанное с ростом бюджетного финансирования исследований и разработок. Возросшая активность научно-технической деятельности в России сформировала условия для ускоренного развития важнейших технологических направлений и реализации на их основе ряда высокотехнологичных рыночных продуктов, конкурентоспособных на внутреннем и мировом рынках. Международный финансовый и экономический кризис привел к ухудшению динамики развития науки и инновационной деятельности.

Негативные тенденции в структуре обеспечения инновационного развития отечественной экономики проявляются при анализе показателей и индексов промышленного производства по различным видам деятельности. Наибольшее снижение промышленного производства за январь – октябрь 2009 г. по сравнению с январем – октябрём 2008 г. отмечено в обрабатывающей промышленности. При индексе производства 81,1% вклад этой сферы деятельности в общее сокращение производства составил 91,1%. Наибольшее падение индексов за 10 месяцев 2009 г. показали высокотехнологичные и среднетехнологичные виды деятельности: производство транспортных средств и оборудования (снижение на 41,1%), производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (снижение на 35,0%), производство машин и оборудования (снижение на 33,3%). При этом вклады этих видов в общее сокращение производства составили 20,0, 10,1 и 10,4% соответственно (в совокупности – более 40%) [4, с. 9]. Новую тенденцию закрепления и даже усиления сырьевой структуры российской экономики подтверждают показатели незначительного падения в сырьевых видах производств.

Таким образом, в среднесрочном периоде на формирование обеспечения инновационного развития национальной экономики оказывает влияние целая группа взаимосвязанных факторов: колебание цен на мировых рынках, динамика внешнего и внутреннего спроса на отечественную продукцию, колебание в уровнях потребления и сбережений, динамика внешних и внутренних инвестиций, объем и структура государственных расходов.

Экономическая рецессия также чрезвычайно повлияла на инновационное развитие российской экономики. Для ослабления ее негативных последствий необходимо активизировать государственную научно-техническую политику и стимулировать повышение инновационной активности частного сектора [5, с. 21].

Одним из главных условий вложения средств в инновационные проекты со стороны инвесторов является качество институциональной среды, в том числе функционирующей в области налогообложения. Помимо стабильности налогового законодательства значение имеет уровень налоговых изъятий. Высокая налоговая нагрузка сдерживает развитие инновационных процессов, ограничивая объемы финансовых средств, которые могут быть использованы в качестве капитальных вложений. Конечно, в первую очередь это касается собственных средств предприятий, но именно эти средства составляют подавляющую часть инвестиций в России. Дефицит долгосрочных ресурсов на рынке капитала и недоступность заемных средств из-за их высокой стоимости не позволяют большинству предприятий широко использовать эти источники.

В условиях глобального финансово-экономического кризиса, проявившегося в отечественной экономике со второй половины 2008 г., именно инвестиции в основной капитал, эффективное использование основных фондов, повышение производительности труда, рост экспорта высокотехнологичной продукции все в большей степени будут определять как темпы, так и устойчивость роста российской экономики. Ее отставание от технологического уровня развитых стран обусловлено не только значительным объемом устаревших основных производственных фондов – одной из важнейших причин сложившейся ситуации является недостаточный объем финансирования российского инновационного

сектора, в результате чего снижается качество исследований; происходит отток научных работников за рубеж, старение научных и научно-технических кадров; углубляется разрыв между начальной и конечной стадиями инновационного цикла. Не менее серьезной проблемой оказывается и незагруженность высоко-технологических производственных мощностей.

Отставание России от стран-лидеров научно-технологического развития, сложные ресурсно-экологические и социально-экономические проблемы, стоящие перед страной, требуют поиска и формирования адекватной нынешним условиям стратегии, которая сможет обеспечить создание новой, основанной на инновациях, эффективной модели развития отечественной экономики. Для ее создания необходимо коренным образом пересмотреть старые догмы о промышленности как преимущественном объекте государственного управления и инвестиций.

В развитых странах инновационная составляющая органически встроена в процесс расширенного воспроизводства – у нас она чужеродное тело. Значит, человеческий капитал как фактор экономического развития в России пока не сформировался, поскольку в этом качестве он не востребован экономикой.

Новые свойства элементов основного капитала изменяют место человека, его способностей и знаний в современном производстве. В результате этого появляются две противоположные тенденции: количественное уменьшение доли живого труда и увеличение качественной роли человека. Ценность человеческого капитала, интеллектуальной собственности каждого человека постоянно увеличивается для предприятия и экономики в целом, что наводит на мысль о справедливом включении А. Смитом знаний и способностей человека в основной капитал.

Не подвергая сомнению необходимость сбалансированного и устойчивого развития экономики, необходимо все же исходить из того факта, что современные гуманитарные знания, аналитические оценки и экономические расчеты определяют человеческий капитал как главную количественную и сущностную составляющую национального богатства любого государства. Без производительной функции этого капитала невозможны развитие и капитализация двух других, зависимых от него составляющих национального богатства – природного и материально-воспроизводимого капиталов. Таким образом, человеческий капитал является и главным фактором и главным ресурсом инновационного развития социально-экономической системы любого государства и его регионов.

К важнейшим факторам, определяющим формирование и качество человеческого капитала, а значит и темпы инновационного развития Российского государства, следует отнести востребованное на основе своего содержания и качества профессиональное образование; развитую науку и инновационную деятельность; высокую культуру; качество жизни, соответствующее установленным государственным стандартам; достойную заработную плату и пенсионное обеспечение; воспроизводство физического и психического здоровья населения; доступную и качественную медицинскую помощь; рациональные взаимоотношения с природой; трудовую, предпринимательскую и социальную активность населения; нравственное и эффективное государственное управление. В настоящее время эти составляющие далеки от уровня, позволяющего создавать необходимое качество и количество человеческого капитала России.

Подводя общий итог, следует подчеркнуть, что инновационное развитие основного капитала в качестве антикризисного ресурса в России может реализовываться при определенных условиях. Во-первых, необходимо активизировать неоиндустриализацию производительных сил с их превращением в компьютерные и технотронные. Во-вторых, следует усилить «инновационную составляющую» государственной научно-технической политики. В-третьих, имеется потребность в переориентации государственных инвестиций на совершенствование институтов развития человеческого капитала как важнейшего элемента системы прямых факторов инновационного развития отечественной экономики и вида основного капитала. Наконец, предстоит разработать и запустить в действие механизм внешнеэкономической поддержки и создания условий для формирования совместных с иностранными партнерами организаций, занимающихся инновациями с перспективой дальнейшей реализации продукта на внешнем рынке.

Библиографический список

1. Черковец В. Инновационное воспроизводство // Экономист. 2009. № 6.
2. Губанов С. К политике неоиндустриализации России // Экономист. 2009. № 9.
3. Россия в цифрах. М., 2009.
4. О текущей ситуации в экономике Российской Федерации в январе-октябре 2009 года. М., 2009.
5. Пугачев А.В. Формирование ресурсного обеспечения инновационного развития российской экономики // Экономист. 2009. № 8.

I.A. Filippova
Investments in Fixed Capital
as the Main Line
of Innovative Development
of the Ulyanovsk Region

The volume, dynamics and structure of investments in the fixed capital of the Ulyanovsk Region for 2003–2009 are considered. It is concluded that these investments contribute to innovation development of economy of the Ulyanovsk region.

Key words and word-combinations: fixed assets, investments, innovative way of economic development, economic growth.

Рассматриваются объемы, динамика и структура инвестиций в основной капитал Ульяновской области за 2003–2009 гг. Делается вывод, что именно эти инвестиции способствуют инновационному развитию экономики региона.

Ключевые слова и словосочетания: основной капитал, инвестиции, инновационный путь развития экономики, экономический рост.

УДК 330.322(470.42)
ББК 65.263(235.44)

И.А. Филиппова

ИНВЕСТИЦИИ
В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ
КАК ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ИННОВАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ
УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Для эффективного функционирования и инновационного развития экономики России и ее регионов необходима четко работающая система финансирования проектов и программ, то есть инвестиции.

В теории финансов под инвестициями понимают приобретение реальных и финан-

совых активов с целью получения будущих выгод. Иными словами, инвестиции представляют собой обмен сегодняшней стоимости на будущую стоимость [1, с. 356]. В макроэкономике инвестициями считается часть ВВП, не потребляющаяся в текущем периоде и обеспечивающая перспективный прирост капитала в экономике. Таким образом, инвестиции рассматриваются как долгосрочные вложения капитала в собственной стране или за рубежом в предприятия разных отраслей, предпринимательские и научно-исследовательские инновационные проекты, социально-экономические программы. В отличие от подобных трактовок, в микроэкономике инвестиции раскрываются как процесс создания нового капитала (средств производства и человеческого капитала) [2, с. 6].

В Федеральном законе «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» инвестиции – «это денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта» [3]. Очевидно, что закон расширяет понятие инвестиций, вводя в его содержание имущественные и иные права, имеющие денежную оценку (авторские права, лицензии, патенты, ноу-хау).

В целом, понятие «инвестиции» можно рассматривать по-разному. *Во-первых*, при определении сущности инвестиций необходимо исходить из того, что в их основе лежит отказ от потребления в пользу будущих благ. *Во-вторых*, суть данного понятия связана с такой категорией, как капитал, который, являясь стоимостной формой в широком смысле, определяет любой ресурс, созданный и используемый с целью производства большего количества благ. Капитал – это не только стоимость, приносящая прибавочную стоимость, но и материальное и финансовое условие экономического роста, основа развития общества, прогресса в целом. *В-третьих*, очевидным является факт признания человеческого капитала в качестве наивысшей ценности, что должно быть отражено в содержании искомого понятия. *В-четвертых*, следует уточнить, какие инвестиции сегодня нужны российской и региональной экономике. Несомненным является необходимость инвестиций инновационного характера, которые будут способствовать не только расширению и модернизации производственного аппарата, но и повышению конкурентоспособности экономики страны в целом и отдельных регионов, в том числе Ульяновской области.

Таким образом, инвестиции можно рассматривать и как процесс, отражающий движение стоимости в ходе воспроизводства основных фондов, и как экономическую категорию, а именно систему экономических отношений, связанных с движением стоимости, авансированной в основные фонды от момента мобилизации денежных средств до момента их возвращения. Кроме того, инвестиции можно определить как способ помещения капитала, который должен обеспечить сохранение и возрастание стоимости капитала и принести положительную величину дохода.

Основу экономики г. Ульяновска составляют предприятия машиностроения и металлообработки. Здесь также развиты электроэнергетика, розничная торгов-

ля и капитальное строительство, банковская сфера, сфера услуг, туризм, пищевая и легкая промышленность.

В валовом региональном продукте Ульяновской области инвестиции в основной капитал составляют сегодня одну треть. Отмечается внушительная динамика роста: в 2002 г. доля инвестиций в ВРП области равнялась 13,4%, в 2007 – уже 27,6%, в 2008 г. – 33,7%. По оценке регионального минэкономки, в 2009 г. доля инвестиций в ВРП выросла почти до 35% (в среднем по России этот показатель на уровне 21%) [4].

Настоящий бум привлечения инвестиций в регион пришелся на 2008 г., когда объем инвестиций в основной капитал в пересчете на душу населения составил 15,8 тыс. руб. Цифры 2010 г. пока не опубликованы, но прогнозные данные регионального минэкономки на 2010 г. – уже 19,0 тыс. руб. [4].

Инвестиции в основной капитал действительно занимают особое место в Ульяновской области. Их анализ по формам собственности рассматривается в табл. 1 [5].

Таблица 1

**Инвестиции в основной капитал по формам собственности
в Ульяновской области за 2003–2009 гг.
(в фактически действовавших ценах, млн руб.)**

Показатели	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Инвестиции в основной капитал	6917,0	11 473,9	14 710,7	21 881,6	34 970,3	48 507,3	48 729,7
В том числе по формам собственности:							
– государственная	1693,4	2720,1	4150,9	6629,9	9900,7	12 546,7	8483,6
в % к итогу	24,5	23,7	28,2	30,3	28,3	25,9	17,4
– муниципальная	434,3	457,6	568,9	1100,7	1838,8	1658,5	1177,0
в % к итогу	6,3	4,0	3,9	5,0	5,2	3,4	2,4
– общественных объединений	9,0	15,6	5,3	17,8	41,0	37,1	15,4
в % к итогу	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0
– частная	2793,6	5021,2	6934,7	10 478,5	19 087,0	24 908,4	28 826,6
в % к итогу	40,4	43,8	47,1	47,9	54,6	51,4	59,2
– смешанная российская	1726,4	2457,4	2539,7	2317,2	2617,4	4224,0	2973,9
в % к итогу	25,0	21,4	17,3	10,6	7,5	8,7	6,1
– потребительской кооперации	50,8	21,0	30,8	98,9	31,2	15,1	20,9
в % к итогу	0,7	0,2	0,2	0,4	0,1	0,0	0,1
– совместная российская и иностранная	201,9	775,0	480,4	504,3	1316,5	1131,5	605,7
в % к итогу	2,9	6,7	3,3	2,3	3,8	2,3	1,2
– иностранная	7,6	6,0	–	734,3	137,7	3986,0	6626,6
в % к итогу	0,1	0,1	–	3,4	0,4	8,2	13,6

Анализ табл. 1 показывает, что инвестиции в основной капитал за период с 2003 по 2009 г. постепенно увеличиваются, а именно с 6917 до 48 729,7 млн руб., что характеризует динамичное развитие инвестиционной сферы в Ульяновской области.

С учетом дифференциации инвестиций по формам собственности следует отметить, что инвестиции в предприятия и организации с государственной собственностью составляли в 2003 г. 1693,4 млн руб. (24,5%), а в 2009 г. – 8483,6 млн руб. (17,4%), что характеризует увеличение инвестиций в пять раз за шесть лет и уменьшение доли государственных инвестиций в общей структуре, так как за этот период резко возросли частные инвестиции – с 2793,6 в 2003 г. до 28 826,6 млн руб. в 2009 г., что в 10,3 раза больше, чем в 2003 г.

Объемы и динамика инвестиций в основной капитал по источникам финансирования в Ульяновской области за 2003–2009 гг. представлены в табл. 2 [5].

Таблица 2

**Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования
в Ульяновской области за 2003–2009 гг.*
(в фактически действовавших ценах, млн руб.)**

Показатели	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Инвестиции в основной капитал	5217,9	8928,6	10 469,9	15 305,5	23 621,7	32 296,9	28 785,4
В том числе:							
– собственные средства	3426,9	4513,8	5337,0	6205,1	7864,3	11 398,2	12 201,8
– привлеченные средства	1791,0	4414,8	5132,9	9100,4	15 757,4	20 898,7	16 583,6
Из них:							
кредиты банков	127,1	1758,1	900,2	695,5	1623,9	1974,1	1319,3
заемные средства	91,1	291,5	52,9	424,3	1817,2	2178,2	2669,9
бюджетные средства	835,0	950,1	1941,9	4183,8	7377,7	9519,8	8075,3
в том числе:							
из федерального бюджета	505,9	652,8	1541,3	3290,4	5316,8	7195,1	6672,5
из бюджета субъектов РФ и местных бюджетов	329,1	297,3	400,6	893,4	2060,9	2324,7	1402,8
Средства внебюджетных фондов	25,8	98,1	65,8	81,0	57,3	55,2	64,4
Прочие	712,0	1317,0	2172,1	3715,8	4881,3	7171,4	4454,7

* Без субъектов малого предпринимательства.

Рассматривая инвестиции в основной капитал непосредственно по источникам финансирования (табл. 2), следует отметить, что за период с 2003 по 2009 г. они соответственно увеличились с 5217,9 до 28 785,4 млн руб., (собственных – 3426,9 в 2003 г. и 12 201,8 в 2009 г. – и привлеченных – 1791,0 в 2003 и 16 583,6 в 2009 г.).

Как видно из анализа табл. 3, больше всего инвестиций вложено в 2003 г. в транспорт и связь – 1451,4 млн руб. Их объемы то увеличиваются (в 2004 г. – до 3751,2 млн руб.), то уменьшаются (в 2005 г. – до 3407,7 млн руб.) и стремительно растут в два раза в 2006 г. – до 6617,8 млн руб. и еще в 1,68 раза в 2008 г., достигая 11 145,3 млн руб., а затем в 2009 г. уменьшаются почти в полтора раза до 7418,7 млн руб.

Таблица 3

Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности*
(в фактически действовавших ценах, млн руб.) [5]

Показатели	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Инвестиции в основной капитал	5217,9	8928,6	10 469,9	15 305,5	23 621,7	32 296,9	28 785,4
В том числе:							
– сельское хозяйство, охота и лесное хоз-во	305,3	395,5	332,8	706,3	1676,5	1908,2	1406,5
– рыболовство, рыбовод.	0,4	0,1	0,1	0,1	0,0	–	–
– добыча полезных ископаемых	167,8	403,1	756,8	368,3	494,5	657,5	407,1
– обрабатывающие производства	1315,5	1968,0	1511,1	1800,1	3417,0	6997,2	9891,5
– производство и распределение электроэнергии, газа и воды	363,1	422,6	823,4	1241,6	2298,7	1950,5	1401,8
– строительство	70,3	78,4	295,8	309,9	258,0	482,7	78,1
– транспорт и связь	1451,4	3751,2	3407,7	6617,8	8775,4	11 145,3	7418,7
– образование	89,6	130,5	242,4	330,3	913,5	936,4	1288,0
Прочие							

* Без субъектов малого предпринимательства.

Развитая инфраструктура необходима в условиях инновационной экономики. Высокие затраты на создание адекватной современным потребностям транспортной инфраструктуры не противоречат новой экономике и в первую очередь должны обеспечивать существующие и постоянно растущие потребности современного общества.

Самыми высокими с 2003 по 2008 г. оказались инвестиции в транспорт – 1451,4 млн руб. и 11 145,3 млн руб. соответственно. В 2007–2008 гг. автопарк Ульяновских госпредприятий был обновлен на 30%, приобретен 131 автобус, в 2009 г. – 51 автобус [6]. Значительные инвестиции сделаны в обрабатывающую промышленность Ульяновской области. В 2003 г. объемы здесь составили 1315,5 млн руб., что на 135,9 млн руб. меньше, чем в транспорт и связь. Но темпы роста инвестиций в обрабатывающие производства постепенно вырастали и в 2009 г. достигли самых больших объемов – 9891,5 млн руб. Третье место по инвестициям в основной капитал по видам экономической деятельности в 2003 г. занимала аренда и предоставление услуг – 641,6 млн руб. Инвестиции в этот вид деятельности последовательно увеличивались и в 2009 г. достигли 3474,9 млн руб. По сравнению с объемами инвестиций в транспорт это в 2,13 раза меньше.

В отраслевой структуре инвестиций в основной капитал в Ульяновской области лишь с 2009 г. преобладающую долю стали занимать обрабатывающие производства (53%) – в 2008 г. их доля составляла 22%. Соответственно сократилась доля инвестиций в отрасль сельского хозяйства – с 6 до 1%, в транспорт и связь – с 35 до 22%. В структуре инвестиций в обрабатывающие производства преобладают инвестиции в производство пищевых продуктов

(79% по сравнению с 53% в 2008 г.), что связано со строительством предприятий международных компаний «Марс» и «САБМиллер» [6].

В 2008 г. индекс промышленного производства составил 107,6%, что выше этого показателя за 2007 г. (107,1%). Ряд предприятий демонстрируют устойчивые темпы роста. По темпам роста объема отгруженной продукции лидерами в группе предприятий «Обрабатывающие производства» в 2008 г. стали ОАО КТЦ «Металлоконструкция» – 849,9%, ОАО «Ульяновский механический завод № 2» – 339,7%, ОАО «Ульяновский патронный завод» – 216,5%, ЗАО «Авиастар-СП» – 145,3%, ООО «Номатекс» – 142,2%. По темпам роста средней заработной платы лидируют ОАО «Ульяновский механический завод № 2» – 229,5%, ОАО «КТЦ «Металлоконструкция» – 187,2%; ООО «Добрый стиль» – 175,5%; ОАО «Ульяновский механический завод» – 160,9% [6].

В целом предприятия Ульяновской области в 2008 г. демонстрировали устойчивые темпы роста. Поступления в бюджет Ульяновской области от промышленных предприятий по налогу на прибыль составили 500,86 млн руб., что превысило план в два раза.

Министерством промышленности, предпринимательства и трудовых ресурсов Ульяновской области разработана областная Программа модернизации производства и государственной поддержки технического перевооружения предприятий обрабатывающей промышленности Ульяновской области на 2008–2011 гг., которая позволит предприятиям вернуть часть денежных средств, вложенных в техническое перевооружение производства, через субсидирование процентной ставки по полученным банковским кредитам. Помимо этого, Правительство области уделяет большое внимание вопросам продвижения высококачественных товаров, производимых в регионе, на внутренний и международный рынки; оказывает помощь предприятиям в обеспечении их взаимодействия с торговыми организациями.

В связи с мировым экономическим кризисом наибольший удельный вес инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности был в 2008 г.; в 2009 г. темпы роста уменьшились, исключение составили лишь обрабатывающие производства (34,3%) и образование (4,5%), что в стоимостном выражении составляет соответственно 9891,5 и 1288,0 млн руб. По всем остальным видам экономической деятельности в Ульяновской области наблюдается в 2009 г. снижение объемов инвестиций (табл. 4).

Однако доля инвестиций в образование в инвестиционном портфеле Ульяновской области практически не изменилась. Очевидно, что стремительное развитие современной региональной инновационной экономики требует достаточных объемов высококвалифицированных кадров.

Представляется необходимым провести сравнительный анализ изменений объемов инвестиций в основной капитал по России, Приволжскому федеральному округу и Ульяновской области.

В 2003 г. в России, ПФО и Ульяновской области объемы инвестиций в основной капитал соответственно составляли 2 186 365, 350 622 и 6917 млн руб., а в 2009 г. возросли в России до 7 930 255 млн руб., в ПФО – до 1 255 672 млн руб., а в Ульяновской области – до 48 730 млн руб. (табл. 5) [7–9].

Таблица 4

**Удельный вес инвестиций в основной капитал
по видам экономической деятельности* (в процентах к итогу) [5]**

Показатели	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Инвестиции в основной капитал – всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:							
– сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	5,9	4,4	3,2	4,6	7,1	5,9	4,9
– рыболовство, рыбоводство	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	–	–
– добыча полезных ископаемых	3,2	4,5	7,2	2,4	2,1	2,0	1,4
– обрабатывающие производства	25,2	22,0	14,4	11,8	14,4	21,7	34,3
– производство и распределение электроэнергии, газа и воды	7,0	4,7	7,9	8,1	9,7	6,0	4,9
– строительство	1,3	0,9	2,8	2,0	1,1	1,5	0,3
– транспорт и связь	27,8	42,0	32,6	43,2	37,1	34,5	25,8
– образование	1,7	1,5	2,3	2,2	3,9	2,9	4,5
Прочие	27,9	20,0	29,6	25,7	24,6	27,4	23,9

* Без субъектов малого предпринимательства.

Таблица 5

**Инвестиции в основной капитал
по Российской Федерации и субъектам ПФО
(в фактически действовавших ценах, млн руб.)**

	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Российская Федерация	2 186 365	2 865 014	3 611 109	4 730 023	6 716 222	8 781 616	7 930 255
ПФО	350 622	464 094	609 499	783 640	1 148 397	1 455 070	1 255 672
Ульяновская область	6917	11 474	14 711	21 882	34 970	48 507	48 730
Республика Марий-Эл	4360	5886	7722	10 692	17 204	21 408	15 878
Республика Мордовия	8811	10 098	15 123	19 597	27 414	39 254	32 583
Республика Татарстан	70 302	93 558	139 361	160 606	214 558	273 098	267 990
Чувашская Республика	10 949	15 233	19 445	25 861	38 069	50 473	41 572
Самарская обл.	46 458	57 991	67 206	88 560	137 127	148 262	109 974
Саратовская обл.	20 733	24 337	40 435	46 993	56 710	83 221	62 118

Среди других субъектов ПФО наибольшие объемы инвестиций отмечаются в Республике Татарстан: в 2009 г. они составили 267 990 млн руб. – это практически четвертая часть инвестиций России. Меньше всего инвестиций в Республике Марий-Эл – 15 878 млн руб.

В последнее время немаловажную роль играют иностранные инвестиции. Динамика поступления их в Ульяновскую область в различных формах по видам деятельности и по странам представлена в табл. 6–8.

Таблица 6

**Динамика поступления иностранных инвестиций
(без учета денежно-кредитного регулирования,
коммерческих и сберегательных банков, включая рублевые поступления,
перечисленные в доллары США, тыс. долл. США) [4; 5]**

Инвестиции	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Всего	23 480,2	47 953,0	212,5	82 951,2	84 046,5	206 092,6	27 119,2
Из них:							
Прямые инвестиции	–	–	–	30 690,4	12 496,9	17 342,0	7682,2
В том числе:							
– взносы в уставной капитал	–	–	–	27 302,9	516,9	15 777,9	4385,2
– кредиты, полученные от зарубежных совладельцев предприятия	–	–	–	3387,5	11 980,0	–	1797,2
– прочие прямые инвестиции	–	–	–	–	–	1564,1	1499,8
Портфельные инвестиции	0,1	–	212,5	12 160,8	349,6	–	–
В том числе:							
– акции и паи	0,1	–	212,5	12 160,8	349,6	–	–
– прочие инвестиции	23 480,1	47 953,0	–	40 100,0	71 200,0	188 750,6	19 437,0
– прочие кредиты	23 480,1	47 953,0	–	40 100,0	71 200,0	188 750,6	19 437,0

Таблица 7

**Иностранные инвестиции, направленные в экономику области,
по видам экономической деятельности [4]**

	Январь – декабрь 2009 г.		Накоплено на конец 2009 г.	
	тыс. долл. США	в % к итогу	тыс. долл. США	в % к итогу
Всего	27 119,2	100,0	274 857,5	100,0
В том числе по организациям с основным видом эконом. деятельности:				
– добыча топливно-энерг. полезных ископаемых	3377,5	12,4	18 569,2	6,8
– обрабатывающие произв.	5573,9	20,6	40 781,7	14,8
– распредел. электроэнергетики и торг. электроэнергией	–	–	200,3	0,1
– строительство	7,6	0,0	1778,4	0,6
– оптовая и розничная торговля	647,7	2,4	31 348,6	11,4
– транспорт и связь	3523,5	13,0	144 155,7	52,5
Прочие	13 989	51,6	38 023,6	13,8

Накопление иностранных инвестиций в разрезе стран-инвесторов [5]

	Поступило в 2009 г.		Накоплено на конец 2009 г.	
	тыс. долл. США	в % к итогу	тыс. долл. США	в % к итогу
Всего	27 119,2	100,0	274 857,5	100,0
Соединенное Королевство	1338,2	4,9	130 134,0	47,4
Германия	2985,5	11,0	14 883,7	5,4
Дания	975,8	3,6	2201,0	0,8
Канада	524,0	1,9	26 736,6	9,7
Кипр	16 295,3	60,1	64 420,9	23,4
Нидерланды	3377,5	12,5	5121,3	1,9
США	1217,1	4,5	1417,2	0,5
Сейшельские острова	0,2	0,0	1169,0	0,4
Франция	–	–	11 498,0	4,2
Республика Чехия	–	–	16 691,2	6,1
Другие	405,6	1,5	584,6	0,2

Прямые иностранные инвестиции стали поступать согласно официальным данным лишь в 2006 г. Их объем составил 30 690,4 тыс. долл. США. Но затем объемы начинают падать и в 2009 г. составляют лишь 7682,2 тыс. долл. США. Портфельные иностранные инвестиции поступают в Ульяновскую область с 1999 г., но в очень маленьком объеме 0,1 тыс. долл. США. Наибольший объем портфельных инвестиций отмечается тоже в 2006 г. – 12 160,8 тыс. долл. США; в 2008 и 2009 гг. их вообще нет в Ульяновске (скорее всего, из-за кризиса), но, по прогнозам, уже в 2011 г. их объемы будут увеличиваться. Сейчас Ульяновский инвестиционный портфель состоит из 70 крупных инвестиционных проектов почти на 100 млрд руб., большая часть средств – это внешние инвестиции.

Крупнейшими компаниями с участием иностранного капитала в регионе являются грузовая авиакомпания ЗАО «Авиакомпания «Волга-Днепр», осуществляющая международные и внутренние перевозки сверхтяжелых грузов; ООО «СП-ВИСМОС» – уникальное в мировом масштабе предприятие по сооружению переходов под газо-, нефтепроводы через водные препятствия с привлечением современных технологий горизонтального бурения; ЗАО СП «Нафта-Ульяновск», осуществляющее на территории области нефтедобычу и нефтеразведку.

Прогноз ВРП, рассчитанный Минэкономки Ульяновской области на 2012 г. составляет 104,1%, что подразумевает рост инвестиций в 2011–2012 гг. до 100–110%.

В 2011 г. должны выйти на проектную мощность завод по производству пива компании «САБМиллер РУС» и заводы компании «Марс», в связи с чем на трехлетнюю перспективу следует ожидать значительного роста объемов производства в пищевой промышленности региона – как в абсолютном, так и в стоимостном выражении. В ноябре 2009 г. запущен завод по производству сухих строительных смесей ООО «Старатели – Новоспасское» компании «М-тес». В конце 2010 г. начали свою деятельность завод по производству

керамического кирпича ООО «Альянс», завод сухих строительных смесей торговой марки «CERESIT» – ООО «Хенкель Баутехник». В 2010 г. в активную фазу реализации вошли крупные инвестиционные проекты нескольких компаний по производству строительных материалов (ОАО «Ульяновскшифер», ООО «ТД «Кварц»), запуск производства которых придется уже на период оживления строительной отрасли. Таким образом, в среднесрочной перспективе следует ожидать роста объемов производства в отрасли производства строительных материалов благодаря не только отечественным, но и иностранным инвесторам.

Почти та же тенденция наблюдается и во вложениях иностранных инвестиций по видам экономической деятельности. На конец 2009 г. их накоплено 274 857,5 тыс. долл. США. Больше всего иностранных инвестиций поступило суммарно в транспорт и связь – 144 155,7 тыс. долл. США, в обрабатывающие производства – 40 781,7 тыс. долл. США.

По итогам 2009 г. на первом месте из стран, вкладывающих инвестиции в Ульяновскую экономику, стоит Кипр (16 295,3 тыс. долл. США) – это 60,1% всех иностранных инвестиций в Ульяновскую область. Однако по накопленным иностранным инвестициям лидирующие позиции занимает Соединенное Королевство (130 134 тыс. долл. США), что составляет 47,3% всех накопленных инвестиций Ульяновской области.

Таким образом, можно констатировать стабильное развитие экономики Ульяновской области. Индекс промышленного производства в 2011 г. ожидается на уровне 109% (в 2010 г. – 105,2%); индекс промышленного производства в обрабатывающих отраслях составит 111,5% (в 2010 г. – 110,9%). Хорошими темпами развиваются производство пищевых продуктов, строительство, текстильное и швейное производство, обработка древесины, издательская и полиграфическая деятельность, производство машин и оборудования. В сельском хозяйстве индекс сельскохозяйственного производства за январь – июнь 2011 г. ожидается на уровне 100%. Инвестиции в основной капитал составят этот же период 13 931 млн руб., или 107,8% к уровню прошлого года. Ожидается ввод 187 тыс. кв. м жилья – это составит 101,3% к уровню прошлого года.

Подводя итоги, следует отметить, что в настоящее время необходимо поддерживать устойчивые темпы прироста инвестиций в основной капитал, для того чтобы восстановить необходимый его запас в экономике Ульяновской области после мирового экономического кризиса. Кроме того, продуманное инвестирование способствует решению многих экономических задач как на макроэкономическом, так и на микро- и мезоуровнях. Все это в свою очередь создает необходимые благоприятные условия для дальнейшего реформирования экономики Ульяновской области и возможностей ее модернизации в современных инновационных условиях.

Библиографический список

1. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. 7-е изд., доп. М., 2007.
2. Филиппова И.А. Анализ инвестиционной политики на региональном уровне. Ульяновск, 2009.

3. Об инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федер. закон от 25 февр. 1999 г. № 39-ФЗ (в ред. от 23 июля 2010 г.) // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096; 2010. № 30. Ст. 4015.
4. Ульяновская область: стат. ежегодник. Ульяновск, 2010.
5. Социальное и экономическое положение городов и районов Ульяновской области за 2005–2009 годы: стат. ежегодник. Ульяновск, 2010.
6. URL: <http://ulsk.ru/content/view/1555/2>
7. Инвестиции в России. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2009.
8. Россия в цифрах. 2009: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2009.
9. Инвестиции в России. 2007: стат. сб. / Росстат. М., 2007.

**R.S. Chistov
The Culture of Monetary
Relations and Its Role
in the Formation of Responsible
Business in Modern Russia**

The problem of the national culture of responsible use of wealth is stated. The challenge to create this culture and to break negative stereotypes of behavior of Russian society connected with the application of capital is grounded.

Key words and word-combinations: monetary relations culture, social responsibility, economic thinking.

Поднята проблема национальной культуры ответственного использования богатства. Обоснована задача формирования такой культуры и разрушения негативных стереотипов поведения российского общества, связанных с применением капитала.

Ключевые слова и словосочетания: культура денежных отношений, социальная ответственность, экономическое мышление.

УДК 316.334.23(470+571)
ББК 60.561.22(2Рос)

Р.С. Чистов

**КУЛЬТУРА
ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ЕЕ РОЛЬ
В СТАНОВЛЕНИИ
ОТВЕТСТВЕННОГО БИЗНЕСА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

«Капитал» К. Маркса начинается словами: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров» [1, с. 3]. Основные труды Г. Зиммеля и А. Смита озаглавлены: «Философия денег» и «Исследование о природе и причинах богатства народов». Как видим, понятия «деньги» и «богатство» являются ключевыми для трех крупнейших теоретических трудов по экономике. И это не случайно, поскольку они раскрывают сущность одного из наиболее неоднозначных, но характерных устремлений человека – быть обеспеченным в материальном и финансовом отношении.

Считается, что богатство и деньги, являясь одной из главных характеристик, слагаемых успеха личности и общества, опреде-

ляют статус и возможности последних. В наиболее экономически развитых странах богатство и капитал стали символом не только триумфа, но и самого бытия. Люди, добившиеся успеха, гордятся этим и считаются национальными героями (например, Ли Якока, сумевший спасти фирму «Крайслер» от краха). Кроме того, сегодня, как никогда ранее, практическое подтверждение находит мысль, что деньги дают свободу. Однако апологетизация денежных отношений привела к освобождению участников хозяйственной деятельности от каких-либо условностей, вследствие чего развились новые формы их безответственности по отношению к обществу. Стремление субъектов к накоплению капитала остро ставит вопрос о его ответственном и эффективном использовании.

В США символическое значение капитала оказалось теснейшим образом связанным с системой существующих в американском обществе ценностей. Например, Б. Франклин считал приобретение капитала основой устремлений человека. Американские просветители Г. Торо и Р.У. Эмерсон наряду с символическим обосновывали и этическое значение капитала. Автор книги «Евангелие и богатство» предприниматель Эндрю Карнеги считал, что бизнесмены должны служить своим менее богатым согражданам путем благотворительной деятельности [2, с. 78]. В итоге, на уровне обыденного понимания, капитал как символ выразился в так называемой американской мечте о достижении богатства с помощью только своих сил, не надеясь на помощь государства. На российском пространстве подобного рода мысли не нашли поддержки ни у властей, ни у населения.

Отсутствие в России онтологически насыщенного символического значения капитала, особенно в советскую эпоху, было обусловлено государственноцентризмом, когда во главу угла ставились отношения с властью, а не практика и культура обращения с капиталом. Порождаемые государством запреты и социальное иждивенчество не способствовали развитию стремления общества к самостоятельной хозяйственной жизни, планированию денежных средств, формированию полноценных и ответственных денежных отношений. «В сознании населения, – пишет исследователь Е.С. Балобанова, – прочно укоренился образ государства как «дойной коровы», от которой всегда нелишне подкормиться» [3, с. 49].

В современной России, при снижении помощи государства, общество вынуждено искать новые способы приобретения благосостояния, ощущая на себе воздействие российского исторического и духовного опыта обращения с капиталом и колоссальное влияние западного экономизма. Взаимодействие этих тенденций определяет особый, одновременно зачинательный и безрассудный тип культуры денежных отношений в России, реализуемый прежде всего в бизнес-среде. Тем не менее постепенно создается национальная нравственная культура богатства, подразумевающая социальную ответственность и благотворительность – как в виде поддержки предпринимателями и хозяевами бизнесов собственных работников и развития корпоративной культуры, так и в виде помощи с их стороны нуждающимся, слабым, незащищенным.

Основные проблемы формирующейся национальной культуры обращения бизнеса и общества в целом с денежными средствами, которые предстоит решить, по нашему мнению, требуют научного осмысления.

Во-первых, российская культура денежных отношений связана с устойчивыми мифами «богатства-завоевания» и «денег-доблести». Они символизируют прибыль, обретенную не просто трудом и профессиональным мастерством, но благодаря особым харизматическим свойствам личности, связанным с талантом воспользоваться иррациональной удачей и отстоять свой успех в условиях жесткой конкуренции. Характерно, что в современной России бедные склонны интерпретировать приобретенное богатство как результат воплощения качеств личности, которые можно охарактеризовать в целом как смелость и агрессивность, в том числе способность пойти на нарушение закона. Богатые россияне приписывают свои достижения именно квалификации, деловой хватке, работоспособности и т.д. [4, с. 20–21]. Уже в этих фактах виден коммуникационный и социокультурный разрыв, выраженный в различающихся культурных установках, связанных с оценками процесса формирования богатства. В конечном счете это ведет к безответственности, индивидуализму, выстраиванию символических и реальных границ между богатыми и бедными, разрушению их совместных интересов и целей, информационной изолированности о жизни друг друга.

Во-вторых, в период рыночных преобразований в России одной из основных для всего общества стала проблема быстрого обогащения, «быстрых денег». Вопрос «как заработаны деньги» трансформировался, прежде всего для предпринимателя, в вопрос «за сколько времени можно заработать деньги». В результате в социальном плане оказались обесценены формы деятельности, которые требуют длительных усилий и денежная отдача от которых «отнесена» в будущее (например, образование, музыка, театральное искусство). Напротив, высокопривлекательными стали занятия, приносящие быструю прибыль. Как правило, раньше эти явления объяснялись российской нестабильностью финансовой и валютной систем и вызванной ею рискованностью большинства долгосрочных проектов. Сегодня экономическая ситуация становится более предсказуемой, чем десятилетием ранее. Однако негативная тенденция быстро, безответственно и бесперспективно тратить или вкладывать капитал в целом остается неизменной. Все это ведет к бессистемному развитию различных отраслей хозяйства, способствует разобщенности науки, бизнеса, государства.

В-третьих, за последние двадцать лет российской свободы активно распространяется западная практика перевода отношений, складывающихся между государством, частным сектором и обществом, из качественных форм в количественные. Еще на рубеже XIX–XX вв. Г. Зиммель поставил вопрос о том, что деньги, будучи средством коммуникации, постепенно распространяют присущий им универсальный количественный метод оценки на весь доступный космос, вызывая к жизни такую форму социального взаимодействия, как цинизм. Таким образом, деньги «переводят» на свой язык, сводят к единой грамматике все то, что реально должно бы обладать собственным,

самобытным языком. По нашему мнению, в России подобная практика не приведет к установлению высокой нравственной культуры денежных отношений.

Социолог Н. Захаров в своих исследованиях пришел к однозначному выводу, что для российского наемного рабочего стимулы «материальной» заинтересованности являются наименее эффективными [5, с. 49]. Материальная, денежная стимуляция действует кратковременно, пробуждает слабый импульс активности. Однако с того момента, когда наступает привыкание, принятая схема стимулирования перестает подталкивать индивида к достижениям и напряженному труду. Эффект может дать изменение схемы стимуляции, но он также будет недолговременным. Русский человек привыкает к изменяемым схемам и отнюдь не проявляет активности под действием материальной стимуляции.

Культура национального экономического мышления складывается в ходе развития не только собственно экономики, но и национального языка, культуры, психологии. Опора на нее включает механизм саморегуляции, который «не может быть заменен никакими рационально продуманными мерами, как бы тщательно ни были они подготовлены. Механизм саморегуляции выполняет функцию поддержания творческого хозяйственного начала, равновесия, согласия, гармонии в обществе» [6, с. 157]. Отсюда исходит важный вывод о пагубности полной опоры на чужую культуру экономического мышления, ориентированную на иные ценности, нормы и стандарты.

Современные исследователи, в частности научный руководитель ГУ–ВШЭ Е. Ясин, отмечают, с одной стороны, отсутствие кардинальных изменений в культуре экономического мышления россиян, то есть существенных сдвигов в рыночном направлении, а с другой – актуализацию нерыночных форм обмена в качестве реакции на хронический денежный дефицит [7, с. 7]. Это означает, что в целом культура российского экономического мышления продолжает сохранять традиционалистские черты, что особенно четко проявляется в провинции, где в нынешней ситуации население не только не осваивает активным образом рыночную культуру экономического мышления, а бросается прочь от рыночных отношений. Следует отметить, что модель подобного социального поведения не является достаточно конструктивной и оправданной, так как мировое сообщество так или иначе, но распространяет в России новые формы социально-экономического взаимодействия.

Отсутствие готовности к восприятию изменений в экономической жизни, автаркия, недостаточная активность при использовании средств системы кредитования, страхования, инвестирования в Российской Федерации может обойтись достаточно дорого как бизнесу, так и обществу в целом. Так, развитие массового потребительского кредитования в России столкнулось с проблемой неготовности населения: заемщики не читают внимательно текст договора и не вникают в суть условий, а затем оказываются не в состоянии эти условия выполнить и попадают в крайне затруднительные ситуации. Представляется, что здесь речь идет не просто о массовой юридической неграмотности, которая, подчеркнем, объясняется отсутствием культуры формального подхода к окру-

жающему, в первую очередь к собственным отношениям с социальными институтами и другими людьми. Подобные явления демонстрируют безответственное отношение общества к используемому капиталу.

В-четвертых, сегодня в России наряду с привычными деньгами, применяемыми в сфере реального хозяйства и рыночного обмена, развиваются новые формы денег, благодаря чему проблемы социальной ответственности и культуры богатства приобретают новые смыслы. Виртуальные деньги глобальной финансовой экономики обеспечивают невиданную ранее свободу инвесторов от реального хозяйства, от производства и рынков, а также от социальных связей и обязательств, которые всегда сопровождали развитие экономики.

Свобода обращения виртуальных финансов дает возможность глобальным инвесторам переводить их средства туда, где в данный момент сложились наиболее благоприятные условия роста, при этом, как утверждает З. Бауман, «не сталкиваясь с ограничениями достаточно реальными – прочными, твердыми, неподатливыми – чтобы их соблюдение было обязательным» [8, с. 22]. Благодаря использованию виртуальных денег уже сегодня колоссальные потоки капитала перемещаются, повинаясь не строгой рациональности рынка, не экономической целесообразности, а внеэкономическим принципам удачи, успеха и поражения. Мечта о заработанном капитале, оправданном с точки зрения христианства, все больше вытесняется мифом «капитала-выигрыша», доставшегося без каких-либо нравственных усилий. Не случайно сегодня один из наиболее привлекательных способов обогащения – биржевая игра на курсах ценных бумаг и валют.

На основании изложенного возникает закономерный вопрос, как сформировать нравственную культуру денежных отношений в целях стабилизации процесса становления социально ответственного бизнеса в России.

По нашему мнению, вначале необходимо с помощью различных социальных институтов – семьи, образования, власти – создать качественное информационное пространство, чтобы обеспечить плавное повышение российского уровня экономических знаний и экономической культуры граждан. Так или иначе, лидеры этих социальных институтов и групп способны передавать определенный информационный посыл обществу и заряжать его соответствующими установками. Особенно большую роль в формировании указанной информационной системы может сыграть власть, так как во все времена в России доверие к олицетворяющим ее государственным лидерам было довольно высоким. От их способности реагировать на изменения во внешней среде зависит способность общества в целом к соответствующей реакции.

Работа указанных социальных институтов в данном направлении должна помочь преодолеть воспитанную ориентацию россиян на стабильность и низкую адаптивность к переменам, информировать начинающего предпринимателя о том, как полноценно использовать ресурсы и экономические инструменты. Социальные лидеры должны донести до общества мысль, что не следует всегда и везде редуцировать капитал до уровня денег. Деньги должны быть не потребностью, а средством к достижению целей, стремление к цели нельзя подменять стремлением к деньгам и роскоши. Заработанные деньги, независимо от скоро-

сти и способа их получения, необходимо разумно и ответственно инвестировать в широкий круг хозяйственных сфер и развивать экономику, в том числе создавая новые рабочие места. В противном случае менее обеспеченные люди теряют социальную свободу, предприниматель – ответственность, а деньги – свою обеспеченность и полноценность.

Кроме социально-экономической информационной политики, для формирования культуры денежных отношений в России необходима и активная работа самого бизнеса. Безусловно, обеспечение стабильной и своевременной оплаты труда, включая нематериальное стимулирование в той или иной форме, должно быть нормой отношений между работодателем и работником. Уже сегодня крайне важно компенсировать создавшийся социокультурный разрыв, отчуждение бедных и богатых легитимацией богатства через демонстрацию его полезности, общности интересов богатых и всего общества.

В указанном контексте легитимацию богатства можно определить как совокупность символических и коммуникационных действий (в число которых входит и благотворительная деятельность), предпринимаемых в конкретный исторический момент в конкретном обществе и социокультурном состоянии с целью установления соответствия источников богатства и способов его использования ценностным образцам. Она достигается тогда, когда ценности богатых социальных групп не противоречат ценностям общества в целом и разделяются им.

На наш взгляд, богатство, чтобы реализовать себя как возможность и стать действительностью, должно доказать свою состоятельность как благо. Кроме того, оно должно при этом определить способ, посредством которого может стать благом, и доказать тем самым свою действительность.

Таким образом, предложенные меры призваны в той или иной степени обратить вспять стремление человека к погоне за богатством в форме денег как готовой модели смысла и содержания жизни. Высокая современная нравственная культура обращения общества с денежными средствами способна содействовать формированию социально ответственного бизнеса в России.

Библиографический список

1. *Вилков Н.О.* Философия богатства. Тюмень, 2000.
2. *Орлов В.И.* Философия бизнеса в обществах переходного типа: монография. Минск, 2004.
3. *Балобанова Е.С.* Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегия «негативной» адаптации // Социологические исследования. 1999. № 4.
4. *Горшков М.К., Тихонова Н.Е.* Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования. 2004. № 3.
5. *Захаров Н.Л.* Бизнес в России: специфика управления. М., 2006.
6. *Горичева Л.* К вопросу о целостности национального хозяйства (постановка проблемы) // Вопросы экономики. 1996. № 9.
7. *Ясин Е.* Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2003. № 4.
8. *Бауман З.* Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004.

A.P. Koryukin
Corporate Culture Management
in the Petroleum Industry
of Russia:
Scientific and Theoretical
Approaches and Practice Analysis

The problem of corporate culture management is analyzed. Theoretical and practical aspects of corporate culture in the petroleum industry are considered.

Key words and word-combinations: fuel and energy complex, corporate culture, management, social interaction.

Анализируется проблема управления корпоративной культурой. Рассматриваются теоретические и практические аспекты корпоративной культуры в нефтегазовой отрасли.

Ключевые слова и словосочетания: топливно-энергетический комплекс, корпоративная культура, управление, социальное взаимодействие.

УДК 65.011(470+571)

ББК 60.823.1(2Рос)

А.П. Корюкин

**УПРАВЛЕНИЕ
КОРПОРАТИВНОЙ
КУЛЬТУРОЙ
В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ
РОССИИ:
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПОДХОДЫ
И АНАЛИЗ ПРАКТИКИ**

В современных условиях социальной трансформации обращение к проблеме управления корпоративной культурой обусловлено ориентиром компаний на выбор предельной полезности в бинарных единствах «ресурсность – эффективность», «инклюзия – эксклюзия». Выбор правильного позиционирования компании обеспечивает идентификацию субъектов управления и фирмы, ее гибкую адаптацию к среде стейкхолдеров, рациональные ориентиры на рынке услуг в течение длительного времени.

Особенность авторского подхода к исследованию проблемы управления корпоративной культурой в нефтегазовой отрасли происходит из представления, что традиционные характеристики управления (устойчивость, контроль и планируемость) дополняются регулированием кодов культурных образцов социального взаимодействия. При таком подходе корпоративная культура рассматривается как среда, в которой выстраиваются производственные и социальные отношения, реализуются не только корпоративные, но и личные интересы членов коллектива.

Представленные интенции приводят к необходимости анализа специфики управления формированием корпоративной культуры. Социальными факторами ее определения

выступают повседневные представления о нормах национальной культуры, обусловленность субкультуры каждой организации обычаями и верованиями, контентом корпоративной культуры каждой компании. Кроме того, коды культурных образцов поведения в каждой организации формирует ее субкультурный этос. Все это создает плюрализм отношений, а спонтанность процессов затрудняет их изучение, особенно по сравнению с целенаправленным формированием корпоративной культуры в западном обществе, сохраняющем социетальную идентичность. Вместе с тем определяющим фактором формирования корпоративной культуры становятся рыночные механизмы, обуславливающие внедрение передовых организационных схем – например, аутсорсинга.

Внедрение аутсорсинга обеспечивает динамичные рыночные социальные связи и отношения как внутри компании, так и в среде стейкхолдеров на основе ликвидности неконкурентоспособного бизнеса, конкурсного распределения заказов, максимального роста капитала [1, с. 25]. Внедрение матрицы аутсорсинга влияет на формирование корпоративного, межличностного и коммуникативного образца взаимодействия.

При проведении собственного эмпирического исследования автор в частности опирается на положение о кодах социального взаимодействия, проанализированных в работах Н. Лумана и Т. Парсонса, трудах Э. Гидденса и Ю. Хабермаса, которые утверждают, что код социального взаимодействия и культуры оформляется параллельно с различными технологиями производства.

Анализ теорий управления М. Портера и Дж. Чаркхэма, а также исследование феномена корпоративной культуры российскими учеными Г.Н. Бутыриным, Н.М. Дремовой, С.В. Размановым [2; 3; 4, с. 178; 5; 6; 7, с. 19–26] позволяют получить представление о генезисе корпоративной культуры в российских и зарубежных условиях. Определенный материал для реализации выдвинутого автором методологического подхода к изучению управления корпоративной культурой дают результаты социологических исследований, представленные в коллективных трудах ИС РАН – М.К. Горшкова, З.Т. Голенковой, Е.Д. Игитханян, а также результаты исследований В.И. Гостениной, Н.А. Муратовой [8; 9, с. 33–50; 10, с. 64–71]. Принципиальное значение для раскрытия темы имеют работы А.И. Пригожина – о культурном национальном этосе; В.Л. Романова – о социальном становлении как процессе, длящемся во времени и пространстве; Ю.М. Плотинского – о теории жизненных циклов организации; С.А. Кравченко, Г. Хаккена, В.И. Аршинова – о проблемах управления с позиций социальной играизации и социосинергетики.

Результаты научных исследований корпоративной культуры, представленные в трудах зарубежных и отечественных классиков, позволили обосновать и сформулировать два социологических подхода к ее изучению – рационально-прагматический и феноменологический.

Исследование корпоративной культуры с рационально-прагматических позиций в структурном функционализме Т. Парсонса позволяет обратиться к анализу социальных ролей в структуре отношений «менеджер – персонал» и охарактеризовать их как «символически генерализованные медиа коммуникации» [11, с. 57]. В контексте социологии управления анализ понятий, пред-

ставленных Т. Парсонсом, определяется следующим образом: «символический» указывает на социальное измерение различий между «Я» и «Другим» (ego и alter), «генерализованный» – на предмет различий, выраженных через смысловое значение коммуникации.

Указанное положение Парсонса использовано для анализа процесса управления корпоративной культурой с позиций формирования социальной идентичности, причем действие личности – основа социальной динамики – рассматривается в структуре отношений с позиций «социальная личность – социальная группа». Такой исследовательский выбор закономерен, так как проблема корпоративной культуры определяет объектом исследования социальную личность, то есть конкретного индивида, принадлежащего к группе и находящегося в социальных отношениях с другими личностями.

Личности формируют целостность организационной структуры. Вместе с тем процесс коммуникации передает многообразие социальных связей путем прямых генераций, устанавливающихся как между индивидами, так и между первыми и социальными микрогруппами.

В работах Э. Шейна (E.N. Schein), Г. Трайса (H. Trice), Дж. Бейера (J.M.eyer), Э. Берна (E. Veum) [12, с. 45; 13, с. 9; 14, с. 59–63] управление корпоративной культурой трактуется как феноменологическая, логически мыслимая структура, в которой руководство компаний выступает селективными ее лицами. Другие сторонники феноменологического подхода – Т. Дилл (T. Dill), А. Кеннеди (A. Kennedy) – выражают корпоративную культуру логикой смыслов, ритуалов, мифов, позволяющих конструировать социальную, поведенческую ситуацию как внутри компании, так и во внешнем окружении [15; 16; 17, с. 5–16].

Проведенный анализ теоретических подходов к исследованию корпоративной культуры позволил сделать вывод о принципиально различном понимании корпоративной культуры в российской и западной науке [18, с. 125–156; 19, с. 49–52; 20, с. 80].

Так, западные подходы обуславливают исследование корпоративной культуры в рамках неовеберовской парадигмы, при которой положение компании определяется объемом экономического и культурного ресурсов, направленных на достижение монополии на рынке труда или влияния на государственную политику. Западные исследователи представляют группы и индивидуумов организации как корпоративных акторов, которым удалось сохранить значительную власть в структуре организации.

В работах российских авторов корпоративная культура исследуется в контексте индивидуальных ценностей и норм как положение властного субъекта внутри корпорации, во многом обеспеченное высоким социально-экономическим статусом компании. Такое положение позволяет сохранить административную автономию даже под давлением государственной бюрократии и организованного капитала. Корпоративность подразумевает здесь успешность группы и ее принадлежность к высшим ступеням социальной иерархии.

В отечественной науке доминирует социально-психологический подход, в то время как в западных странах – социологический и управленческий (социальное состояние менеджмента).

При осуществлении конкретного социологического исследования корпоративной культуры компании, предоставляющей топливно-энергетические услуги, использованы различные взаимодополняющие научно-теоретические подходы. В этом находится подтверждение практического значения предпринятого теоретического анализа. Теоретические интенции подкреплены результатами авторского исследования корпоративной культуры компании «Автогазсистема», проведенного методом сравнения представлений о корпоративной культуре менеджеров и персонала компании. Основная цель – анализ влияния статуса менеджеров и персонала как производной культурного капитала на формирование корпоративной культуры.

Анкетный опрос персонала компании «Автогазсистема» (№=100) и опрос респондентов (№=16) выражен параметрами, характеризующими настроение, симпатии и уровень доброжелательности членов компании, а также отношение к достижениям и неудачам своих коллег.

Менеджеры оценивают эмоциональное состояние коллектива как позитивное по параметрам: «У персонала проявляется чувство гордости за компанию» – 68,8% респондентов; «Коллектив активен, полон энергии» – 50% менеджеров.

Несколько меньшую степень позитивности отражает оценка персоналом параметров: «Между микрогруппировками компании существует понимание» – согласие с данным утверждением высказало 43,8% респондентов; «Членам компании нравится быть вместе, проводить свободное время» и «В компании справедливое отношение ко всем членам» – не согласились с позитивными оценками менеджеров по данным параметрам 18,8% респондентов из числа персонала.

Таким образом, можно сделать вывод, что положительная оценка микроклимата достаточно высока со стороны менеджмента. Проведенный анализ констатирует уверенность действий менеджмента, основанных на жесткой централизации управленческих функций. Нормы культуры ориентированы на указания, исходящие из центра от руководителей или лидеров. Управление ориентировано на финансовый результат.

Вероятнее всего, корпоративная культура компании может быть определена как культура паутины, или клубная культура. Подтверждением этому является оценка параметра «Персонал уважает мнение менеджеров». Утвердительно отвечает 75% менеджеров, в то время как около 50% персонала соглашаются с параметром со значительными оговорками либо не дают положительного ответа вовсе. Кроме того, 56,3% опрошенных менеджеров считают, что параметр «Коллектив быстро откликается, если нужно сделать полезное дело, указанное руководителями» выполняется безусловно и всегда, 25% не разделяют такую безусловную уверенность, и лишь 18,7% дают отрицательный ответ. Эти данные подтверждают жесткую централизацию власти в компании.

Индивидуальные беседы с менеджерами и персоналом позволили сделать вывод, что эмоционально-интенсивная сплоченность коллектива достигается за счет функционирования социального фильтра допуска в группу.

Прием на работу как менеджеров, так и персонала происходит на основе оценки их лояльного отношения к ценностям, сформированным в компании. Данная социальная практика известна как «практика социального закрытия».

Социальное закрытие в западной корпоративной культуре осуществляется за счет допуска к номенклатуре дел, повышению профессиональной квалификации. Действие профессионального фильтра происходит с помощью механизма этического кода группы: компания гарантирует защиту персонала в случае, если ее члены придерживаются принятого кода. Очевидно, что этический код группы предполагает самосознание персонала как социальной общности. Рядовые члены группы должны признавать определенных лидеров, руководство, а те, в свою очередь, – адекватно представлять их интересы в управленческой иерархии.

Результаты исследования позволили заключить, что эмоциональное состояние членов коллектива отражает формирующиеся статусные различия, обусловленные властными полномочиями.

Такая ситуация напоминает функциональный подход, при котором корпоративная культура отражает и реализуется в интересах определенных групп. В нашем случае эта заинтересованность востребована средним классом, представленным менеджерами. Именно они формируют корпоративную культуру. Менеджмент, реализуя функции управления, осуществляет контроль над корпоративной культурой, наблюдает за персоналом, устанавливая социальные фильтры, например соответствие корпоративных моделей требованиям корпоративных интересов.

Если учесть, что компания «Автогазсистема» действует на рынке топливно-энергетических услуг в течение шести лет, то ясно, что действие социальных фильтров по допуску к работе персонала находится на стадии формирования. Роль менеджеров в таких условиях возрастает. Формирование стратегии управления затруднено адаптацией к переменам в сфере топливно-энергетического рынка и представляет собой приспособление к внешним обстоятельствам. Большая оптимистичность менеджмента в оценке эмоционального состояния коллектива расценивается как формирование «достижительной» стратегии, в основе которой находится властный ресурс. Свобода в принятии решений ограничена распределением вознаграждений, контролем вхождения в компанию. Эти выводы сделаны по результатам интервьюирования персонала компании.

Библиографический список

1. Лавуценко В.П., Шарпов И.Р. Организация и развитие нефтяного сервиса России на современном этапе (на примере Волжско-Уральского региона) // Проблемы экономики и управления нефте-газовым комплексом. 2006. № 6.
2. Портер М. Международная конкуренция / пер. с англ. М., 1993.
3. Портер М.Е. Конкуренция / пер. с англ. М., 2000.
4. Чаркхэм Дж. Порядок и процедура деятельности совета директоров. М., 1998.
5. Бутырин Г.Н., Попова А.В., Шапиро Е.А. Корпоративное управление. М., 2007.
6. Дремова Н.М. Эффективность вертикальной интеграции в нефтяной промышленности (на примере ОАО НК «Лукойл»): автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.
7. Разманов С.В. Инкорпорирование предприятий нефтегазового сектора в республике Коми // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2006. № 5.
8. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000.
9. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Профессионалы на рынке труда // Россия реформирующаяся. М., 2004.

10. Гостенина В.И., Муратова Н.А. Особенности конфликтного поля современной России. Роль социального партнерства в разрешении конфликтов // Науч. труды Моск. пед. гос. ун-та. Гуманитарий. Сер.: История и общественные науки. М., 2003. Вып. V.
11. Гостенина В.И., Шилина С.А. Управление вербальным социолнгвистическим кодом субъекта власти в коммуникативном процессе. М., 2008.
12. Schein T.N. Organization Culture // American Psychologist. 1990. Vol. 45.
13. Trice H.M., Byer J.M. Studying organizational Cultures Through Rites and Rituals // Academy of Management Review. 1984. Vol. 9.
14. Берн Э. Лидер и группа: О структуре и динамике организаций и групп. Екатеринбург, 2001.
15. Dial T., Kennedy A. Corporate Cultures: The Rites and Rituals of Organizational Life. Reading Mass: Addison Wesley. 1982.
16. Morse J. Organizational Characteristics and Individual Motivation // Studies in Organizational Design (eds.) Lorsch J. and Lawrence P. Homewood. Irwin and Dorsey, 1970.
17. Pettigrew A.M. The character and significance of strategy process research // Strategic Management Journal. 13. 1992. Special Issue Winter.
18. Гимпельсон В.Е., Магун В.С. Найм и культура молодых чиновников: Идеи М. Вебера и российская социальная реальность // Россия реформирующаяся: ежегодник. М., 2004.
19. Каюмова Н.Т. Специфика выявления условий эффективной командной работы в организации // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы докторантов, аспирантов и соискателей за 2004 г. М., 2005.
20. Черныш М.Ф. Социальная ответственность бизнеса и ее влияние на социальную дифференциацию // Россия реформирующаяся: ежегодник. М., 2004.

**К.А. Spiridonova
Strategic Planning
in Managing the Development
of Housing Complex in the Region**

This necessity of using the strategic planning in managing the region housing complex development is grounded. The tools to enhance the effectiveness of the implementation of regional housing strategies are shown.

Key words and word-combinations: housing complex, strategic planning, public administration.

Обосновывается необходимость применения стратегического планирования в управлении развитием регионального жилищного комплекса. Показаны инструменты, позволяющие повысить эффективность реализации региональных жилищных стратегий.

Ключевые слова и словосочетания: жилищный комплекс, стратегическое планирование, государственное управление.

УДК 338.26:332.8
ББК 65.050.2

К.А. Спиридонова

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ
ПЛАНИРОВАНИЕ
В УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ
ЖИЛИЩНОГО КОМПЛЕКСА
РЕГИОНА**

Жилищный комплекс является одной из важнейших подсистем региональной экономики. Его значимость определяется местом и ролью жилища в системе общечеловеческих и социально-экономических ценностей: оно является необходимым условием жизнедеятельности и развития человека.

Региональный жилищный комплекс представляет собой сложную динамическую со-

циально-экономическую систему, обеспечивающую воспроизводство жилища и формирование качественной среды жизнедеятельности человека. Текущее состояние и развитие жилищного комплекса может быть как следствием инвестиционной привлекательности региона, так и основой для его формирования. В частности, региональный жилищный комплекс может стать ключевым фактором при принятии решений инвесторами о вложении финансовых средств в производство, расположенное в определенном административно-территориальном образовании.

Стратегическое управление текущим функционированием и перспективным развитием жилищного комплекса является неотъемлемым элементом регионального хозяйства. Оно ориентировано на достижение необходимого уровня инвестиционной привлекательности, экономического роста как в целом региона, так и его структурных составляющих, а также индивидуальных и корпоративных субъектов хозяйствования. Осуществление стратегического планирования – необходимое условие взаимной согласованности отдельных действий, совершаемых на разных уровнях управления, возможность избежать хаоса разделенных операций. Эффективная социально-экономическая политика должна быть направлена на достижение координации и сотрудничества между органами управления и субъектами экономической жизни.

Идеи стратегического менеджмента уже много лет используются крупными зарубежными корпорациями, а с 1980–1990-х годов начали активно внедряться в практическую деятельность региональных и городских властей. Стратегическое планирование обеспечивает целостность деятельности, дает возможность строить ее максимально целеустремленно и эффективно, но со своей стороны требует проработанных ответов на вопросы о смысле, ориентирах и обстоятельствах деятельности. Такого рода ответы невозможно дать один раз, к их формулированию необходимо возвращаться в связи с меняющимися обстоятельствами деятельности. В этом смысле стратегия – это высший инструмент управления, содержащий в себе большую долю составляющих, не поддающихся формализации и формирующих управление как «искусство» [1, с. 17].

Стратегическое управление, в отличие от текущего и перспективного, воздействует на жилищный комплекс посредством реализации мер экономического, социального, инновационного, инвестиционного, структурно-организационного, маркетингового и иного характера. Они осуществляются в рамках обобщающей (базовой) и функциональных стратегий с целью нейтрализации, нивелирования и локализации, а также устранения последствий воздействий в неопределенном времени факторов внешней и внутренней сред на социально-экономическое развитие структурной или территориальной составляющей народного хозяйства.

Стратегический менеджмент, определяющий последовательное достижение намеченных или необходимых ориентиров результативности развития жилищного комплекса в долгосрочной (стратегической) перспективе, формируется на основе определенной последовательности выполнения процедур и правил. Для использования его потенциала определяется стратегическое видение и заявляются соответствующие стратегические цели, формулируется предназначение

(миссия) жилищного комплекса, проводится анализ функционирования внешней и внутренней среды, осуществляется разработка обобщающей (базовой) и функциональных (частных) стратегий, производится их реализация и корректировка в процессе управления в составе системы управления развитием жилищного комплекса.

Анализ существующих стратегий и программ развития жилищного комплекса, с нашей точки зрения, свидетельствует о том, что в настоящее время стратегический подход к развитию жилищного комплекса практически не применяется. Имеющиеся во многих регионах и муниципальных образованиях программы реформирования и развития жилищного и коммунального хозяйства разработаны без применения стратегического метода, зачастую не имеют четко сформулированных целей, задач и набора количественных или качественных показателей, позволяющих отследить динамику преобразований и достижение конечных результатов.

Разработанные региональные стратегии чаще всего носят формальный характер, не имеют практической реализации. Мероприятия, намеченные в программах, расходятся с текущими планами, преимущества стратегического развития нивелируются. Сущность стратегических документов сводится к простому декларированию представлений о желаемом будущем состоянии жилищного и коммунального хозяйства и о системе мер и ресурсов, используемых региональными органами и органами местного самоуправления для приближения этого будущего. Большинство стратегических документов регионального и муниципального уровня не имеют увязки со стратегическими документами межрегионального (федеральных округов) и федерального уровня. В общей сложности разработанные документы зачастую не подкреплены источниками финансирования.

Этот недостаток характерен и для федерального уровня. Федеральные целевые программы нередко не согласованы между собой, а также с имеющимися региональными стратегиями, некоторые механизмы и мероприятия по решению прописанных в них задач дублируют друг друга. В итоге финансовые ресурсы распыляются, базовые цели не достигаются [2].

На наш взгляд, основными причинами низкой эффективности реализации региональных / муниципальных жилищных стратегий и программ на практике являются: отсутствие «сквозной» системы целеполагания «от стратегических целей развития жилищного комплекса региона / муниципалитета – до конкретной услуги конечному потребителю»; отсутствие единого управленческого процесса, охватывающего реализацию всех стратегических целей и четко разграничивающего зоны ответственности участников на каждом этапе; отсутствие полной интеграции между двумя основными процессами – стратегического планирования и формирования бюджета; наличие большого количества обязательных компонентов и инструментов, используемых при экономическом и финансовом планировании, с одной стороны, и полное отсутствие их формализации и порядка взаимосвязи – с другой.

Преодолению ряда указанных недостатков в государственном стратегическом управлении, по нашему мнению, может способствовать создание ком-

плексной системы государственного стратегического планирования развития жилищного комплекса страны. Для этого необходимо:

во-первых, принять федеральный закон «О государственном стратегическом планировании», в котором будут определены теоретические и методологические основы стратегического государственного и регионального планирования, разработаны законодательные механизмы взаимодействия при разработке и реализации документов социально-экономического и территориального планирования всех уровней – федерального, регионального и муниципального; в законе была четко отражена ответственность за выполнение стратегических документов;

во-вторых, самое серьезное внимание уделить разработке и утверждению Министерством регионального развития РФ методических рекомендаций и типовых макетов документов планирования развития жилищного комплекса, сочетающих разумную гибкость формы с обязательностью требований по функциональному содержанию, системе контрольных и прогнозных параметров, структуре сценариев; стратегии должны стать более реалистичными, менее шаблонными, необходимо прорабатывать больше сценариев; создаваемые методические рамки для стратегического планирования должны обеспечить надежные процедуры согласования интересов федерального центра, регионов и местного самоуправления в процессе выработки и реализации стратегий развития жилищной сферы всех уровней;

в-третьих, жилищному комплексу РФ необходима четко сформулированная стратегия развития, отражающая цели, принципы и механизмы сбалансированной государственной жилищной политики; стратегия должна содержать не только мероприятия, направленные на стимулирование спроса путем развития ипотечного кредитования, выполнения государственных обязательств по обеспечению жильем отдельных категорий граждан, но и предложения по формированию условий для создания жилищных некоммерческих объединений граждан, в том числе строительных кооперативов, развития легального рынка наемного коммерческого жилья, развития промышленной базы стройиндустрии и рынка строительных материалов, изделий и конструкций; механизм реализации Стратегии должен предполагать в наличии: систему рабочих групп, семинаров, советов, постоянно работающих над переосмыслением стратегии, ее пропагандой, контролем реализации стратегического плана; базу стратегической и точной информации, регулярно пополняемую и обновляемую за счет официальной статистики и периодических обследований, проводимых по единой методике.

Федеральная стратегия развития жилищного комплекса должна рассматриваться региональными и муниципальными властями как ориентир, набор средств к достижению которого должен быть найден на местном уровне. В рамках системы стратегического управления различные по направленности меры по достижению необходимой результативности развития жилищного комплекса должны осуществляться последовательно.

В целях повышения эффективности применения региональных и муниципальных жилищных стратегий и программ на практике предлагается автор-

ская технология реализации последовательных этапов в рамках элементных составляющих системы стратегического управления развитием жилищного комплекса. Региональные органы власти и органы местного самоуправления при реформировании жилищной сферы региона должны учитывать эту технологию (рисунок).

Схема реализации последовательных мер в рамках элементных составляющих стратегического управления развитием жилищного комплекса региона

Предложенная технология исключает дублирование предпринимаемых управленческих воздействий на социально-экономическое развитие жилищного комплекса и обеспечивает эффективное ресурсопотребление в условиях нестабильности внешней и внутренней среды. Так, начальный этап реализации мер в системе стратегического планирования должен представлять комплексный анализ состояния жилищного комплекса региона, по результатам которого определяются уровни текущей инвестиционной привлекательности, социальной активности, состояние окружающей среды. Если же один из параметров является неудовлетворительным с позиций текущего состояния внешней и внутренней среды экономического, медицинского, экологического характера, а также потребительских ожиданий конечных пользователей жилищных и коммунальных услуг, то должно приниматься решение о возможности использования имеющегося инвестиционного потенциала для модернизации и реконструкции объектов жилищного комплекса. Если указанные параметры не соответствуют имеющемуся нормативно-правовому обеспечению, то необходимо принятие решения о достижении устанавливаемого уровня развития жилищного комплекса в стратегическом периоде [3, с. 144].

После принятия решения о необходимости модернизации и реконструкции и в целом реформирования жилищного комплекса следует определить количественные, если они не определены текущим законодательством, параметры, которые могут быть достигнуты в ходе реформирования в стратегическом и перспективном периоде. Дальнейшие меры в рамках системы управления развитием жилищного комплекса региона должны осуществляться в форме программ, которые должны привести к достижению заданных стратегических и перспективных ориентиров социальной и экономической результативности развития жилищного комплекса региона.

В соответствии с разработанными вариантами программ реформирования и развития региональной структуры жилищного комплекса, на следующем этапе реализации мер в рамках стратегического управления необходимо уточнение возможности достижения заданных стратегических показателей экономической и социальной результативности развития регионального жилищного комплекса в соответствии с имеющимся инвестиционным потенциалом и объемами привлечения заемных средств для целей модернизации, обновления объектов и в целом реформирования жилищного комплекса региона. В связи с неоднородностью элементного состава регионального жилищного комплекса необходимо создание механизма взаимодействия жилищных и коммунальных предприятий региона, на которые направлен процесс реформирования, с целью обеспечения системности социально-экономического развития административно-территориального образования в целом и его жилищной сферы в частности [4, с. 221].

В развитии социально-экономических систем существует вероятность возникновения кризисных ситуаций как под воздействием внутренних факторов (отсутствие необходимого уровня квалификации персонала, недостаточность ресурсов), так и под влиянием внешних (мировая, общенациональная, отрас-

левая, экономико-политическая ситуация). В связи с этим реформирование жилищного комплекса в регионе способно привести как к положительным, так и к отрицательным результатам. Последние могут нарушить социальное равновесие и вызвать существенный спад инвестиционной активности в регионе, а вместе с тем и уменьшение денежных поступлений в бюджет. Поэтому представляется целесообразным принятие комплекса мер по повышению степени адаптации населения и работников предприятий жилищного комплекса к возможным негативным последствиям. Необходима также реализация комплекса мер социально-психологического, нормативно-правового, кадрового, организационного, технического, информационного, финансового характера, направленных на достижение поставленных стратегических ориентиров в экономической и социальной результативности развития жилищного комплекса региона.

На заключительном этапе осуществления комплексных мер в рамках элементов составляющих системы текущего, перспективного и стратегического управления жилищного комплекса региона проверяется готовность разработанных мероприятий к реализации и принимается решение об их практическом осуществлении (см. рисунок).

Указанная последовательность осуществления мер воздействия субъектом управления жилищным комплексом региона выступает частью взаимодействия элементов системы стратегического управления жилищным комплексом региона.

Таким образом, для эффективного государственного управления развитием жилищного комплекса региона необходимо создание целостной системы формирования, координации и мониторинга реализации стратегических документов, которыми определяются основные направления деятельности органов государственной власти в жилищной сфере. Эффективно решить проблемы жилищного и коммунального хозяйства можно только реализуя политику, объединяющую различные уровни власти, предполагающую региональное и межмуниципальное партнерство, учитывающую интересы частного бизнеса и населения.

Библиографический список

1. Стратегический менеджмент / под ред. А.Н. Петрова. СПб., 2005.
2. Анохина Е.М. Региональные риски в системе стратегического управления регионами России // Материалы IX Общероссийского форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России». URL: <http://www.2010.forumstrategov.ru/upload/documents/anokhina.pdf>
3. Основы бизнеса на рынке недвижимости: учебник для вузов / сост. С.Н. Максимов. СПб., 2003.
4. Егорова Н.Е. Моделирование деятельности реформируемых предприятий жилищно-коммунального комплекса // Аудит и финансовый анализ. 2006. № 1. С. 208–254.

**E.A. Krasnoschekova
The State and Challenges
in the Field of Occupational
Safety at Russian Enterprises**

The condition of occupational safety at Russian enterprises is assessed. Improving the efficiency of modern production is directly linked to improving occupational health and safety.

Key words and word-combinations: occupational safety, working conditions, occupational injuries, occupational diseases.

Дается оценка состоянию охраны труда на российских предприятиях. Повышение эффективности современного производства непосредственно связывается с совершенствованием охраны труда.

Ключевые слова и словосочетания: охрана труда, условия труда, производственный травматизм, профессиональные заболевания.

УДК 316.334.2

ББК 60.561.2

Е.А. Краснощёкова

**СОСТОЯНИЕ
И АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ
В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ТРУДА
НА РОССИЙСКИХ
ПРЕДПРИЯТИЯХ**

В условиях рыночных отношений в России все большее значение приобретает повышение экономической эффективности на основе роста производительности труда. Переход к экономическим методам ведения производства требует принципиально иных подходов к управлению. Уровень и темпы производительности труда в значительной мере определяются не только степенью освоения достижений научно-технической революции, но и правильной организацией и охраной труда. Изучение и решение проблем, связанных с обеспечением здоровых и безопасных условий, в которых осуществляется труд человека, становится одной из наиболее важных задач в разработке новых технологий и систем производства.

Охрана труда – это система сохранения жизни, здоровья и трудоспособности работников в процессе трудовой деятельности, включающая правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия [1, с. 59–64]. Несомненно, организация охраны труда на предприятии является одним из главных требований к современному производству, и в последние годы на российских предприятиях все больше внимания стали уделять этим вопросам. Изучение и выявление возможных причин несчастных случаев на производстве, профессиональных

заболеваний, аварий, пожаров; разработка мероприятий и требований, направленных на устранение этих причин, позволяют создать безопасные и благоприятные условия для труда человека [2, с. 3–8].

Современное состояние охраны труда в России трудно оценить как удовлетворительное. Специалисты связывают такое положение дел с общей тенденцией пренебрежения к вопросам охраны труда, возникшей в 1990-е годы в период перехода к новому типу экономики.

Суть предпринимательской мотивации в этот период практически сводилась лишь к желанию получить гарантированную прибыль – отсюда низкий уровень инвестиций в технику безопасности и производственную санитарию, недостаточное внимание к организационному обеспечению охраны труда, слабая законодательная и нормативно-правовая подготовка руководителей в области охраны труда. Подобная ситуация объясняется также и высокой степенью физической изношенности оборудования, низкой трудовой и технологической дисциплиной работников.

Важнейшими показателями, определяющими условия и состояние охраны труда в Российской Федерации, являются производственный травматизм и профессиональные заболевания. Их снижение будет означать приведение в норму ситуации в сфере охраны труда, что, несомненно, благотворно скажется на экономическом развитии страны в целом и регионов в отдельности.

В целях улучшения состояния охраны и условий труда необходимо усилить профилактическую направленность всей деятельности в области охраны труда. Следует ужесточить контроль за состоянием охраны труда на производстве, повысить требовательность к работодателям за выполнение законодательства в этой области, обеспечить дальнейшее совершенствование механизма экономической заинтересованности работодателя в создании безопасных условий труда. Необходимо привлечь к решению этой важнейшей проблемы видных ученых и специалистов в области экономики, финансов, налогообложения, а также высококвалифицированных представителей органов управления и практиков.

В этих целях надлежит расширить исследования по экономике охраны труда, приступить к реформированию системы компенсаций за работу во вредных и опасных условиях труда. На научной основе следует рассчитывать влияние экономической нагрузки на работодателя в зависимости от принятия им мер по приведению условий труда на рабочих местах в соответствие с нормативными требованиями или отказа от их применения. Требуется усилить роль профилактической составляющей в системе страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний при дифференциации страховых тарифов, установлении к ним скидок и надбавок, реализации мер по предупреждению производственного травматизма и профессиональных заболеваний. В системе профилактических мер важнейшее место должно отводиться аттестации рабочих мест по условиям труда, так как, по экспертным оценкам, в настоящее время аттестовано около 40% рабочих мест [3, с. 9–15]. Более активную позицию по этому вопросу следует занять и Федеральной инспекции по труду.

В рамках создания системы непрерывного образования в области охраны труда необходимо разработать и утвердить основополагающие учебники и учеб-

ные пособия, стандарты и программы для всех видов обучения. Образовательные стандарты должны содержать современные подходы к подготовке специалистов, так как от усилий последних зависит решение главной задачи – минимизации профессиональных рисков на рабочих местах с целью предупреждения травмирования и гибели людей на производстве. Необходимо ежегодное проведение на федеральном и региональном уровне выставок по охране труда, научно-практических конференций, тематических совещаний, что позволит привлечь широкий круг специалистов, ученых, представителей профсоюзов к обсуждению проблем и формированию решений по улучшению охраны труда.

Важную роль в совершенствовании охраны труда на предприятиях должно сыграть моральное и материальное стимулирование. Под моральным стимулированием понимается комплекс мероприятий, осуществление которых приносит работникам моральное удовлетворение; под материальным – совокупность мероприятий, обеспечивающих те или иные блага за повышение уровня состояния охраны труда.

Моральным стимулированием может, например, служить получение нагрудных значков. Система премирования или других поощрений, а также наказаний отражает только отдельные аспекты состояния техники безопасности и трудовой дисциплины. При такой системе нужно учитывать ситуацию с охраной труда на рабочем месте в комплексе, принимая во внимание не только положение с трудовой дисциплиной и техникой безопасности, но и другие стороны охраны труда, в том числе культуру производства.

Особое внимание на российских предприятиях должно уделяться эстетическому формированию производственной среды, так как разработка и внедрение приемов и средств эстетической организации производства способствуют повышению уровня культуры производства. Такой подход позволит наиболее рационально организовать труд, обеспечить комфортные и безопасные условия труда, добиться высокой производительности и требуемого качества труда. Одним из важнейших направлений борьбы с травматизмом является совершенствование организации рабочих мест на научной основе, которое должно предусмотреть рациональную планировку рабочего места и размещение предметов труда, позволяющие наряду с экономией движения добиться удобного и безопасного выполнения порученной работы. Эти проблемы решаются при помощи технической эстетики.

Внедрение технической эстетики на предприятиях – это необходимость сегодняшнего дня, начало создания духовной удовлетворенности процессом труда. В формировании эстетических требований к производственной среде не последнее место отведено эстетике производственной одежды. Неконтролируемый рост цен на средства индивидуальной защиты привел к тому, что предприятия прекращают их приобретение или покупают дешевую несертифицированную защитную продукцию. В результате возникают многочисленные кустарные производства, выпускающих спецодежду, не отвечающую требованиям норм и не обеспечивающую защиту от вредных и опасных факторов. В целях преодоления подобной ситуации на предприятии необходимо создать специальное подразделение, входящее в состав службы охраны труда. Специалисты этого под-

разделения будут отвечать за техническую эстетику, учитывая эксплуатационные, технологические, психофизические и эстетические требования.

Реализация указанных мероприятий по улучшению охраны труда, с одной стороны, будет способствовать сохранению здоровья трудящихся, совершенствованию их трудовых навыков; с другой – повышению работоспособности и производительности труда, снижению производственного травматизма и профессиональной заболеваемости.

Вопрос охраны труда является одним из важнейших на современном этапе развития общества. Нельзя примиряться с ситуацией, когда работодатели ставят для себя основной задачей быстро и с минимальным вложением средств извлечь наибольшую прибыль и, пользуясь дефицитом рабочих мест, мало уделяют внимания, а порой и вообще игнорируют требования безопасности труда [4, с. 27–31]. Осуществление мероприятий по снижению производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, а также улучшение условий труда приведут к профессиональной активности трудящихся, росту производительности труда и сокращению потерь при производстве.

Библиографический список

1. *Хвориков В.* Безопасность и охрана труда: рискованные ситуации // *Финансы и закон.* 2010. № 11.
2. *Фролов О.* Охрана труда в гражданском обществе // *Охрана труда и социальное страхование.* 2010. № 2.
3. *Чекалин А.А.* Преступность и производственный травматизм // *Охрана труда и социальное страхование.* 2009. № 9.
4. *Пашин Н.П.* Охрана труда в корпорациях и на малых предприятиях // *Охрана труда и социальное страхование.* 2008. № 11.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

O.Yu. Yesina
**The Paradoxical Situation
of "Death of the Subject"
in Modern Philosophy**

The modern philosophical understanding of the state and features of the cognizing subject is revealed. The problem of emasculation of the actual cognition process is stated.

Key words and word-combinations:
post subjective philosophy, cognizing subject, empirical subject, post-human personology.

Показано современное философское понимание состояния и особенностей познающего субъекта. Ставится проблема выхолощивания реального процесса познавательной деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: постсубъектная философия, познающий субъект, эмпирический субъект, постчеловеческая персонология.

УДК 1(100)(091)"18/20"
ББК 87.3(0)

О.Ю. Есина

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ «СМЕРТИ СУБЪЕКТА» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Философская панорама конца XX – начала XXI в. во многом характеризуется течениями, в наименовании которых содержится приставка «пост» – постпозитивизм, постструктурализм, постмодернизм. При многих различиях у них есть общее: они устраняют понятие «субъект» из философских рассуждений, поэтому все эти направления можно назвать «постсубъектными» [1, с. 93]. Сторонники такого постсубъектного направления рассматривали фундаментальные проблемы традиционной философии как псевдопроблемы. В их интерпретациях субъект лишается субстанциональных оснований; значение придается только знаковому полю, где перемещается информация. Фактически место субъекта занимает язык.

Сторонники постсубъектного направления минимизируют познавательные способности традиционного субъекта, сужают горизонты мысли и сводят к нулю «пределы сознания».

Например, в философии постмодернизма подчеркивается автономность научного знания от познающего субъекта.

В постмодернизме наблюдаются две противоречивые тенденции. С одной стороны, выделяется негативный опыт классической рациональности – преувеличение значимости трансцендентального субъекта в виде доминирующего универсума, «вызвавшее неправомерное гипостазирование субъекта, превращение его в единый самотождественный субстрат» [2, с. 190]. С другой стороны, в аргументах в пользу бессубъектности используются те же методы, какие предлагались модернистами в пользу объективистского изображения субъекта.

Вслед за отказом постмодернистов от познающего субъекта отбрасываются и его атрибуты – *cogito*, истина, фактичность, логика. На смену в качестве необходимого элемента «новой» рациональности приходят метафоричность, смысловая неопределенность, игра со значениями. Субъект утрачивает очертания персонологичности, самотождественности; он поглощается децентрированными структурами, теряется в знаковом поле.

Стремление к преодолению постулата «*cogito ergo sum*», неразрывно связанного с идеей конституирующего субъекта, объединяет всех мыслителей постсубъектной философии. По мнению постпозитивистов, в рациональном нет ничего, что могло бы быть сведено к субъективному опыту: наука предполагает только точные данные, в то время как эмпирический субъект основывается на чувствах. Показательной в этом отношении является работа К. Поппера «Логика и рост научного знания», где он делает акцент на том, что знание «не зависит от чьей-либо веры ... оно есть знание без познающего субъекта» [3, с. 442–443].

Критическое отношение к значимости субъекта отчетливо видно в работе М. Фуко «Слова и вещи: Археология гуманитарных наук» [4]. Анализ субъекта для философа – это всего лишь «рассмотрение условий, при которых возможно выполнение неким индивидом функции субъекта. Причем оказывается неопределенным, в каком же поле субъект является субъектом и субъектом чего: дискурса, желания, экономического процесса и тому подобное» [5, с. 36]. М. Фуко считает, что использование понятия субъекта – лишь дань классической традиции, говорить об абсолютном субъекте невозможно, необходима децентрация Я.

Схожие мысли сформулированы в работах Ж. Деррида. В его концепции прослеживается явный отказ от какого-либо центра, субъекта: «Сама потребность в центре, то есть в субъекте, носит мифопоэтический характер – характер исторической иллюзии» [6, с. 182]. Существование всякого Я, претендующего на первичность и единство, абсолютно невменяемо, поскольку зависит от Другого, в свою очередь обладающего виртуальной реальностью, а не собственным бытием. Философия XX века, в особенности постмодернизма, есть философия, созданная от имени Другого. За автора говорит некое Оно. «Человек сам возник из Нечеловеческого, и вот Нечеловеческое непостижимым образом возникает из него. Модернизм и постмодернизм усиливают это чувство Нечеловеческого, которое исходит из самого человека, но ему не принадлежит» [7, с. 263].

По мнению В.Н. Поруса, представители постсубъектной философии, занимаясь поисками «новой субъективности», пытаются из обломков «субъектной» философии построить что-либо, не ускользающее от определений [2, с. 191]. Самоустранение познающего субъекта от решения глобальных проблем «следует рассматривать лишь как изменение его отношения к миру “на словах”» [8, с. 193]. Пребывая за скобками, философский субъект не в состоянии повлиять на происходящее в мире. Отстраняясь от процесса познания и сосредоточиваясь лишь на себе, он вредит своей репутации исследователя.

Сознательное «отстранение» субъекта от познания, стремление к анонимности этого процесса лишь подчеркивает тягу сторонников бессубъектной философии к массовому сознанию. Они не желают признать за индивидом тот факт, что он по-прежнему в состоянии самостоятельно решать «вечные проблемы».

На повороте от индивидуальных характеристик субъекта к коллективному его измерению сказалось стремление к преодолению тоталитаризма. Понятие коллективного субъекта стирает границы между трансцендентальным и эмпирическим субъектом познания – таким образом, классические эпистемологические категории получают новую интерпретацию. Подобной точки зрения придерживаются представители немецкой трансцендентальной философии – в частности, К.-О. Апеля и Ю. Хабермас отдают предпочтение не единичному субъекту, а коллективному сообществу.

Основой критической теории К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса является рассмотрение в качестве познающего и действующего субъекта не обособленного индивида (как, к примеру, в философии И. Канта, Р. Декарта, И.Г. Фихте), а общественного человека. Истинное познание возможно не через трансцендентальный субъект, а через коммуникативное сообщество. Трансцендентальная философия должна исходить априори из реального коммуникативного сообщества, учитывая, конечно, единогласие в нем.

Философская концепция К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса о коллективном сообществе лишает субъекта лица. Поскольку приоритет отдается интерессубъективной среде, происходит обезличивание среды индивидуальной; групповые ценности оказываются на первом месте, личностные – в стороне. Так, в работе «Философский дискурс о модерне» Ю. Хабермас пишет, что в современном постметафизическом мире коммуникативный разум должен заменить инструментальный. Противопоставление трансцендентального субъекта эмпирическому сегодня не является актуальной проблемой. Сознание индивида должно освободиться от процесса самопознания. Общение направлено на преодоление индивидом роли наблюдателя; субъект не должен противопоставлять себя миру или его сущностным моментам [9, с. 402]. Таким образом, идея Канта о трансцендентальном субъекте по сути дела трансформировалась в современную трактовку интерессубъективной философии К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса.

Своеобразным продолжением трансформированных идей постмодернизма в русле трансцендентальной философии стала философская концепция Г.Л. Тульчинского. Точкой соприкосновения этих идей выступает личность как субъект свободы. Современный человек, по мнению Г.Л. Тульчинского, оказался перегруженным наследием прошедших столетий. Тело стало подобием костюма,

поскольку его легко перелицевать. «Речь идет о посттелесности Я. Человек, личность перестает быть бесперым двуногим и т.д., чем-то натуральным по преимуществу. На первый план выходит метафизическое начало. А тело предстает не как вместилище человеческой сущности, а как канал, посредник между двумя планами человеческого бытия, двумя планами человеческой свободы: трансцендентальным и реальным» [10, с. 528–555]. В такой ситуации необходимо самоосмысление Я, поиск новых путей – возможностей нахождения новых уникальных смыслов. С точки зрения Г.Л. Тульчинского, необходимо не только активно осваивать трансцендентальный и метафизический опыт, но и включать его в культуру.

Такие действия позволят по-новому поставить вопрос о человеке, а с нынешней позиции – о постчеловеке [7]. Для современной ситуации в философии необходимо, по мнению Г.Л. Тульчинского, перейти к постперсоналогической метафизике свободы. Свобода становится связующим звеном между вневременным трансцендентальным субъектом и эмпирической реальностью. Единственным носителем свободы является личность, способная к трансцендированию в Иное. Проявление такой способности связано с интеллектуальной и духовной сторонами личности. Персоналогический поворот назрел, и необходимо ставить вопрос о постчеловеческой персоналогии.

По мнению М.Н. Эпштейна, в истории грядет смена парадигмы постмодерна протеизмом. Культура протеизма, находясь на первоначальной стадии развития, уже является перенасыщенной опытом прошедших столетий. Человек рубежа XX–XXI вв. «вынужден за свою жизнь воспринять в десятки тысяч раз больше информации, чем его предок всего лишь 300–400 лет назад» [11]. Опыт человека оказывается поверхностным, беспомощным перед таким объемом информации. Вот почему можно только предвидеть время, когда отдельные индивиды будут соответствовать уровню развития информационной цивилизации.

Наряду с бессубъектными направлениями философии, исключающими субъект из процесса познания, следует отметить концепции, выделяющие значимость эмпирического субъекта. Идея М.М. Бахтина, основанная на доверии целостному субъекту – познающему человеку, несомненно значима для современной философии. Владея не только историко-художественным, но и философским материалом, выдающийся философ выдвигает проблему познающего субъекта на первый план.

В своей первой работе «Философия поступка» М.М. Бахтин констатирует положение о теоретически-безучастном сознании в классической рациональности. По его мнению, теоретическое сознание знает только общее содержание всякой личности, оно не может породить *не случайно* единственного конкретного поступка, а лишь оценку поступка *post factum* как экземпляра поступка [12]. Таким образом, классическая традиция оценивается ученым критически как стремившаяся исключить познающего человека из мыслительного процесса. Современная философская система, по мнению отечественного мыслителя, должна строиться не в отвлечении от человека, как это принято в теоретизированном мире классической рациональности, а на основе доверия человеку как целост-

ному субъекту познания. Благодаря умению не игнорировать то, что именуется рациональностью, М.М. Бахтин смог в рациональных формах учесть опыт реального эмпирического субъекта.

Следует отметить, что, рассматривая концепцию познающего субъекта, вместо традиционной классической терминологии философ использует несколько иные понятия: «субъект» заменяется понятиями «живая единственная историчность», «участное сознание», «ответственно поступающий мыслью». Поскольку «ответственный поступок» задает себе свою правду, «истина» заменяется «правдой».

Однако использование одних понятий взамен других несколько не меняет суть проблемы доверия целостному субъекту познания. «Ответственно поступающий мыслью» становится «условием возможности» познания, и в этом суть антропологической традиции в понимании познания, субъекта, истины, собственное видение которой предлагает М.М. Бахтин [13, с. 83].

Современная тенденция постсубъектной философии элиминировать субъекта из процесса познания, придать знанию виртуальный характер синонимична понятию постчеловеческой реальности. Постчеловечность означает бессубъектность, стремление освободить познавательный процесс от человека – субъекта познания, свергнуть с пьедестала *Homo vitae sapiens* и вывести на подиум познания Другого, живущего в среде информационных технологий, в виртуальной реальности. Пропаганда идей бессубъектной философии стремилась именно к такому результату.

Заменить субъект языком означает возвеличить вербальную функцию над реальным субъектом. В такой ситуации постчеловеческая среда и характерная ей рациональность переводят человека в состояние постчеловека. Вопрос существования эмпирического субъекта не только не ставится – о нем в такой киберреальности и речи быть не может. При таких обстоятельствах человек перекладывает обязанности с себя на другого, снимая ответственность за происходящее, поэтому ему проще быть постчеловеком или не-человеком, гомоутером, обезличенным своими же руками.

В XXI в. под влиянием разных подходов к субъекту познания в философии складывается парадоксальная ситуация, состоящая в неоднозначном отношении к познающему субъекту. Постсубъектным направлениям выгодна «смерть субъекта», поскольку его гарантированная элиминация позволит рассматривать знание в строго научной форме; идеи М.М. Бахтина, наоборот, подчеркивают значимость целостного субъекта – человека – для познавательного процесса.

Для преодоления парадоксальной ситуации потребуется время, чтобы окончательно сформировалась позиция по определению пути развития современной философии. По нашему мнению, в этих целях необходимо обратиться к целостному субъекту познания, в противном случае может произойти выхолащивание реального процесса познавательной деятельности [13, с. 12]. Предпосылкой для становления целостного человека как субъекта познания должно служить не только сокращение уровня абстракции, но и сохранение культурно-исторических, социальных и экзистенциальных свойств целостного человека.

Библиографический список

1. Порус В.Н. «Конец субъекта» или пострелигиозная культура? // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб., 1999.
2. Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002.
3. Понтер К. Логика и рост научного знания: избр. работы. М., 1983.
4. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М., 1977.
5. Мокин Б.И. Философский постмодернизм. Саратов, 2006.
6. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1995. № 5.
7. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. СПб., 2003.
8. Савельева М.Ю. Статус субъекта историко-философского исследования в эпоху постмодерна // Философский век: альманах 24. Ч. I. История философии как философия. СПб., 2003.
9. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
10. Тульчинский Г.Л. Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы // Я. (А. Слинин) и МЫ: к 70-летию проф. Ярослава Анатольевича Слинина. СПб., 2002. (Сер.: Мыслители. Вып. X).
11. Эпштейн М.Н. Информационный взрыв и драма постмодерна. URL: <http://www.philosophy.ru/library/epstein/epsht.html>
12. Бахтин М.М. Философия поступка М., 1996.
13. Микешина Л.А. Философия познания: полемические главы. М., 2002.

A.V. Melnik
The Technological Side
of Globalization:
Information and Communication
Aspect of the Social Reality
Change

The technological side of globalization in its information and communication aspects is researched. The significance of information and communication technologies for the formation of global socio-technological reality is defined.

Key words and word-combinations: globalization, technology, communication, socio-technological reality.

Исследуется технологическая сторона глобализации в ее информационно-коммуникационном аспекте. Определяется значение технологий в становлении глобальной социотехнологической реальности.

Ключевые слова и словосочетания: глобализация, технология, коммуникация, социотехнологическая реальность.

УДК 1:316
ББК 60.024

А.В. Мельник

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ
СТОРОНА ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ИНФОРМАЦИОННО-
КОММУНИКАЦИОННЫЙ
АСПЕКТ ИЗМЕНЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Сегодня ученые все чаще говорят о формировании информационной цивилизации, признавая, что становление современного общества происходит под знаком глобализации. Ее технологическое измерение оказывается тем фактором, который определяет масштаб социальных трансформаций. Информационно-коммуникационные технологии

(ИКТ), образуя глобальную инфраструктуру, становятся системой жизнеобеспечения всего человечества. Их социальное бытие представлено в феномене технологической глобализации, значимость которой задает актуальность теме данного исследования.

В качестве видимых социальных следствий функционирования ИКТ выступают такие явления, как «новая цифровая экономика», «электронное правительство», «электронная торговля», «дистанционное обучение» и прочие. Новые изменения коснулись и существенных аспектов самоидентификации человека. Определение личности во многих странах осуществляется теперь на основе электронной цифровой подписи, выборы политических лидеров в некоторых регионах мира проводятся путем электронного голосования. Вместе с этим ИКТ являются источником различных угроз, начиная от негативной трансформации человеческой телесности и сознания, заканчивая созданием глобальных суперсистем, всецело управляющих жизнедеятельностью социума.

Однако среди всех проблем особое значение имеет проблема эволюции социального, вызванная стремительным развитием ИКТ. Уровень их внедрения в общество ведет к тому, что сама ткань социального испытывает мутацию. Возникает глобальная социотехнологическая реальность, материальным основанием которой оказываются в первую очередь глобальные информационные и телекоммуникационные технологии. С признанием этого необходимо осмыслить их механизм влияния на природу социального, что, в свою очередь, предполагает обращение к всестороннему изучению их роли в конструировании новой социальной реальности.

Не имея определенной социальной локализации, ИКТ пронизывают всю без исключения структуру общества, тем самым в полной мере удовлетворяется его возрастающая потребность в информации как ключевой предпосылке его воспроизводства. Обеспечивая социальные структуры информацией, ИКТ выполняют важнейшую, может быть, самую главную свою функцию – коммуникационную.

Информационно-коммуникационные технологии, по сравнению с другими, являются одним из самых действенных средств трансформации социальной природы общества, так как именно они в большей степени приближены к феномену коммуникации как к способу бытия общества. Оно существует благодаря постоянному возобновлению контактов людей, конституируется исходя из согласованного действия индивидов. Коммуникационное ядро общества составляет область устоявшихся значений конвенционального характера. И в этом плане развитие ИКТ изменяет всю коммуникационную структуру социума, сменяя тем самым конфигурацию последнего. Линия коммуникационных трансформаций общества раскрывает сущность происходящих в нем перемен.

Жизненные ресурсы человечества заключены именно в его общественной природе, то есть способности сообщать, коммунально трудиться, совместно обдумывать, принимать решения и проверять плоды своей деятельности. Так, в настоящее время ИКТ, являясь значительным интегративным фактором социальных процессов, воссоздают на своей основе новые социальные объединения, называемые сообществами-комьюнити различных типов: от семейных и профессионально-трудовых до научно-культурных и национально-государственных.

Социальное бытие этих сообществ непосредственно сопряжено с использованием современных ИКТ, трансформирующих феномен коммуникации. В частности, благодаря активному развитию сверхбыстрых и сверхдальних средств коммуникации, например, таких, как широкополосный и мобильный Интернет, сотовая связь, возникает возможность многосторонней коммуникации. Ее смысл заключается в том, что каждый индивид, получающий информацию посредством того или иного канала, в равной мере способен принять участие в полном контексте дискуссии, может не только слышать, но и быть услышанным.

Обратной стороной резко возросших коммуникационных возможностей общества оказывается то, что в результате этого происходит разрушение межличностной коммуникации, основанной на непосредственном межличностном общении. Человек, делающий акцент на общении в сети, отвыкает от «живого» общения, теряет его навыки. Следствием этого становится возрастание индивидуализации (вплоть до самоизоляции человека) в обществе, содержащей в себе предпосылки легитимации социального одиночества. Подобная «атомизация» разрывает саму ткань социального, что заключает в себе угрозу общественной природе человека как его фундаментальной ценности.

Таким образом, в настоящее время можно наблюдать два встречных социальных коммуникационных процесса: усиление виртуальных контактов и одновременно ослабление «живого» общения, причем первое происходит за счет второго. Видимо, тенденция усиления виртуальных контактов будет только возрастать ввиду расширения коммуникационных возможностей современных ИКТ.

В контексте технологической глобализации коммуникация становится все более технологичным явлением. В сущностном плане такую глобализацию можно определить как процесс интеграции различных технологий в единую систему планетарного масштаба. Этот процесс оказывается возможным в силу возрастания конвергенции технологий, осуществляемой на их аппаратном и программном уровнях. Если считать, что социальное укоренено в феномене коммуникации, то следует признать – само социальное как таковое сохраняет свое бытие, только в более технологичном виде.

Понимание технологической глобализации в коммуникационном аспекте будет неполным, если не отмечена взаимная корреляция коммуникационности как технического параметра социальных связей, с одной стороны, и коммуникативности как культурного свойства социального агента – с другой. В первом случае коммуникационность как возможность технологии создавать социальную связь делает акцент на форме социального общения, его содержание остается второстепенным. Во втором случае, когда речь идет о коммуникативности, на первый план выносятся именно содержательная сторона социального общения. Вместе коммуникативность и коммуникационность составляют целостный феномен коммуникации. От того, какая сторона коммуникации более всего актуализирована – коммуникативность или коммуникационность, зависит характер осуществляемой в обществе коммуникации.

В настоящее время социальные коммуникации в значительной степени реализуются благодаря таким техническим формам, как глобальные системы телевидения, радиовещания, Интернет, телефония. Именно они главным образом

выступают агентами технологической глобализации. Однако при этом следует учитывать, что само формирование глобальной социотехнологической реальности начинается прежде всего с глубинных процессов, происходящих в различных сферах общественной жизни. Эти процессы, достигая уровня межрегионального взаимодействия, становятся условием формирования глобального мира.

В феноменальном плане сам процесс глобализации осуществляется через усиление транснациональных финансовых, информационных, технико-технологических, культурных потоков, которые стали возможны благодаря стремительному развитию информационных и телекоммуникационных технологий. К проблеме обусловленности современного общества информационными технологиями обращается М. Кастельс в своей концепции сетевого общества. По его мнению, в настоящее время формируется новая технологическая парадигма, которая складывается вокруг информационных технологий. Информационные технологии как «ядро» новой технологической парадигмы представляют собой «сходящуюся совокупность» [1, с. 50] технологий, таких, как микроэлектроника, вычислительная техника, телекоммуникации и оптико-электронные технологии.

Современный процесс технологической трансформации развивается экспоненциально, поскольку существует обратная связь со скоростью обращения информации по технологическим полям. Они есть результат объединения в сеть информационно-коммуникационных технологий.

Эти технологии не просто оказываются инструментами, которые необходимы для работы с информацией, но становятся процессами, делающими человеческую мысль реальной производительной силой. В частности, развитие Интернет-технологий дает возможность человеческой мысли устанавливать тесную связь между процессами создания и манипулирования символами, с одной стороны, и процессами производства и распределения товаров и услуг – с другой. Развитие таких технологий усиливает и расширяет возможности человеческой мысли до уровня непосредственной производительной силы.

Особая социальная значимость информационно-коммуникационных технологий обнаруживается после информационной революции, которая произошла в середине XX в. Результатом информационной революции стали информационные и телекоммуникационные технологии, которые, объединяясь в настоящее время, образуют наднациональную информационную сеть, преодолевающую государственные границы. Циркуляция информационных потоков в такой сети приводит к образованию информационной сферы, которая прежде всего и определяет глобализацию общества.

В качестве первоэлемента информационной инфраструктуры выступают информационно-коммуникационные ресурсы, связанные коммуникационными сетями. Их доступность предполагает возможность доступа к самим этим ресурсам, способным вызвать в обществе ряд социально-психологических эффектов. В частности, у людей, «включенных» в контекст действия глобальных коммуникационных сетей, возникает чувство «постоянной включенности» в мировое информационное пространство, а от этого чувства неотделимо другое – сопричастности самому миру. Однако в новой для себя информационной ситуации человек может быть не только пассивным свидетелем общезначимых со-

циальных процессов, но и активным их участником: выражая свое мнение посредством ИКТ, он может быть услышан и его мнение может практически реализоваться. Это ведет к формированию планетарного мышления у человека.

Глобальные ИКТ определяют не только масштабы интеграции мирового сообщества, но и качество самой интеграции, которая имеет преимущественно информационно-коммуникационный характер, проявляющий себя в феномене сети.

Сетевая коммуникация как один из типов коммуникации, встраиваясь в интеграционные процессы в современном обществе, трансформирует его в соответствии со своими особенностями. Ключевой особенностью сети является ее многоканальность, распределенность путей перемещения информации. Это означает, что в случае прерывания работы одного канала его заменяет другой. Тем самым перемещение информации восстанавливается. Другой важнейшей особенностью сети оказывается ячеистая, повторяемая структура, обеспечивающая единство сети. Элементарная типичность коммуникационной сети не исключает возможности включения в нее субъектных начал, способных соединять сети.

Коммуникационные сети, кроме функции транспортировки информации от транслятора к приемнику, изменяют состояние взаимодействующих систем. Глобальность, высокая скорость и плотность информационных потоков, проходящих по коммуникационным сетям, оптимизируют географическое пространство, интенсифицируют торговлю между странами, углубляют международное разделение труда, ускоряют распространение научных идей в мире, расширяют интерактивный обмен информацией между национальными культурами и т.д.

Глобальная интеграция информационных и телекоммуникационных ресурсов формирует глобальную информационную инфраструктуру, элементом которой, в частности, становится российская информационная структура. Совокупность всех национальных информационных структур служит предпосылкой создания глобальной базы знаний, которая оказывается производительной силой современного общества. Однако такая ситуация возникла в связи с расширением возможностей современных технологий. Глобальная технологизация общества ставит проблему его тотальной технологической детерминации, ведущей к смене существующего типа социальности.

В настоящее время в обществе складываются социотехнологические отношения. Как отмечает В.А. Литвиненко, в рамках одного культурного региона возникает социотехнологический комплекс, определяемый им как «система устойчивых социокультурных и технико-технологических связей, взаимодействие которых определяет характер и направление развития социума в определенных пространственно-временных интервалах» [2, с. 142]. Социотехнологический комплекс представляет собой не автономную систему, функционирующую в «отрыве» от глобализационных процессов, но есть главным образом подсистема среди других региональных подсистем, формирующих глобальную суперсистему. Она находится еще на стадии становления, поэтому констатировать ее реальное бытие преждевременно. Но движение в сторону такой суперсистемы уже обозначается, в связи с тем что отдельные социотехнологические комплексы, существующие в рамках своих культурных ареалов, демонстрируют тенденцию к сближению, прежде всего посредством установления технологических взаимосвязей.

В связи с расширением коммуникационного пространства социума возникает вопрос: что происходит с региональным социотехнологическим комплексом в эпоху глобализации? Поскольку глобализационные процессы демонстрируют тенденцию к преодолению наличных не только пространственно-временных, но и социальных ограничений чего-либо в информационной цивилизации, то, в частности, и различные рамки «регионального социотехнологического комплекса» начинают размываться. Речь идет о том, что такой комплекс, оказываясь объектом глобализационных процессов, приходит в неравновесное состояние, что открывает возможность его эволюции как подсистемы в том или ином направлении. Наиболее вероятным направлением его развития, по всей видимости, будет являться дальнейшее его расширение и проникновение в структуры социального за счет возрастания коммуникационных возможностей технологий.

Таким образом, феномен технологической глобализации обеспечивается стремительным развитием ИКТ. Расширение коммуникационных возможностей общества за счет внедрения в него современных ИКТ ведет к возрастающей технологизации социального. Она происходит по линиям коммуникаций, которые становятся все более технологичным явлением.

Библиографический список

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
2. *Литвиненко В.А.* Социотехнологические комплексы: новый вид цивилизационного взаимодействия // *Общественные науки и современность.* 2002. № 2.

**R.V. Abubekero
Russian Civilization
in the World Globalization Process**

Features of the modern globalization processes are revealed. The assumption of Russia's potential to become a self-sufficient centre of power in the global world is substantiated.

Key words and word-combinations: civilization, society, globalization, new world order.

Показаны особенности протекания современных глобализационных процессов. Обосновывается предположение о потенциальной возможности России стать самодостаточным центром силы в глобальном мире.

Ключевые слова и словосочетания: цивилизация, общество, глобализация, новый мировой порядок.

УДК 008:316.722
ББК 17:71.05

Р.В. Абубекеров

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В МИРОВОМ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Глобализация представляет собой объективное, наиболее заметное и доминирующее социальное явление в современном мире. В этот процесс, независимо от своей воли, вовлечены практически все современные государства и народы. Различные страны занимают неравное положение и играют неодинаковую роль в мировой глобализации. В на-

стоящие время ведущие позиции в международной системе занимает небольшое количество государств, являющихся лидерами научно-технического прогресса и экономического развития. Они способны создавать новые конкурентоспособные производства, что для большинства других стран весьма затруднительно. Лидерство в глобализации на современном этапе, безусловно, принадлежит США.

Россия также является важным участником мирового глобализационного процесса. В связи с этим одна из важных исследовательских задач для представителей общественных наук состоит в научном осмыслении глобализации и объективном определении места и роли нашей страны в мировых процессах глобализации. Решение обозначенной задачи осложняется тем обстоятельством, что российское общество и политическая элита до сих пор не определились со своим отношением к этим процессам и участию России в них.

В глобализации отмечаются как положительные стороны, так и негативные проявления. Исследователи и политики расходятся во мнении на происходящие в современном мире глобализационные процессы. Очевидными опасностями глобализации являются односторонний характер культурного взаимодействия и угроза потери национально-культурной самобытности многими народами.

Традиционно на Западе культурную глобализацию, как правило, оценивают положительно и интерпретируют сквозь призму эмпирических культурных течений и социальных процессов. Они протекают от «центра» к «периферии», которая воспринимает культурные влияния, видоизменяет их и придает им новую форму.

Российскими исследователями глобализации в большинстве случаев ее проявления дается отрицательная оценка. Чаще всего она понимается как политический или даже идеологический проект, инициированный и проводимый Западом. Глобальное общество рассматривается как сугубо «западная» идея, а глобальная информационная сеть описывается как «проводник американской культуры и национальной идеологии» [1, с. 51]. В таком контексте проявления глобализации в культурной сфере содержательно трактуются как «американизация» периферийных национальных культур, где российской и всем иным цивилизациям отводится второстепенная роль.

Объективно, казалось бы, за счет организации плодотворного межкультурного диалога культурная глобализация несет в себе значительный потенциал обогащения и совершенствования современного общества. Однако вместо глубоко диалектического процесса гармонизации, в котором различие национальных культур не исключается, а воспринимается в неразрывном единстве, на практике получается унификация национальных культур на основе западных образцов.

Подавление национальных культур как проявление культурной глобализации, вне всякого сомнения, ведет к обеднению мировой цивилизации. Подобное положение в перспективе способно привести к установлению духовного тоталитаризма, где в унифицированном мире люди будут лишены своих традиционных ценностей и национальной культурно-религиозной идентичности. Данные тенденции способны спровоцировать жесткую реакцию со стороны «не-западных» наций и породить предсказанное С. Хантингтоном «столкновение цивилизаций».

В целом такую угрозу несет реализуемый в настоящий период вариант глобализации, когда человечество в качестве универсальной схемы развития выби-

рает какую-то одну цивилизационную модель, которая становится общеобязательным эталоном в политике, общественном устройстве, экономике, культуре. Альтернативным вариантом видится «соборная модель», когда в общую копилку человечества вносятся различные проекты, обобщающие исторический, культурный, хозяйственный, социальный, политический, национальный, религиозный опыт множества народов и государств. Условно данные пути глобализации можно обозначить как «монокультурный» и «поликультурный». В настоящее время, очевидно, торжествует «монокультурный» вариант глобализации, хотя вряд ли можно сомневаться, что «поликультурная» глобализация потенциально более плодотворна и полезна для всего человечества.

В столь непростых общественно-политических и культурно-духовных условиях тем более важно определить место России в мировом цивилизационном пространстве.

Часто «русская (российская)» цивилизация противопоставляется «западной». С другой стороны, исследователи обнаруживали много общего у российской цивилизации с индийской, китайской и японской. В частности, А. Тойнби утверждал, что российская, как и иные восточные цивилизации, носит преимущественно духовный, а западная – главным образом экономический, потребительский характер [2, с. 33].

На наш взгляд, деление цивилизаций на духовные и потребительские более чем условно, поскольку в любой из них есть эти элементы. Кроме того, западная культура, как и восточная, показала немало примеров высокой духовности. Приписываемая России враждебность к западной цивилизации таит в себе семена раздора и столкновения и не является продуктивной ни в практическом, ни в теоретическом отношении.

Встречающееся у ряда авторов сужение характеристик отечественной цивилизации только лишь до «русская» и «православная» представляется неверным. В частности, понятие «православная цивилизация» используют А. Панарин [3, с. 128] и С. Хантингтон [4, с. 56]. Исходя из того что православные общины разбросаны по всему миру, наряду с русскими, украинцами и белорусами к ней отнесены армяне, грузины, молдаване, осетины, якуты, румыны, сербы, черногорцы, македонцы, болгары, греки и даже эфиопы. Но значительная часть населения России – мусульмане, буддисты, последователи католической веры и иудаизма, а также неверующие. Получается, что в таком случае из российской цивилизации исключаются весьма значимые и интересные этническо-религиозные сообщества.

Понятие «славянская цивилизация», использовавшееся, в частности, К. Леонтьевым, тоже не является оптимальным в силу ряда причин. В свое время Н.Я. Данилевский писал о славянском культурно-историческом типе [5, с. 4], однако, несмотря на общее славянское происхождение, русский, украинский и белорусский народы, а также поляки, чехи, сербы, хорваты, словенцы, македонцы, боснийцы принадлежат к разным цивилизациям и конфессиям.

В последнее время более часто стало употребляться понятие «евразийской цивилизации», ядром которой признается или провозглашается Россия. Приверженцы его – Ю.В. Яковец [6, с. 146], А.Г. Дугин [7, с. 146] – видят достоинства такого определения локальной цивилизации, во-первых, в том, что оно носит

нейтральный по отношению к конфессиям характер, отражает единство интересов, культур и исторических судеб многоконфессиональной цивилизации, а во-вторых, в том, что оно отражает положение России как связующего звена между Европой и Азией в рамках единого Евразийского континента, в котором проживают почти три четверти населения планеты.

На наш взгляд, наиболее корректным следует считать использование понятия «российская цивилизация», к которой можно отнести как Россию, так и те ареалы, где имеется значительное количество носителей русского языка и культуры (в частности, большинство стран, возникших на территории бывшего СССР). Это понятие, возможно, более узкое, чем «евразийская цивилизация», но у него есть одно очень важное преимущество.

Все же Россия – это уникальная, неповторимая, совершенно не похожая на других вполне оформившаяся цивилизация. Она базируется на суперэтносе, возникшем в результате взаимодействия различных этносов, наций, этнических групп, совершенно различных по происхождению. Такой подход отвечает высказанной Н.А. Бердяевым идее о том, что судьба мировой истории зависит от соединения Востока и Запада, которые должны отречься от своей ограниченности, должны учиться друг у друга, тогда как каждая из них должна осуществить свое призвание в целом [8, с. 146].

Для этого в первую очередь необходимо определить, какие ценности может предложить Россия цивилизациям Запада и Востока.

Как экономический партнер Россия сейчас недостаточно конкурентоспособна по сравнению с ведущими странами мира. Запад преимущественно рассматривает ее как источник сырья и рынок сбыта готовой продукции. Для восточных цивилизаций все еще могут быть соблазнительными некоторые отечественные высокие технологии, накопленные в прошлые десятилетия в оборонном комплексе.

О безграничности и богатстве природных ресурсов России ведется много разговоров. Но надеяться только на них – это не выход из создавшегося положения. Имеющиеся минеральные быстро исчерпываются, а природные – не достаточно быстро восполняются. К тому же, в случае устойчивого экономического роста увеличившийся внутренний спрос потребует уменьшения экспорта сырья и энергоресурсов.

Таким образом, единственные отечественные продукты, которые могут представить интерес для цивилизаций Запада и Востока, являются результатами духовного воспроизводства – прежде всего, фундаментальной науки, культуры и образования. Они тем более ценны, что именно им в гуманистическом постиндустриальном обществе принадлежит первостепенная роль.

Россия обладает высокой многонациональной культурой, оказавшей заметное влияние на культуру Запада и Востока в XIX–XX вв. Российская система образования хотя и значительно отстает от западной и японской по уровню технической оснащенности, но характеризуется широтой и глубиной подготовки, фундаментальной гуманитарной и естественнонаучной базой. Это позволяет новым поколениям россиян легче и быстрее адаптироваться к стремительно меняющимся условиям труда и быта. Свойственная российскому менталитету этика, терпимость к иным взглядам и конфессиям, способность выдерживать

трудные испытания, толерантность могут быть востребованы как общечеловеческие по своему значению элементы этики будущего.

Немецкий философ Вальтер Шубарт в книге «Европа и душа Востока» предсказывает смещение центра тяжести культуры, передачу лидерства из Западной Европы к славянам, особенно русским. Ему принадлежат слова: «Запад подарил человечеству самые совершенные виды техники, государственности и связи, но лишил его души. Задача России в том, чтобы вернуть душу человеку. Именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе. Россия – единственная страна, которая способна спасти Европу и спасает ее. Русский народ обладает для этого теми предпосылками, которых сегодня нет ни у кого из европейских народов» [9, с. 76]. По нашему мнению, именно концентрация внимания и усилий на опережающем развитии социокультурной сферы дает России шанс стать образцом синтеза, интеграции лучших достижений восточных и западных культур, организатором эффективного диалога и взаимодействия между ними, не потеряв своей цивилизационной самобытности.

Рассматривая будущее России, не верно делать акцент исключительно на скачок в современное технологическое общество. Главное богатство России – это интеллектуальный капитал, наука и ее развитие, которого не может быть в обществе, деградирующем культурно. Именно поэтому перед нашей страной сейчас стоит выбор: либо государственный патриотизм и истинный национализм, возвращение к духовным истокам российской ментальности, либо глобализм и западнизм и сопутствующий ему индивидуализм и либеральный тоталитаризм [10, с. 8].

Действия стран, являющихся лидерами мировой глобализации, направлены на то, чтобы сократить число потенциальных конкурентов, в частности не допустить превращения Российской Федерации в самостоятельный центр силы. На нынешнем этапе открытость экономики России позволила им фактически захватить ее национальный рынок. Прилавки отечественных магазинов заполнены далеко не всегда качественными, но более конкурентоспособными импортными товарами. Вытеснение товаров российского производства негативно сказывается на развитии отечественной промышленности. Как следствие, в экономическом отношении Россия рискует превратиться из более или менее развитого государства в отсталое, перейти в группу стран «третьего мира».

Несмотря на все проблемы и территориальные потери, Российское государство все еще обладает большой притягательной силой для окружающих ее стран. Россия может стать лидером движения этих стран к своему новому, независимому от глобального историческому бытию. В случае, если Россия сохранит и нарастит свой потенциал, то в обозримом будущем сможет вновь сгруппировать вокруг себя ряд государств и тем самым сформировать региональный самодостаточный центр силы, стать его основой и ядром. Таким образом, обретает черты вариант, близкий к классическому типу баланса сил: будущая геополитическая структура мира состоит из автономных самодостаточных центров силы, каждый из которых имеет собственную сферу влияния.

Сегодня нужна модель интеграции обществ, которая задавала бы иную направленность всем глобализационным процессам, реализовывала общечеловеческие базовые ценности, выступала своеобразным амортизатором возникающих в процес-

се глобализации напряжений, сглаживала остроту отдельных негативных тенденций глобализации, проходила при активной поддержке и с непосредственной пользой для всех людей на Земле. Такой моделью, противостоящей глобализации «по-американски», может стать модель, опирающаяся на идеалы гуманизма, – более жизнеспособная и перспективная, основанная на биполярной универсалии. При этом необходимо понимать, что универсализм и универсальные характеристики могут быть присущи далеко не каждой социальной системе, поскольку все зависит от лежащего в ее основании способа реализации социальности.

Доминирующая ныне тотальная парадигма глобализации выступает ведущим вектором, обеспечивающим столкновение различных локальных цивилизаций. Но в развитии любой системы закономерны дифференциация, специализация, вследствие чего со временем значимость локальных процессов будет только возрастать. Поэтому в нынешнем варианте глобализация обречена на поражение, а глобальное сообщество на распад. В то же время глобализация – объективная неизбежность, снимающая локальную замкнутость обществ.

Как представляется, Запад России нужен не для того, чтобы раствориться в нем или поглотить его, но больше для того, чтобы в нем как в зеркале видеть свою сущность и свои границы, соизмерять свои силы и возможности. Поэтому необходима не борьба против процессов глобализации, а конструктивная деятельность за реализацию ее на комплиментарной основе [11, с. 83]. Россия как универсальная цивилизация обладает достаточным потенциалом не только для собственного возрождения, но и для сознательного выбора эффективных средств собственного развития. Основаниями для этого являются пограничный, гибкий характер российской цивилизации, ее духовное богатство, исторический опыт, близкий к интегральному социокультурный строй [12, с. 19]. Однако для этого Россия должна осознать саму себя и определить свое место в глобальном цивилизационном пространстве, встать на путь возрождения и реинтеграции, преодолеть последствия одной из глубочайших катастроф за свою тысячелетнюю историю.

Одним из важнейших аспектов преодоления цивилизационного кризиса является новая модернизация российской цивилизации, которая должна быть направлена на обеспечение высокого жизненного уровня всех населяющих ее этносов, дальнейшую демократизацию. Это предполагает развитие духовности, образования и культуры, доступных в равной степени всем членам общества независимо от их экономического положения и политических пристрастий.

Общий вывод, который можно сделать по итогам анализа современного состояния российской цивилизации, звучит следующим образом: Россия как историческая общность и государство объективно участвует в процессах глобализации, но субъективно не готова к этому. Это не позволяет ей занять достойное место среди лидеров. Будущее России напрямую зависит от того, насколько и как наша страна сможет принять участие в ключевом глобализационном процессе. Россия должна стать одним из лидеров «нового мирового порядка», обеспечив своему народу достойное место в дальнейшей истории человечества.

Библиографический список

1. *Замошкин Ю.А.* Вызовы цивилизации и опыт США: история, психология, политика. М., 1991.
2. *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории: сб. / пер. с англ. М., 2002.

3. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование // Ценности и приоритеты XXI века: социальная справедливость и экологическая безопасность: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2000.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991.
6. Яковец Ю.В. История цивилизаций. М., 1995.
7. Дугин А.Г. Проект «Евразия». М., 2004.
8. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М., 1998.
9. Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000.
10. Зотов А.Ф. Новый тип глобальной цивилизации // Полис. 1993. № 2.
11. Заров Д.И. Современные стратегии общественного развития // Концептуальные парадигмы разума и человека: сб. Саратов, 2002.
12. Сорокин А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997.

I.N. Dyachenko
Slavic-Russian Humanistic
Tradition in the Modern Russian
Society

The degree of transformation of values and attitudes of the Russian humanistic tradition in conditions of the modern Russian society is defined. The term "filomenologichnost" is introduced and the new philosophic direction of "filomenologiya" is formed. It is noted that "filomenologichnost" is the most significant of general culture values and an important feature of the Russian person in all levels of the evolution of the Russian being.

Key words and word-combinations: "filomenologichnost", the Russian person, transition of the significant vital values and attitudes.

Определяется степень трансформации ценностей и установок русской гуманистической традиции в условиях современного российского общества. Вводится термин «филоменологичность» и разрабатывается новое философское направление «филоменология». Отмечается, что филоменологичность является наиболее значимой из генеральных ценностей культуры и существенным свойством русского человека на всех этапах эволюции отечественного бытия.

Ключевые слова и словосочетания: филоменологичность, русский человек, трансляция значимых жизненных ценностей и установок.

УДК 316.75(2Рос)
ББК 60.563.0+60.028(470+571)

И.Н. Дьяченко

СЛАВЯНО-РУССКАЯ ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

На современном этапе развития гуманитарных наук возрастает внимание не только к самому человеку, но и к последствиям его деятельности, что объясняется очевидным всплеском активности человека, обострением социальных и личностных конфликтов в стремительно меняющихся условиях. Актуальным становится поиск методов, гарантирующих не только сохранение, но и развитие жизнеобеспечивающего потенциала каждого индивида и общества в целом.

Сложившаяся ситуация обостряет внимание исследователей к проблемам соотношения локального и глобального, традиционно и инновационного компонентов социальной жизни. Их решение невозможно без

критического осмысления традиций и инноваций в рамках самосохранения и самоактуализации человека. Современные мировые процессы свидетельствуют о недостаточной эффективности только лишь политических и экономических мер для решения задач диалогического характера – их обязательно необходимо дополнять мерами моральными, апеллирующими к глубинным основаниям культур, восстанавливающими естественный образ действий, минимизирующими негуманную конкуренцию и способствующими согласованному сосуществованию членов общества.

События прошлого века / тысячелетия в контексте глобализации ставят на повестку дня методологические вопросы взаимосуществования имеющих право на самовыражение культур, в том числе и русской. В проекции на российский социум представляется необходимым раскрыть сущность филоменологического аспекта славяно-русской гуманистической традиции, определить степень филоменологичности русского гуманизма и смену статуса отечественной гуманистической традиции в системе современных общественных отношений.

Процесс приобщения к наследию отечественной культуры и ее традициям сегодня выходит на новый уровень. В последнее время опубликовано немало работ, посвященных гуманистической тематике. Однако проблемы сущности феномена русской гуманистической традиции продолжают изучаться преимущественно в русле традиционных методологических подходов [1, с. 68–77; 2, с. 120–129]. При этом вне поля зрения до сих пор остаются целые пласты глубинных смыслов отечественной религиозно-философской мысли и славяно-русской гуманистической традиции, что неизбежно приводит к деформации их сущности и образа России в целом.

Ситуация осложняется еще и тем, что современная Россия, как и любое пережившее смену политических режимов общество, стремится примирить, консолидировать своих членов, воплощая в жизнь принципы социальной справедливости. Наметившийся выбор между долгом забвения или долгом заботы, анамнезисом или катарсисом весьма не прост. Очевидно, что его результативность в определенной степени зависит от качества рефлексии нашей истории и нас в ней, от осмысления механизмов функционирования субъектов – носителей русской культуры. Последствия рефлексии должны определить глубину очищения исторической памяти, необходимую для самосохранения, и спектр возможностей для конструктивного диалога и существования в мировом сообществе.

Можно все помнить и никогда и никому ничего не прощать, а главное – не простить себя. В результате закономерным будет откат социума на позиции изоляционизма, неизбежно приводящего к культивированию идей об исключительности той или иной культуры (общества). Такое позиционирование порождает крайние формы самоутверждения, приводя в конечном итоге к гибели и культур и их носителей в современном мире. Причиненное зло оставляет след в общественной памяти, препятствуя и развитию отдельно взятого общества, и плодотворной его интеграции в мировое сообщество в целом.

Для самосохранения и продолжения национального существования в мировом сообществе можно выбрать путь, альтернативный указанному курсу изоляционизма. Более продуктивным, с нашей точки зрения, представляется рефлекс-

сирование коллективного и индивидуального опыта в филоменологическом направлении.

Руководствуясь врожденной любовью к своей жизни, человек стремится найти гарантии для сохранения, развития и достижения ее полноты. Отсюда проистекает филоменологичность – генетически данное человеку качество, связанное с любовью к жизни и проявляющееся с первых моментов его появления. Эта категория является фундаментальной для философского направления «филоменология», что буквально означает «понятие о любви человека».

Одним из наиболее филоменологически эффективных методов следует считать традиции.

Факт постоянного обращения к различным формам традиции и традиционализма, рост ностальгии по прошлому не только в постсоветской России, но и во всех посткоммунистических странах, включая те, что вступили в Евросоюз [3], неоспоримы. Для нашей страны актуализация лежащих в глубине русской культуры пластов личностной традиции обусловлена потребностями жизнесохранения нации, вновь возвращающейся к прерванному процессу осознания себя и находящейся на пути решения проблемы самоидентификации. В связи с этим можно сделать вывод, что филоменологичность является наиболее значимой из генеральных ценностей русской культуры, существенным свойством русского человека. Из нее следуют прочие ценности и элементы образа жизни, создающие наибольший социальный комфорт для русского человека.

Славяно-русская гуманистическая традиция как совокупность регуляторов деятельности человека в постоянно меняющемся мире способствует ресурсосбережению и самораскрытию личности, предлагая средства, методы, механизмы сохранения и развития личностного потенциала именно русского человека. Она несет в себе заряд здорового консерватизма, выступающего неперменным качеством филоменологически ориентированной культурной личности.

Трактовка традиций как социокультурных генов или архетипов и даже этнокультурных констант весьма уязвима с теоретической и эмпирической точек зрения. Особенности человеческой памяти и усилившиеся на современном этапе тенденции автобиографической амнезии [6], а также осознание своего рода опасности от занятий традицией осложняют процесс осмысления и исследования традиции в целом и русской гуманистической традиции в частности. Для преодоления существующих трудностей детального изучения отечественной традиции и достижения сформулированной цели следует использовать комплексно-синтетический метод исследования. Основанный на свободном и всестороннем научном рассмотрении всех предметов и явлений, он позволяет глубоко проанализировать феномен славяно-русской традиции.

Для раскрытия темы методологически важно воспринять установку, что «культура в целом, традиция в частности по своей сущности направлена против забывания. Она побеждает его, превращая забывание в один из механизмов социальной памяти» [4, с. 490]. На наш взгляд, архивная культура с ее традициями фиксирует пройденное и служит трамплином, от которого надо отталкиваться, чтобы двигаться вперед, не изменяя себе. Многие известные исследователи не разделяют эту позицию, считая, что культура прошлого уже актуально

не существует, представляя собой особый темпоральный слой [5, с. 789]. По нашему убеждению, культура прошлого актуализируется посредством исторической памяти – неотъемлемой части существующей в данное время культуры. Все элементы прошлой культуры (знания, ценности, священные символы, оправданные многовековым опытом, народные обычаи, традиции, исторические памятники, документы, мемуары, научные исследования) образуют архивную культуру – социальную информацию, выключенную из повседневной общественной жизни.

В отличие от архивной, живая культура представляет собой информацию, циркулирующую по каналам социальной коммуникации в данный период и активно используемую обществом. Уходя в архив, образцы культуры прошлого (в том числе и традиции) становятся своего рода запретительными знаками: само их нахождение там свидетельствует, что следовать им уже больше нельзя.

Славяно-русская гуманистическая традиция – феномен, имеющий центральное ядро и периферийную зону.

Центральное ядро представляют наиболее значимые ценности и установки. Из них выводятся прочие ценности и даже элементы образа жизни, создающие филоменологический комфорт.

С позиции системного анализа ценностью считается положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, группы, народа, общества, определяемая их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений. Критерии и способы оценки этой значимости выражены в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках и целях. Потребность – это осознанный под давлением среды внутренний недостаток ресурсов (пищи, пространства, времени, образования, признания, любви). В связи с этим определением ценностью можно назвать потребность, оцененную относительно других потребностей по какой-либо шкале в условиях ограниченности собственных ресурсов. При наличии активной жизненной позиции субъекта ценность обязательно превращается в цель, то есть ценность, воспринимаемую как желательный или предполагаемый результат запланированной деятельности. В мире существует множество видов ценностей. Все они не могут стать целями в равной степени, хотя бы по причине ограниченности ресурсов человека. В филоменологическом контексте целями становятся только те ценности, которые способствуют сохранению и развитию человека. В связи с этим можно предположить, что ценности любого народа образуют систему. В такой системе ценности связаны друг с другом и отличаются между собой по значению, так как представляют собой еще и цели.

Те ценности, которые становятся целями, составляют ядро культуры и культурной традиции, так как достижение целей – это задача не одного поколения. По этой причине для сохранения выработанной методологии достижения целей и информации о ценностях, ставших целями, формируется традиция. Ценности, не ставшие целями, но выполняющие функции жизнесохранения в разных условиях в большей или меньшей степени, отодвигаются на периферию культуры и традиции. Рассмотрение ценностей любого народа с учетом системного подхода предполагает анализ системы этих ценностей.

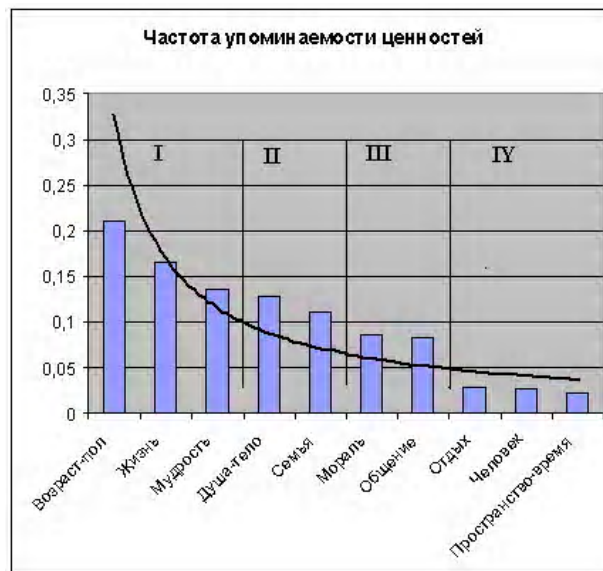
Исследование древних устных и письменных литературных, апокрифических памятников позволяет реконструировать систему ценностей русского народа. Объектом нашего анализа были 4028 паремий, на основе которых сформированы десять проранжированных тематических групп-ценностей (табл. 1).

Таблица 1

Тематические группы-ценности

Ценности	Количество вариантов	Частота упоминания
Возраст – пол	848	0,21052632
Жизнь	669	0,16608739
Мудрость	547	0,1357994
Душа-тело	515	0,12785501
Семья	448	0,11122145
Мораль	347	0,08614697
Общение	336	0,08341609
Отдых	118	0,02929494
Человек	109	0,02706058
Пространство – время	91	0,02259186
Итого	4028	1

По данным таблицы была построена гистограмма частоты упоминания ценностей в пословицах и поговорках русского народа.

Гистограмма распределения частоты упоминания ценностей в русских паремиях

Группы ценностей: I – значимые; II – вспомогательные;
III – дополнительные; IV – малозначимые

Разделим ценности на группы методом последовательной дихотомии по критерию простого большинства. В результате в первую группу значимых ценностей войдут возраст – пол, жизнь, мудрость; во вторую – душа – тело, семья; в третью – мораль, общение; в четвертую – отдых, человек, пространство – время. Первую группу назовем «Значимые ценности», вторую – «Вспомогательные ценности», третью – «Дополнительные ценности», четвертую – «Малозначимые ценности».

Первая и вторая группы представляют центральную зону русской культуры, будучи основным содержанием (ядром) отечественной гуманистической традиции. Периферия представлена третьей и четвертой группами ценностей.

Ценности в пословицах и поговорках образуют систему [7]. При анализе различных систем возникает вопрос: насколько данная совокупность элементов является системой? Для ответа на него необходимо ввести понятие идеальной системы, в которой все элементы связаны непосредственно со всеми элементами хотя бы одной связью. Исходя из такой позиции, система определенно отсутствует, когда между элементами нет связи. Если перейти на матричную интерпретацию, то в клетке матрицы идеальной системы везде будут стоять единицы, естественно, с разными знаками – «плюс» и «минус». Отсутствие системы будет выражено нулями, то есть отсутствием связей во всех клетках матрицы (табл. 2).

Таблица 2

Матрица главных и вспомогательных ценностей в пословицах и поговорках русского народа

	Возраст – пол	Жизнь	Мудрость	Душа – тело	Семья	Мораль	Общение	Отдых	Человек	Пространство – время	–	+
Возраст – пол		1	0	1	1	0	1	1	0	1	0	6
Жизнь	1		1	1	1	1	1	1	1	0	0	8
Мудрость	0	1		0	1	1	0	1	1	0	0	5
Душа – тело	1	1	0		1	0	1	1	0	1	0	6
Семья	1	1	1	1		1	1	0	0	0	0	6
Мораль	0	1	1	0	1		1	0	1	0	0	5
Общение	1	1	0	1	1	1		1	0	1	0	7
Отдых	1	1	1	1	0	0	1		0	1	0	6
Человек	0	1	1	0	0	1	0	0		0	0	3
Пространство – время	1	0	0	1	0	0	1	1	0		0	4
												56

На основании этого следует ввести коэффициент связности (системности)

матрицы ценностей (КСМЦ):
$$КСМЦ = \frac{\sum_{стр} (\pm 1) + \sum_{стб} (\pm 1)}{n(n-1)}$$
, где в числителе

находится сумма всех единиц по строкам и столбцам, а в знаменателе – число используемых клеток; n – порядок матрицы. Диапазон изменения КСМЦ – от 0 до 1, при этом ноль означает отсутствие системы, единица – идеальную систему (все элементы связаны между собой).

В этом случае коэффициент связности равен 0,62. Это подтверждает, что между рассматриваемыми ценностями существует устойчивая совокупная средняя связь. Отметим, что минимальные суммы единиц дают ценности «человек», «пространство – время».

Новые возможности для обоснованных выводов о степени изменения русского человека и российского общества за годы реформ появились благодаря вступлению нашей страны (2006–2007 гг.) в число участников ESS – «Европейского социального исследования» [8]. Это дает возможность не только нарисовать ценностный портрет населения России в сопоставлении с большей частью населения Европы, но и определить степень трансформации отечественной культуры, так как ценности – главный ее элемент. Так, отечественные исследователи сравнили базовые ценности россиян с ценностями населения европейских стран. В рамках ESS для измерения ценностей применялась модификация портретного ценностного вопросника Ш. Шварца, в котором, основываясь на теоретических и эмпирических исследованиях, ученый сгруппировал ценности в 10 блоков (типов мотивации): власть, достижение, гедонизм, стимуляция (ценность разнообразия, новизны), самостоятельность, универсализм (равное отношение к «своим» и «чужим»), благожелательность, традиция, конформность, безопасность [9].

Хотя индивиды из уникальных культур могут приписывать отдельным ценностям разное значение, все ценности организованы в ценностно-мотивационные оппозиции, расположившиеся на двух биполярных осях: «Открытость к изменениям» (Самостоятельность и Стимуляция) – «Сохранение» (Безопасность, Конформность и Традиция) и «Самоутверждение» (Власть, Достижение, Гедонизм) – «Самоопределение», или выход за пределы своего Я (Универсализм и Благожелательность).

По ценности «Самоутверждение» россияне отличаются от 21 страны из 24, участвовавших в исследовании. По важности ценности «Безопасность» Россия стоит на втором месте среди стран-участников. По ценностям, относящимся к «Открытости изменениям» и «Сохранению», Россия превосходит большинство стран по выраженности ценностного индекса «Безопасность», входящего в категорию «Сохранение», но занимает среднее положение по выраженности ценностей «Традиция – Конформность», входящих в ту же категорию. По выраженности ценностей «Самостоятельность», «Гедонизм» и «Риск – Новизна», входящих в категорию «Открытость изменениям», Россия, наоборот, уступает большинству стран [10, с. 14].

Таким образом, российский социум продолжает обеспечивать достаточно устойчивую трансляцию значимых жизненных ценностей и установок, мотиваций и способов функционирования русской гуманистической традиции. Отметим парадоксальность ситуации. При данном наборе качеств, ценностей, характерных для «типичного русского» человека, предполагается определенная

модель поведения и соответствующие цели движения. В действительности при том же наборе качеств и ценностей модель поведения осталась без существенных изменений, а цели кардинально изменились.

В современных условиях человек растрчивает свои силы на второстепенное, не способствующее оптимальной его реализации. Оставаясь прежними, люди стали стремиться к тому, что для наших предков было второстепенным и малозначимым. Результаты исследований, проводимых Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИКСИ ИФРАН) с 1990 г. подтверждают данный вывод [11]. Центральная зона русской культуры и отечественной гуманистической традиции (ядро) в современных условиях представлена следующими ценностями: порядок, семья, общение, нравственность, свобода, независимость, благополучие, жизнь, работа. Периферия включает такие ценности, как жизнь, работа, традиционность, инициативность, благополучие, самопожертвование, независимость, вольность, власть.

Следует отметить, что на ранних этапах развития русской гуманистической традиции ядро связывали с группой ценностей I (значимые и вспомогательные), а периферию – с группами III и IV (дополнительные и малозначимые ценности) (см. рисунок). Современные же данные свидетельствуют о мозаичности, дихотомичности и релятивности в системе ценностей современного «типичного русского».

Интересы и ценностные ориентации русских людей трансформировались вместе с социальной микросредой в направлении либерализации общества. Очевидно смещение акцентов в ценностной системе «типично русского» человека с духовно активной жизненной позиции на позиции индивидуалистическо-прагматические. Однако ценности модернизации все-таки не доминируют и не определяют образ общественного мышления и поведения россиян. Это подтверждается филоменологическим постоянством в наборе ценностей, на которые продолжает ориентироваться «типичный русский человек».

Жизнь в любые эпохи раскрывает одни и те же стороны, свидетельствующие о любви человека к жизни и стремлении не просто сохранить полученный жизненный ресурс, но и реализовать его, способствуя приросту имеющегося потенциала. Следовательно, все еще функционирует отечественная гуманистическая традиция, напоминающая о том, что необходимо делать для сохранения и развития жизни, куда идти, ради чего страдать и преодолевать, к чему стремиться.

Библиографический список

1. *Аверьянов В.В.* Традиция и традиционализм в научной и общественной мысли России (60–90-е годы XX века) // *Общественные науки и современность.* 2000. № 1.
2. *Гофман А.Б.* Традиционное или рациональное? Интерпретация традиции в творчестве Макса Вебера // *Социс.* 2008. № 2.
3. *Горбачев М.С.* [и др.]. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003.
4. *Лотман Ю.М.* Семносфера. СПб., 2001.
5. *Кармин А.С.* Культурология. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2003.

6. *Беляева Е.* Стертые люди // Московский комсомолец. 2006. 1 сент.
7. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 2000.
8. URL: www.europeansocialsurvey.org (www.ess-ru.ru).
9. *Schwartz S.H., Bilsky W.* Toward a Universal Psychological Structure of Human Values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 53.
10. *Магун В.С., Руднев М.Г.* Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010. № 3.
11. *Латин Н.И.* Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социс. 2010. № 1 (309).

О.А. Lebedenko
Transformation of the Russian Students' Value Orientations in the Crisis Society

The Russian students' value orientations system in the crisis society is shown. The tendency of reducing of the gap between terminal and instrumental values is noted.

Key words and word combinations: the system of the students' value orientations, transformation of values in the crisis period of the society.

Показана система ценностных ориентаций российского студенчества в кризисном обществе. Отмечается наметившаяся тенденция сокращения разрыва между терминальными и инструментальными ценностями.

Ключевые слова и словосочетания: система ценностных ориентаций студенчества, трансформация ценностей в кризисный период общества.

УДК 316.34/.35–057.87
ББК 60.54р

О.А. Лебеденко

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
РОССИЙСКОГО
СТУДЕНЧЕСТВА
В УСЛОВИЯХ
КРИЗИСНОГО ОБЩЕСТВА**

Проводимые на протяжении более чем двух десятилетий реформы заметно изменили социальный облик российского общества. Система ценностных ориентаций россиян заметно трансформировалась в сторону индивидуализации. У них произошла переориентация с общественных проблем на личные, наблюдается преобладание материальных интересов. В обществе изменились и смысловое содержание, и интерпретация базовых ценностей, среди которых ценности рынка и жизненные стратегии успеха оказались на первом месте. В условиях мировоззренческой дезориентации возникла скрытая деформация норм и образов поведения, изменился межпоколенный механизм передачи традиционных ценностей.

В силу очевидных причин наиболее подверженной этому процессу оказалась моло-

дежь. Именно она сильнее всего испытывает на себе кризис идентичности, различные виды дезадаптации, девиантного поведения, девальвацию нравственных норм, интериоризацию ценностей. С другой стороны, для молодежи в большей степени, чем для иных возрастных групп, характерно стремление преодолеть трудности, противоречия, приобрести и развить личный опыт. Она обладает такими качествами, как креативность, мобильность, стремится реализовать собственные способности. В этом отношении весьма показательна студенческая молодежь.

Кризис, поставивший отечественный социум в режим выживания, побуждает часть студенчества все чаще обращаться к высшим ценностям, пытаясь в них найти опору существования. В то же время все больше молодых людей видят выход из кризиса не только в апелляции к высшим ценностям, но и в ориентации на девиантное поведение. Как следствие, зачастую у студенческой молодежи наблюдается несогласованность между заявляемыми ценностями и реальным социальным поведением.

В центр сознания молодежи перемещаются ценности, имеющие экзистенциальную направленность. Они помогают адаптироваться к изменяющейся социокультурной среде. В них сочетаются свобода личности, конкуренция, помощь «нужных» людей, связи, плюрализм, необходимость иметь поддержку влиятельных друзей, личная инициатива, материальное благополучие, высокий социальный статус или роль. Специалистами отмечаются усиление прагматизма и утилитаризма, преобладание инструментальных установок. Однако наблюдается тенденция к сокращению расхождения между инструментальными и терминальными ценностями.

Изменения в структуре ценностных ориентаций современного российского студенчества достаточно заметны.

Во-первых, в настоящих условиях все острее складывается противоречие между структурой, характером профессионально-трудовых намерений выпускников учебных заведений (предложение) и структурой, характером потребностей в сфере труда (спрос). С каждым годом разрыв между качественными характеристиками предложений на рынке труда и качественными характеристиками спроса стремительно растет.

Вполне естественно, что в ситуации хаоса в общей иерархии ценностных ориентаций, свойственных молодым студентам, трудовая деятельность, занимавшая в начале 1980-х годов первое место в ранговом распределении социальных предпочтений, в настоящее время переместилась на четвертое [1]. Но в условиях рынка профессиональные ориентации современной молодежи определяются не только спросом на профессию, но и стремлением много зарабатывать, продвигаться по службе. Большинство юношей и девушек ориентируют свои жизненные планы главным образом на материальное благополучие и удачу (удачный контракт, удачный спонсор, удачная женитьба, удачное замужество и т.п.). Это усугубляет проблемы реальной трудовой занятости молодежи. Оказавшись в результате экономического кризиса наименее защищенной частью трудовых коллективов, молодежь страдает от различных форм социальной дискриминации.

Во-вторых, отношение молодежи к политике как ценности всегда было неоднозначным. Осмысливая роль и значение молодежи в новых условиях, следует отдавать себе отчет в том, что молодежь – не только потенциал перемен, но и возможный фактор социальной нестабильности.

Нестабильность переходного периода обуславливает особую остроту ряда молодежных проблем. Не снижается неудовлетворенность молодежи, связанная с основными показателями качества жизни – материальным положением, жилищными условиями, работой.

В-третьих, как ни странно, ценность семьи для многих студентов гораздо весомее материального успеха и денег – так считают 69,7% городских учащихся и 73% сельских. Любовь и семья остались важны для молодых людей, как и раньше, и не потеряли своей значимости в новых рыночных условиях [2, с. 33]. В то же время ценности индивидуализма, приобщение к миру престижных и красивых вещей становятся для все большей части юношей и девушек самоцелью существования, смыслом бытия [3, с. 142].

Характеризуя ценность межличностных отношений для современной молодежи, заметим, что формирование взглядов молодых людей проходит преимущественно под воздействием передач телевидения и публикаций в газетах. Они, как правило, служат первоначальным импульсом для обмена мнениями, и приоритет средств массовой информации в этом случае несомненен. Бесхитрое предложение «Сегодня отношения между людьми [продолжить]» стимулировало в 1982 г. 22,7% крайне положительных оценок («прекрасные», «братские», «доверительные») и 8,7% – крайне отрицательных. В 1997 г. картина заметно изменилась: преобладают реакции крайне отрицательные («ужасные», «хуже волчьих», «строятся не по Божеским законам», «жесткие, жестокие», «хамские»). Подобных записей 22,9%, тогда как доля положительных оценок («свободные» и т.п.) составляет 16,6%.

Представленный материал свидетельствует о том, что кризисное состояние общества влечет за собой развитие инструментальных, рыночных отношений между людьми. Отношения личностные заменяются деловыми.

Проведенный опрос молодежи по выявлению изменений мотивов поведения показал, что почти 80% респондентов считают, что основной целью жизни является обеспечение материального благополучия, причем 40% опрошенных в качестве жизненного идеала называют возможность «жить беззаботно, развлекаться». Среди устремлений молодых преобладают желания «иметь хорошее здоровье» (83%), «делать всегда то, что хочется» (71%), «быть очень хорошо материально обеспеченным» (59%) [4].

Среди современной молодежи заметно понизилась планка ценности человеческой жизни. Из-за множества жизненных проблем молодые люди стали все чаще выдвигать в первые порядки проблему личной безопасности (каждый четвертый среди учащейся и рабочей молодежи, каждый пятый среди студентов). Молодые люди хотят иметь личное оружие, требуют создания профессиональных служб безопасности в школах, ПТУ.

В целом для студенческой молодежи характерны: несформированность ценностного поля, полярность суждений, расплывчатость нравственных позиций,

преимущественная ориентация на материальные блага, нежели на духовные ценности, слабый интерес к проблемам общества и страны.

Система ценностных ориентаций является важным регулятором активности человека, поскольку она позволяет соотносить индивидуальные потребности и мотивы с осознанными и принятыми личностью ценностями и нормами общества. Это позволяет усваивать духовную культуру общества, способствует превращению культурных ценностей в стимулы и мотивы практического поведения людей, ведет к тому, что потребности удовлетворяются лишь теми способами, которые совместимы с системой ценностей личности.

Ценностная ориентация – одна из основных характеристик личности [5, с. 17]. Ценностные ориентации выражают сознательное отношение человека к социальной действительности и определяют мотивацию его поведения, оказывают существенное влияние на все стороны его деятельности. Ценностные представления о значимости тех или иных факторов формируются в процессе социализации учащихся. В целях выяснения характерного набора ценностных ориентаций типичных представителей учащейся молодежи нами было проведено социологическое исследование в форме анкетирования.

С использованием стандартной методики М. Рокича получены данные о ценностных ориентациях 152 студентов Новочеркасского промышленно-гуманитарного колледжа (НПГК). Методика базировалась на сопоставлении расположенных в алфавитном порядке 18 ценностей-целей и 18 ценностей-средств. Каждую из них предлагалось оценить по пятибалльной системе в соответствии с ее значимостью для конкретного учащегося. Затем был проведен сравнительный анализ результатов нашего исследования (2010 г.) и результатов исследования в четырех колледжах г. Казани в 1991 г. [5, с. 17]. Как результат были сформулированы следующие аналитические позиции.

Относительно ценностей-целей у студентов отмечается повышение интереса к материально обеспеченной жизни (в 1991 г. – 4,5, в 2010 г. – 4,64 балла); к активной деятельной жизни (в 1991 г. – 3,28, в 2010 г. – 4,11 балла). Одновременно отмечается снижение интереса к трудовой деятельности (в 1991 г. – 4,4, в 2010 г. – 3,5 балла); общественному признанию (в 1991 г. – 4,35, в 2010 г. – 3,45 балла); свободе как независимости в поступках (в 1991 г. – 4,18, в 2010 г. – 3,55 балла); общей хорошей обстановке в стране (в 1991 г. – 4,14, в 2010 г. – 3,73 балла); красоте природы и искусства (в 1991 г. – 3,89, в 2010 г. – 3,4 балла); равенству как равным возможностям для всех (в 1991 г. – 3,79, в 2010 г. – 3,33 балла).

Относительно ценностей-средств студенты 2010 г. уделяют больше внимания развитию таких качеств характера, как смелость, твердая воля, рационализм (данные возросли с 4,31 балла в 1991 г. до 4,39 в 2010 г.; 4,26 в 1991 г. до 4,50 в 2010 г.; 4,15 в 1991 г. до 4,32 в 2010 г. соответственно). Наивысший подъем отмечается в категориях «образованность» – с 4,03 балла в 1991 г. до 4,52 в 2010 г., «исполнительность, дисциплинированность» – с 3,73 в 1991 г. до 4,17 балла в 2010 г. Отмечается резкое снижение ценности аккуратности, широты взглядов с 4,09 балла в 1991 г. до 3,66 в 2010 г.

Наиболее настораживающим является снижение показателей ценности категорий «терпимость к взглядам и мнениям других» с 3,92 балла в 1991 г. до 3,83 в 2010 г., «умение прощать другим их ошибки» с 3,92 балла в 1991 г. до 3,80 в 2010 г.; «непримиримость к недостаткам своим и других» с 3,66 балла до 3,29 (данная категория ценностей имеет двойное значение: с одной стороны, это стремление к саморазвитию, а с другой – мелочная придирчивость).

В динамике ценностных ориентаций молодежи наметились новые аспекты, связанные с освоением так называемых «рыночных» ценностей. В то же время можно проследить сохранение традиционных, базовых для российского общества предпочтений. Все также для современной молодежи большое значение имеет семья, дружба, любовь, работа, образование [6, с. 12, 20]. Изменения преимущественно затронули ряд инструментальных ценностей.

Большое значение для адаптации в современном обществе стали иметь предприимчивость, прагматизм, рациональность, инициативность, энергичность, коммуникабельность. Такие инструментальные ценности помогают добиться материального успеха, но иногда вступают в противоречие с коммуникативными ценностями, связанными с потребностью в моральном оценивании, одобрении, определении соответствия своего поведения общепринятым образцам. Ориентация на дружбу плохо согласуется с прагматизмом и предприимчивостью.

На наш взгляд, сегодня невозможно создать обобщенную структуру ценностей студенчества. Единства общей культурной ориентации в студенческой среде не достигнуто. Система ценностей вузовской молодежи отличается некоторой неоднозначностью, размытостью. Противоречия, возникающие в структуре ценностей, отражают транзитивный характер современного общества.

Однако в сознании современного студенчества можно выделить некоторые общие тенденции: коллективизм постепенно сменяется индивидуализмом, студенты все больше переориентируются с общественных проблем на личные, наблюдается преобладание материальных ценностей над духовными. Доминирование материальных, статусных ценностей также не позволяет создать гармоничную структуру ценностей современного российского студенчества.

Мы провели исследование специфики ценностных ориентаций студентов высших учебных заведений г. Новочеркаска. В анкетировании участвовали студенты первого и четвертого курсов инженерно-мелиоративного факультета (182 человека) Новочеркасской государственной мелиоративной академии (НИМИ) и экономического факультета (190 человек) Новочеркасской государственной мелиоративной академии (НИМЭ). Результаты исследования показали, что произошла трансформация ценностей.

К концу обучения у студентов повышается значимость перспектив карьерного роста (31,2% первокурсников и 43,5% четверокурсников). Старшекурсники становятся более меркантильными, у них вырастает приоритет материальных факторов в трудовой деятельности (32,4 и 38% соответственно). Однако студенты четвертого курса считают, что «только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни» (53,7% опрошенных), то есть

труд является для них не только источником средств к существованию, но и сферой приложения и развития знаний и способностей, сферой, где удовлетворяются социальные, коммуникативные потребности индивидов. Однако в ситуации выбора большая часть студентов предпочтет материальную обеспеченность и устойчивый социальный статус полноценной реализации профессиональных интересов, если они не смогут совместить эти две стороны жизнедеятельности.

Отметим, что в условиях недостатка финансовых возможностей трансформируются и образовательные намерения молодежи, которая в ситуации ограниченного выбора вынуждена ориентироваться на любой вуз и любую специальность. Так, 12,3% первокурсников и 15,6% четверокурсников отметили, что основным фактором при выборе специальности являлись материальные возможности семьи, а также наличие связей и знакомств (14 и 18% соответственно).

По данным авторского исследования, наиболее приоритетными жизненными целями являются: крепкая семья, крепкое здоровье, настоящая любовь, материальный достаток. Общественное признание как ценность оказалось в конце списка, что свидетельствует об озабоченности современной молодежи прежде всего своими личными проблемами.

Подводя итог, отметим, что тенденция прагматизма, только обозначившаяся в 1990 г., в современной России все более усиливается и переходит в стадию эгоизма, яркого индивидуализма, стремления к материальному достатку, отсутствию толерантности к непохожим на себя людям. Но остается «верность» традиционным ценностям: семья, любовь, друзья, интересная работа.

Индивидуалистические ценности, проникая в жизнь и молодежную среду, нивелируют и искореняют традиционную аксиологическую систему, а сама погоня за прибылью, благами, материальным благополучием приводит к утрате ценности собственной жизни. На фоне снижения ценности духовно-нравственного содержания деятельности, человеколюбия, гуманизма, происходит эгоизация и индивидуализация межлических отношений в сторону выгоды и полезности. Эти изменения произошли не по внутренней потребности личности студенческой молодежи. Им способствовала ситуация одиночества оказавшегося без средств к выживанию человека перед лицом кризиса глобальных социальных трансформаций.

Библиографический список

1. Ковалева А.И., Луков С.И. Социология молодежи: теоретические вопросы. М., 1999.
2. Климова С.Г. Изменение ценностных оснований идентификации // Социс. 1995. № 1.
3. Шумилов В.К. Экономическое сознание старшеклассников // Социс. 2003. № 1.
4. Попов Ю.Н., Исламишин В.Г. Изменение мотивационно-ценностных ориентаций учащейся молодежи // Социс. 1999. № 6.
5. Осипов П.Н. Ценностные ориентации учащихся // Среднее специальное образование. 1991. № 8. С. 17–19.
6. Якунина И.С. Динамика структуры ценностных ориентаций студенчества среднего российского города: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2007.

S.V. Tsvetkov
**Corporate Values
of an Organization Functioning
in a Network Society**

The processes of formation of new production relations and a new social structure in modern conditions are revealed. The systems of corporate values of a network organization are analyzed.

Key words and word-combinations: corporate culture, corporate values, network society.

Показаны процессы формирования новых производственных отношений и новой социальной структуры в современных условиях. Анализируются системы корпоративных ценностей сетевой организации.

Ключевые слова и словосочетания: корпоративная культура, корпоративные ценности, сетевое общество.

УДК 316.77+316.354
ББК 60.550.74

С.В. Цветков

КОРПОРАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ, ФУНКЦИОНИРУЮЩЕЙ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Активное развитие новых технологий, их широкое распространение и стремительное увеличение количества пользователей сети Интернет создают фундамент для значительных изменений в социально-политической, экономической и культурной сферах. В связи с переходом к информационному обществу возникает становление новой общей социальной структуры, рядом исследователей обозначаемой как «сетевое общество» [1]. На фоне формирования новых производственных отношений, характерных для информационного общества, и социальных отношений, свойственных для сетевого общества, происходит пересмотр всей системы регуляторов социального взаимодействия, и в частности – корпоративных ценностей.

Представляется интересным рассмотреть модель корпоративных ценностей, формирующуюся в информационном обществе. Проведенный с учетом фактора включенности современной организации в сетевые структуры и отношения анализ особенностей ее внутренней и внешней среды позволяет определить основные векторы развития указанных ценностей в сетевом обществе.

Основополагающими целями организации традиционно являются эффективное использование всех имеющихся у нее ресурсов, защита внутренней среды от негативных внешних факторов и качественное выполнение

определенной социальной функции [2]. В соответствии с ними формируются основополагающие ценности организации.

Фундаментальными ценностями современного предприятия выступают стабильность (устойчивая способность организации к поддержанию собственной жизнеспособности) и успешность (способность организации удовлетворять определенные потребности социальной среды).

Стабильность организации достигается за счет эффективного использования ресурсов, создания комфортной для труда и творчества среды, установления в компании определенного порядка взаимодействия. Стремление к стабильности вызывает к жизни такие ценности, как экономичность, дисциплинированность, исполнительность, безопасность, справедливость. Обратим внимание, что все эти ценности направлены большей частью на формирование эффективных внутренних процессов и не всегда являются залогом коммерческой успешности организации.

Успешной становится организация, продукцию которой приобретают или хотят приобретать, услугами которой пользуются или хотят пользоваться, в которой мечтают работать, на которую хотят быть похожими партнеры и конкуренты. Иными словами, судить об успешности позволяют не столько внутренние характеристики организации, сколько характер восприятия ее деятельности внешними аудиториями. Поэтому стремление к успешности заставляет включать в систему корпоративных ценностей такие важные в целом для клиентов, партнеров, инвесторов и потребителей положения, как порядочность, честность, качество, новаторство, надежность, оперативность, социальная ответственность [3].

Стабильность, основанная на ценностях экономичности, дисциплинированности, исполнительности, безопасности и справедливости, и успешность, достигаемая за счет порядочности, честности, стремления к качеству, новаторству, надежности, оперативности, социальной ответственности, – так, на наш взгляд, можно в общих чертах описать систему корпоративных ценностей современного типового предприятия.

Приступая к анализу системы корпоративных ценностей сетевой организации, прежде всего обратим внимание на то, что в условиях информационного общества стабильность теряет свое высокое значение для хозяйствующего субъекта [4, с. 85]. Более того, она в определенной степени становится препятствием. Социальное окружение организации в информационном обществе очень динамично, а следовательно, более гибкой предстоит быть и организации. Она должна быть составлена не из жестких связей, а из множества свободных звеньев, которые могут в любой момент подключиться к сети и отключиться от нее. Таким образом, на смену стабильности как ценности приходят маневренность и гибкость. Это не может не сказаться и на втором уровне системы ценностей. Стремление к маневренности вызывает к жизни такие ценности внутренней системы, как креативность, открытость, доверие, самоуправляемость, инициативность, коммуникабельность.

В отличие от индустриального общества, в современных условиях постиндустриализма спрос на актуальные товары и услуги не столько удовлетворяется, сколько целенаправленно формируется. В процессе конкурентной борьбы про-

изводители изобретают все новые продукты и продвигают их на рынок вне зависимости от того, имеется ли в них осознанная обществом потребность. Им кажется, что «малейшая остановка на пути изыскания новых технологических и организационных решений чревата отставанием от конкурентов и неизбежным крахом компании» [5, с. 52]. Естественно, что в таких условиях мобилизация и развитие творческих способностей работников компании напрямую связывается с обеспечением ее выживания и развития. Поэтому важнейшими ценностными ориентирами сетевого предприятия являются креативность и инновационность.

Под креативностью следует понимать способность сотрудников и организации находить новые идеи и решения, предлагать продукты с недоступными ранее характеристиками; под инновационностью – способность организации к реализации этих новых идей и решений на практике. Примечательно, что данные ценности заложены в самой сути динамичных сетевых структур. Наличие прямых равноправных связей всех участников со всеми обеспечивает сетевым структурам превосходство над иерархическими в скорости, темпе, степени непредсказуемости совершения действия.

Корпоративные ценности, подобно всем прочим узлам в сети, тесно переплетены и взаимосвязаны. Так, инновационность компании основана на открытости информационных ресурсов организации для всех ее членов и на открытости информационных ресурсов всех сотрудников для организации, к которой они принадлежат. В то же время сами эти информационные ресурсы формируются и постоянно пополняются благодаря ориентации организации на ценности инноваций. Происходит это во многом благодаря организационной природе «сетевых образований». Сетевая организация образуется посредством того, что человек, обладающий определенными востребованными ресурсами, знаниями, вступая в сообщество, предоставляет их и взамен получает доступ к ресурсам других участников. Осуществляется взаимный обмен, полезный для всех, с помощью которого вырастают, связываются воедино, накапливаются и реализуются материально-технические ресурсы, клиенты, репутации, доступ к которым имеют участники формирующейся сети.

Предлагая свои знания и умения, сотрудник получает взамен знания и умения всех членов организации. Такой взаимообмен прекрасно иллюстрирует практика работы организаций по стандартизации, например ISO. Члены организации получают доступ к стандартам сети и принимают участие в их совершенствовании, причем в процессе разработки стандартов участники ассоциации получают возможность отслеживать изменения, которые будут внесены в их деятельность в ближайшее время, или самим определять новые требования. Если один из участников сети совершает технологический прорыв, он, при определенных условиях, может внести свои новации в стандарты, получит некоторые преимущества на то время, пока эти новации не смогут внедрить другие участники ассоциации. Это заставляет членов объединения двигаться вперед и развиваться.

Таким образом, система коммуникаций организации, принятие ценностей открытости и коммуникативности выполняют функцию катализатора процес-

сов творчества и внедрения инноваций. В этом случае ключевое значение приобретает проблема доверия членов сети друг к другу.

Степень доверия участников взаимодействия во всех культурах является характеристикой, непосредственно влияющей на эффективность совместной работы, решения сложных вопросов. В сетевом предприятии это особо значимо, ведь сама суть действий сети заключается в минимизации противоречий между различными подразделениями, препятствующих обмену информацией и согласованию усилий по решению общих задач. Доверие порождает слаженность в работе коллектива и тем самым способствует быстрой выработке решений, взаимозаменяемости, нацеленности на реализацию общих задач компании. Оно ускоряет процесс принятия и реализации решений, усиливает конкурентоспособность компании, то есть придает предприятию именно те характеристики, которые необходимы для успешности в сетевой экономике.

Доверие – не просто одно из значимых условий качественного взаимодействия в сети. Сеть сама предоставляет уникальные возможности в установлении доверия в рабочей группе, ведь там, где есть возможность осуществлять многочисленные связи с профессионалами разных сфер, можно без труда получить информацию об опыте партнера, реализованных с его участием проектах, убедиться в его профессионализме, результативности, предсказуемости и открытости к обсуждению проблем.

Постоянное стремление к инновациям, перманентное состояние организационного творчества возможны лишь в коллективе инициативных людей, и в этом также заключается одно из ключевых отличий корпоративных ценностей сетевого предприятия от всех существовавших ранее. Переход к сетевой форме организации взаимодействия и к инновационности предприятия подразумевает широкое участие работников в данном процессе.

Чем больше у организации источников знания, тем больше у нее возможностей найти уникальное решение какой-либо проблемы. Значит, важнейшая задача руководства сетевой организацией – сделать так, чтобы сотрудники не прятали свои знания, не хранили их лишь для собственной выгоды. Имеется в виду то, о чем уже упоминалось: и открытость, и доверие, и коммуникабельность, и, безусловно, инициативность.

Благодаря всему этому в сети коренным образом меняется содержание понятия лидерства. Лидером в сетевой организации может стать любой человек или компания, обладающие финансовыми, производственными, коммуникативными, экспертными или иными ресурсами, актуальными и важными для работы сети в данное конкретное время.

На основе такого понимания лидерства формируется полицентричная система управления, основанная на «экспертном» способе сетевого самоуправления. Если ранее все решения принимались начальством и затем спускались по вертикали власти к конечным исполнителям, то теперь создаются множество экспертных центров, принимающих решения по конкретному спектру вопросов, входящих в сферу их компетенции. При этом, как правило, решения от имени всей рабочей группы принимает человек, который признан ячейкой наиболее компетентным в данном вопросе.

В приведенной модели корпоративных ценностей отражено авторское видение ближайшего будущего аксиосферы корпоративной культуры. Эта модель крайне абстрактна, но даже она прекрасно демонстрирует важнейшие ценностные дилеммы, стоящие перед современными организациями. Так, главная проблема настоящего периода – отказ от стабильности, жестких связей, четких процедур в пользу определенной свободы, независимости и гибкости. Еще один вопрос – внедрение ценности «открытость». Ранее обеспечить стабильную защищенность компании от конкурентов можно было, в частности, с помощью защиты информации, связанной с деятельностью компании, теперь ценность сетевого продукта зависит от количества подключенных к нему потребителей. Большие сложности вызывает также разрешение противоречия «исполнительность – инициативность». Стремлением превратить человека в «колесико» и «винтик» огромного процесса производства представители административной школы управления внесли весомый вклад в психологию современной личности. Превратить человека обратно в деятельного субъекта – сложная задача, стоящая уже перед современными менеджерами.

Библиографический список

1. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 494–505.
2. *Маслов Е.В.* Управление персоналом предприятия: учеб. пособие / под ред. П.В. Шеметова. М., 1999.
3. *Жуплев А.* Ключевое условие успеха (анализ подходов компаний США к проблеме «миссия и философия фирмы») // Управление персоналом. 1999. № 12. С. 28–36.
4. *Уэбстер Ф.* Теории «информационного» общества. М., 2004.
5. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.

I.N. Tarasov
Monograph Review:
Crouch C. Post-Democracy. –
Moscow: State University –
High School of Economy Press,
2010. – 192 p.

УДК 316.334.3:321
ББК 60.561.3:66.03

И.Н. Тарасов

**РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ:
Крауч К. Постдемократия. –
М.: Изд. дом Гос. ун-та –
Высшей школы экономики,
2010. – 192 с.**

В центре внимания Колина Крауча – британского социолога и политолога, профессора Бизнес-школы Уорикского университета (г. Ковентри) – находятся функциональные изменения демократических институтов в современном западном обществе. К. Крауч (р. 1944 г.) приобрел известность в Британии еще в 1970-х годах, когда им были опубликованы работы «Студенческая революция» (1970) и «Классовый конфликт и кризис производственных отношений» (1977). Но самой нашумевшей его книгой стала «Постдемократия». Сегодня Колин Крауч – один из лидеров Фабианского общества. Эти сведения об авторе помогут читателю понять основной идейный мотив концепции «постдемократического мира».

Рецензируемая монография стала результатом многолетнего труда профессора Крауча. Первая статья, содержание которой легло в основу монографии, была опубликована им еще в 1999 г. В 2004 г. вышла публикация под

броским названием «Постдемократия» на английском и итальянском языках. Позднее текст был переведен на испанский, сербо-хорватский, греческий, немецкий, японский и корейский языки. Так что тема трансформации демократических институтов на Западе, развиваемая К. Краучем, вполне знакома зарубежному научному сообществу. Наконец, в 2010 г. вышло русское издание.

Рассуждения автора о судьбах современной западной демократии начинаются с выяснения социальных условий, которые в XX в., особенно во второй его половине, способствовали широкому распространению и консолидации демократических институтов на Западе.

Установление всеобщего избирательного права, формирование политических партий современного типа было бы невозможно без массового политического субъекта – политически активных граждан, в первую очередь трудящихся. Сама суть кейнсианского капитализма требовала демократической легитимности. Гражданская активность привела к выстраиванию такой модели демократии на Западе, которую в политической науке принято называть партиципаторной.

Ситуация меняется к началу XXI века, когда массовый политический субъект в западных полициях обнаруживается все с большим трудом. К. Крауч указывает на то, что «...существует также важное различие между двумя представлениями об активном демократическом гражданине, которые в оптимистических дискуссиях оставляются без внимания. По первому представлению имеется позитивное гражданство, когда группы и организации сообща создают коллективные идентичности, осознают интересы этих идентичностей и самостоятельно формулируют требования, основанные на них, которые они предъявляют политической системе. По второму – негативный активизм обвинений и недовольства, когда главной целью политики оказывается призыв политиков к ответу, когда их голову кладут на эшафот, а их публичный образ и частное поведение подвергаются тщательному изучению... Демократия нуждается в обоих этих подходах к гражданству, но в настоящее время все большую роль играет негативная составляющая. Это вызывает особое беспокойство, потому что именно позитивное гражданство отвечает за созидательность демократии. С пассивным подходом к демократии негативную модель, при всей ее агрессии против правящего класса, объединяет идея, что политика, по сути, является делом элит, которых недовольные наблюдатели обвиняют и стыдят, обнаруживая, что те допустили какую-то провинность» (с. 28–29).

Именно такое перерождение демократического порядка может быть охарактеризовано как «постдемократия».

Постдемократия К. Крауча не означает кризиса демократии как политического режима. «Под постдемократией понималась система, в которой политики все сильнее замыкались в своем собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на рекламе и маркетинговых исследованиях, в то время как все формы, характерные для здоровых демократий, казалось, оставались на своем месте» (с. 7). Демократические институты никуда не исчезают, они по-прежнему определяют форму политики, однако изменяется ее содержание. Место массового политического субъекта замещается корпорациями, для которых лоббизм – инвестиция, в противоположность гражданскому обществу, для которого влияние на правительственные решения – убытки (с. 96).

Симптомы постдемократии проявляются в «уходе» граждан из политики, в смещении функций партий, в возрастающей зависимости правительств от корпораций. К. Крауч приводит многочисленные примеры, когда граждане, не усматривая существенных различий в предвыборных программах кандидатов и политических партий, проявляют массовый абсентеизм (с. 38–39). Партии теряют важнейшие функции агрегирования, артикулирования и репрезентации социальных интересов, превращаясь в функционально необходимые элементы политической системы или деградируя к лоббизму корпоративных интересов.

Определяя контуры будущего, К. Крауч противопоставляет либерализм и демократию. По его мнению, демократия стремится к равенству политических возможностей различных социальных групп. «... Чем сильнее акцент на равенстве политических возможностей, тем выше вероятность появления правил и ограничений, направленных на сокращение неравенства и угрожающих акценту либерализма на свободе и многообразии форм деятельности» (с. 32–33). «Возвращение» массового политического субъекта представляется возможным при выдвижении демократических, а вернее – социалистических альтернатив корпоративному капитализму.

Многие выводы К. Крауча необходимо признать справедливыми. Недоумение вызывает лишь интерес к его концепции не только на Западе (к примеру, первый номер за 2011 г. немецкого журнала «Aus Politik und Zeitgeschichte» полностью посвящен рассматриваемой идее), но и в посткоммунистическом ареале.

Поверхностное сходство симптомов еще не означает совпадения причин явления. Постдемократическое состояние может быть достигнуто лишь при условии существования в прошлом партиципаторной демократии, ее нормативно функционирующих политических институтов. Смее предположить, что посткоммунистический мир находится вне такой угрозы. Как представляется, концепция постдемократии К. Крауча может быть обращена лишь к политиям Запада и не является универсальной.

We Present
the Public Administration Chair
of the Volga Region Academy
for Civil Service
named after P.A. Stolypin

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА**

Кафедра государственного и муниципального управления была образована в 1997 г. в результате реорганизации кафедры управ-

---

ления персоналом и государственной службы и кафедры государственного строительства. В настоящее время это одно из самых больших подразделений академии.

Осуществляемая кафедрой образовательная деятельность связана с профессиональной подготовкой, повышением квалификации, переподготовкой кадров для федеральных, региональных государственных органов, органов местного самоуправления. Сотрудники кафедры нацелены на реализацию «непрерывного обучения», когда формируются и удовлетворяются образовательные потребности на различных стадиях профессионального развития, с четко выраженной целевой установкой каждого вида обучения. Кафедра является выпускающей для специализаций «Региональное управление», «Государственная служба» специальности Государственное и муниципальное управление, для выпускников магистерской программы 081100.68 «Государственное и муниципальное управление». Дисциплины, преподаваемые профессорско-преподавательским составом кафедры, в основном имеют эксклюзивный характер и направлены на развитие компетенций, необходимых в деятельности будущих служащих.

География проведения научных и образовательных программ и проектов довольно широка и дает представление о востребованности наших услуг: Москва, Саратов, Самара, Тольятти, Псков, Мурманск, Вологда, Сыктывкар, Иркутск, Тамбов, Ульяновск, Ростов-на-Дону, Астрахань, Владикавказ, Нижний Новгород, Краснодар, Майкоп, Сургут, Ханты-Мансийск, Пятигорск.

Государственное и муниципальное управление как объект изучения не статично, и потребность в новых знаниях и навыках возникает постоянно. Именно поэтому дополнительное профессиональное образование является еще одной, не менее важной сферой деятельности преподавателей кафедры. Практически во всех реализуемых в академии программах дополнительного профессионального образования есть авторские разделы сотрудников кафедры. Получены многочисленные положительные отзывы от слушателей в отношении качества обучения, актуальности рассматриваемых проблем, высокопрофессионального владения преподавателями материалами программ. Среди наиболее успешных разработок можно назвать следующие программы повышения квалификации:

Актуальные вопросы управления социально-экономическим развитием региона и оценка его эффективности;

Организация предоставления государственных и муниципальных услуг;

Управление государственными финансами в рамках концепции бюджетирования, ориентированного на результат;

Муниципальное управление: регламентация и стандартизация деятельности органов местного самоуправления;

Правовые и социально-этические аспекты деятельности государственной гражданской службы;

Организационные основы местного самоуправления;

Финансово-экономические основы местного самоуправления, управление муниципальными финансами;

Организация и проведение мониторинга качества предоставления государственных и муниципальных услуг;

Антикоррупционные механизмы в деятельности органов власти в контексте реализации административной реформы;

Государственное управление: нормативно-правовое и организационно-кадровое обеспечение государственной службы;

Совершенствование профессионализма деятельности государственных служащих.

Сотрудники кафедры – разработчики программ постоянно осуществляют актуализацию и необходимую дифференциацию образовательных программ в соответствии с необходимыми компетенциями, отраслевыми потребностями, целевыми группами. Некоторые программы повышения квалификации возможно освоить с использованием дистанционных технологий: «Управление персоналом на государственной службе», «Управление конфликтами на государственной службе», «Противодействие коррупции в органах местного самоуправления», «Местное самоуправление».

Многолетний и плодотворный опыт сотрудничества с государственными органами и органами местного самоуправления позволяет не только совместными усилиями определять потребности в обучении, участвовать в аттестации выпускников, но и активно привлекать практиков к преподаванию. На кафедре государственного и муниципального управления преподают работники министерства экономического развития и торговли Саратовской области, управления государственной службы и кадровой политики аппарата Правительства Саратовской области, министерства социального развития Саратовской области, министерства занятости, труда и миграции Саратовской области, министерства по делам территориальных образований Саратовской области, мэрии города Саратова.

Переход к двухуровневой системе образования (бакалавр – магистр) актуализирует разработку учебных программ, дифференцированных по уровням, но в то же время согласованных между собой. Кафедра государственного и муниципального управления первой в академии подготовила к реализации и начала обучение по магистерским программам. Первый академический опыт разработки совместной международной магистерской программы также принадлежит кафедре государственного и муниципального управления: результатом многолетнего взаимодействия с Высшей школой государственного управления и финансов (г. Людвигсбург, ФРГ) стала подготовка программы «Публичный менеджмент в России и Германии».

Научно-исследовательская работа кафедры характеризуется широким спектром интересов. Объектами исследований становились практически все направления реформирования государственного управления, государственной и муниципальной службы. Органы власти Саратовской области, Республики Калмыкия, Республики Коми, Республики Северная Осетия, Республики Адыгея, Псковской области, Мурманской области неоднократно приглашали профессорско-преподавательский состав кафедры к научному сотрудничеству. С 2005 г., после успешной реализации крупных проектов, связанных с научным сопровождени-

---

ем реформы государственной службы, административной реформы, сотрудники кафедры были приглашены в качестве экспертов к участию в проектах Всемирного Банка.

Основные результаты проведенных исследований отражены в научных публикациях преподавателей кафедры, презентациях на научных конференциях. Только за последние два года преподаватели кафедры государственного и муниципального управления выступали с докладами более чем на 20 конференциях, в том числе зарубежных; опубликованы более 40 научных статей. Совместно с сотрудниками органов государственной власти Саратовской области опубликованы монографии: «Организация предоставления муниципальных услуг», «Реализация антикоррупционной политики в муниципальных образованиях»; «Реализация административной реформы в Саратовской области», комментарии к федеральным законам; методические материалы.

Два года подряд (2009, 2010) во Всероссийском конкурсе учебников, учебно-методических материалов для подготовки государственных и муниципальных служащих, проводимом Министерством экономического развития РФ и ФГНУ «Российский центр государственного и муниципального управления» работы преподавателей кафедры занимали призовые места и отмечались призами и грамотами. На VII Всероссийском конкурсе учебных программ и учебно-методических планов профессиональной переподготовки и повышения квалификации специалистов органов государственной власти субъектов РФ и муниципальных образований (2008), организованном Министерством регионального развития РФ, первое место в номинации «Правовое регулирование организации и деятельности органов местного самоуправления» заняла работа Е.В. Масленниковой «Правовое регулирование труда муниципальных служащих».

В качестве экспертов сотрудники кафедры с 2005 г. приглашаются федеральными и региональными государственными органами, органами местного самоуправления для участия в работе конкурсных, аттестационных комиссий, комиссий по урегулированию конфликтов интересов, в коллегии и экспертные советы.

Кафедра активно занимается подготовкой квалифицированных научных кадров. Результаты этой работы подтверждаются числом подготовленных на кафедре аспирантов. Весь профессорско-преподавательский состав кафедры имеет ученые степени, 70% имеют ученые звания профессора или доцента. Одним из стратегически важных направлений остается подготовка и защита докторских диссертаций сотрудниками кафедры.

Развитие персонала кафедры является залогом успешной подготовки высокопрофессиональных специалистов. Сотрудники кафедры не только обращают внимание на самостоятельное профессиональное развитие, но и обучаются на курсах повышения квалификации. Не менее десяти программ повышения квалификации в год – уже устоявшаяся традиция.

В воспитательной работе кафедра ориентирована на формирование социальных умений и навыков взаимодействия, способностей к индивидуальному и коллективному характеру принятия решений, творческого, конструктивного от-

---

ношения к проблемам, с которыми предстоит встретиться студенту в будущем; на создание условий, способствующих формированию активной жизненной позиции. Идеология служения интересам общества непосредственно связана с воспитанием гармонично развитых специалистов, повышением их духовности и культуры; с развитием не только познавательных, но и профессиональных мотивов и интересов в обучении; формированием системного и продуктивного мышления, развитием инициативы, творчества и самостоятельности студента. Кафедра государственного и муниципального управления – это профессиональный, развивающийся, дружный, обаятельный коллектив единомышленников.

*Е.В. Масленникова, заведующий кафедрой
государственного и муниципального управления,
канд. социол. наук, профессор*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абубекеров Рустам Владиславович – аспирант кафедры философии Саратовского государственного технического университета
e-mail: rustama07@mail.ru

Агафонова Наталья Юрьевна – аспирант кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной академии права
e-mail: agafonovanatalia@yandex.ru

Барышная Наталия Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления филиала Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина в г. Балакове
e-mail: nirpags@balakovo.info

Быченко Юрий Григорьевич – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: bychenkodu@gmail.com

Волкова Ольга Александровна – профессор кафедры экономики и управления филиала Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина в г. Балашове
e-mail: volkovaoa@rambler.ru

Грызунова Галина Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры инновационного менеджмента Восточно-Казахстанского государственного технического университета имени Д. Серикбаева (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск)
e-mail: galina_gryzunova@mail.ru

Добрин Кирилл Юрьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента туристического бизнеса Саратовского государственного технического университета
e-mail: dobrin_k@mail.ru

Думан Марина Олеговна – аспирант кафедры общей экономической теории Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: duman.marina@mail.ru

Дьяченко Инна Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических наук Югорского государственного университета (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск)
e-mail: I_Dyachenko@ugrasu.ru,

Есина Оксана Юрьевна – соискатель кафедры социальной и теоретической философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: oksana801@inbox.ru

Завьялова Мария Сергеевна – преподаватель кафедры иностранных языков Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова
e-mail: mariazav@inbox.ru

Зеткина Юлия Владимировна – соискатель кафедры социологии, научный сотрудник сектора социально-экономических программ НИИ регионологии Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева (г. Саранск)
e-mail: zetkina@mail.ru

Казакова Елена Владимировна – ассистент кафедры управления персоналом Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: e1enakazakova@mail.ru

Корюкин Алексей Петрович – аспирант кафедры рекламы и связей с общественностью Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского
e-mail: korukin77@rambler.ru

Краснощёкова Екатерина Александровна – аспирант кафедры экономической теории и экономики труда Саратовского государственного технического университета
e-mail: KrasnoschekovaEA@saratov.gov.ru

Лебеденко Ольга Алексеевна – аспирант кафедры истории и философии Новочеркасской государственной мелиоративной академии
e-mail: olgaleb08@rambler.ru

Липчанская Мария Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Саратовской государственной академии права
e-mail: lipchan_maria@mail.ru

Лопухин Владимир Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и экономики труда Саратовского государственного технического университета
e-mail: noo_sfera@mail.ru

Лукин Евгений Евгеньевич – аспирант кафедры социологии Саратовского государственного технического университета
e-mail: evgen.e@mail.ru

Манахов Ильяс Анвярович – ассистент кафедры общего литературоведения Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: ilyasmanahov@hotmail.com

Марков Евгений Алфеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории культуры Череповецкого государственного университета
e-mail: marevgeny@inbox.ru

Матвеева Елена Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Кемеровского государственного университета
e-mail: mev@kemcity.ru

Мельник Александр Викторович – аспирант кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: melnikalex@list.ru

Милюкова Олеся Владимировна – старший преподаватель кафедры права и правовых проблем кооперации Поволжского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации (г. Энгельс)
e-mail: miljukova@bk.ru

Мокин Константин Сергеевич – доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе филиала Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина в г. Балакове
e-mail: nirpags@balakovo.info

Москаленко Олег Леонтьевич – соискатель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пограничной академии ФСБ России (г. Москва)
e-mail: omol_87@rambler.ru

Напалкова Ирина Геннадьевна – старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Политический анализ территориальных систем», докторант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева (г. Саранск)
e-mail: zamisi@yandex.ru

Остапец Оксана Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин филиала Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина в г. Балакове
e-mail: ostapec@bk.ru

Плотникова Ирина Викторовна – адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Саратовского юридического института МВД России
e-mail: irina.to2010@yandex.ru

Попова Екатерина Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Северо-Кавказской академии государственной службы (г. Ростов-на-Дону)
e-mail: popova@skags.ru, pasechnik2005@yandex.ru

Потапов Денис Викторович – аспирант кафедры международных отношений и регионоведения Воронежского государственного университета
e-mail: potapov-1984@yandex.ru

Прохоренко Ирина Львовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО РАН) (г. Москва)
e-mail: strigoral@mail.ru, irinapr@imemo.ru

Спиридонова Камила Акифовна – аспирант кафедры менеджмента организации Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: kamila-sardarova@yandex.ru

Стельмах Анастасия Михайловна – аспирант кафедры социальных и гуманитарных наук Балаковского института техники, технологии и управления – филиала Саратовского государственного технического университета
e-mail: nastia.stelmah@yandex.ru

Стрижова Анна Федоровна – аспирант кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: a25a25a@rambler.ru

Тарасов Илья Николаевич – доктор политических наук, заведующий кафедрой философии и политологии Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: Tarasov@ssea.runnet.ru

Темаев Тимур Вадудович – кандидат социологических наук, докторант кафедры социологии Саратовского государственного технического университета
e-mail: timur_temaev@mail.ru

Тотикова Татьяна Евгеньевна – доцент кафедры финансов, кредита и налогообложения Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: totikov_@mail.ru

Филиппова Ирина Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Ульяновского государственного технического университета
e-mail: ean@ulstu.ru

Хиневич Евгения Сергеевна – старший преподаватель гуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина в г. Балашове
e-mail: truntova18@mail.ru

Цветков Сергей Валерьевич – аспирант кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
e-mail: cvetkof@mail.ru

Чернов Евгений Александрович – аспирант кафедры истории и этноконфессиональных отношений Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: chernov8@list.ru

Чистов Роман Сергеевич – старший преподаватель кафедры управления персоналом Сибирского государственного технологического университета (г. Красноярск)
e-mail: ChistovRS@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rustam Vladislavovich Abubekеров – post students student of the Philosophy Chair, Saratov State Technical University
e-mail: rustama07@mail.ru

Natalia Yurievna Agafonova – post-graduate student of the Administrative and Municipal Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: agafonovanatalia@yandex.ru

Natalia Alexandrovna Baryshnaya – Candidate of Politics, docent of the Public Administration Chair, the Branch of the Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin in Balakovo
e-mail: nirpags@balakovo.info

Yuri Grigorievich Bychenko – Doctor of Sociology, Professor of the Economic Sociology Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: bychenkodu@gmail.com

Olga Alexandrovna Volkova – Professor of the Economics and Management Chair, Branch of the Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin in Balashov
e-mail: volkovaoa@rambler.ru

Galina Vasilievna Gryzunova – candidate of psychological sciences, the senior lecturer of the Innovation Management Chair, East Kazakhstan State Technical University of D. Serikbayev
e-mail: galina_gryzunova@mail.ru

Kirill Yurievich Dobrin – Candidate of Sociology, docent of the Tourism Management Chair, Saratov State Technical University
e-mail: dobrin_k@mail.ru

Marina Olegovna Duman – post-graduate student of the General Economic Theory Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: duman.marina@mail.ru

Inna Nikolaevna Diyachenko – Candidate of Philosophy, docent of the Philosophy and Social-Political Sciences Chair, Ugra State University (Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra, Khanty-Mansiysk)
e-mail: I_Dyachenko@ugrasu.ru

Oksana Yurievna Yesina – competitor of the Social and Theoretical Philosophy Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: oksana801@inbox.ru

Maria Sergeevna Zavyalova – lecturer of the Foreign Languages Chair, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov
e-mail: mariazav@inbox.ru

Yulia Vladimirovna Zetkina – competitor for the Sociology Chair, Scientific employee of the Sector of Social and Economic Programmes of Scientific and Research Institute of Regional Studies of Mordovia State University named after N.P. Ogarev (Saransk)
e-mail: zetkina@mail.ru

Elena Vladimirovna Kazakova – assistant lecturer of the Personnel Management Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: e1enakazakova@mail.ru

Aleksey Petrovich Koryukin – post-graduate student of the Advertising and PR Chair, Bryansk State University named after I.G. Petrovsky
e-mail: korukin77@rambler.ru

Ekaterina Alexandrovna Krasnoschekova – post-graduate student of the Economic Theory and Labor Economy Chair, Saratov State Technical University
e-mail: KrasnoschekovaEA@saratov.gov.ru

Olga Alekseevna Lebedenko – post-graduate student of the History and Philosophy Chair, Novocheboksarsk State Land Reclamation Academy
e-mail: olgaleb08@rambler.ru

Maria Alexandrovna Lipchanskaya – Candidate of Law, docent of the Constitutional and International Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: lipchan_maria@mail.ru

Vladimir Yurievich Lopuhin – Candidate of Economics, docent of the Economic Theory and Labor Economy Chair, Saratov State Technical University
e-mail: noo_sfera@mail.ru

Evgeny Evgenievich Lukin – post-graduate student of the Sociology Chair, Saratov State Technical University
e-mail: evgen.e@mail.ru

Ilyas Anvyarovich Manakhov – assistant lecturer of the General Literary Criticism Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: ilyasmanahov@hotmail.com

Evgeny Alfeevich Markov – Candidate of Politics, docent of the Theory and History of Culture Chair, Cherepovets State University
e-mail: marevgeny@inbox.ru

Elena Viktorovna Matveeva – Candidate of Politics, docent of the Political Sciences Chair, Kemerovo State University

e-mail: mev@kemcity.ru

Alexander Viktorovich Melnik – post-graduate student of the Theoretical and Social Philosophy Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

e-mail: melnikalex@list.ru

Olesya Vladimirovna Milyukova – senior lecturer of the Law and Legal Problems of Cooperation Chair, Volga Region Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation (Engels)

e-mail: miljukova@bk.ru

Konstantin Sergeevich Mokin – Doctor of Sociology, docent of the Public Administration Chair, the Branch of the Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin in Balakovo

e-mail: nirpags@balakovo.info

Oleg Leontievich Moskalenko – competitor of the Humanities and Social-Economic Disciplines Chair, the Russian Federation Federal Security Service Border Academy

e-mail: omo1_87@rambler.ru

Irina Gennadievna Napalkova – senior scientific employee of the scientific-educational centre “Political Analysis of Territorial Systems”, doctoral student of the World History and the Global Political Process Chair, Mordovian State University named after N.P. Ogarev (Saransk)

e-mail: zamisi@yandex.ru

Oksana Grigorevna Ostapets – Candidate of Law, Docent of the Legal Disciplines Chair, Balakovo Branch of the Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin

e-mail: ostapets@bk.ru

Irina Viktorovna Plotnikova – post-graduate student of the Criminal Law and Criminology Chair, Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

e-mail: irina.to2010@yandex.ru

Ekaterina Alexandrovna Popova – Candidate of Economics, docent of the Management Chair, North Caucasian Academy of Civil Service (Rostov-on-Don)

e-mail: popova@skags.ru, pasechnik2005@yandex.ru

Denis Viktorovich Potapov – post-graduate student of the International Relations and Regional Studies Chair, Voronezh State University

e-mail: potapov-1984@yandex.ru

Irina Lvovna Prokhorenko – Candidate of Politics, senior scientific employee, the World Economy and International Relations Institute of the Russian Academy of Science (IMEMO RAN) (Moscow)

e-mail: strigoral@mail.ru, irinapr@imemo.ru

Kamila Akifovna Spiridonova – post-graduate student of the Organization Management Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: kamila-sardarova@yandex.ru

Anastasia Mikhailovna Stelmakh – post-graduate student of the Social Sciences and Humanities Chair, Balakovo Institute of Engineering, Technology and Management – branch of the Saratov State Technical University
e-mail: nastia.stelmah@yandex.ru

Anna Fedorovna Strizhova – post-graduate student of the Politics Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: a25a25a@rambler.ru

Iliya Nikolaevich Tarasov – Doctor of Politics, Head of the Philosophy and Politics Chair, Saratov State Social-Economic University
e-mail: Tarasov@ssea.runnet.ru

Timur Vadudovich Temaev – Candidate of Sociology, doctoral student of the Sociology Chair, Saratov State Technical University
e-mail: timur_temaev@mail.ru

Tatiana Evgenievna Totikova – docent of the Finance, Credit and Taxation Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: totikov_@mail.ru

Irina Alexandrovna Filippova – Candidate of Economics, docent of the Economic Theory Chair, Ulyanovsk State Technical University
e-mail: ean@ulstu.ru

Evgenia Sergeevna Khinevich – senior lecturer of the Humanities and Natural Sciences Chair, Branch of the Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin in Balashov
e-mail: truntova18@mail.ru

Sergey Valerievich Tsvetkov – post-graduate student of the Philosophy Chair, Sankt-Petersburg State Electro-Technical University
e-mail: cvetkof@mail.ru

Evgeny Alexandrovich Chernov – post-graduate student of the History and Ethnic-Confessional Relations, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: chernov8@list.ru

Roman Sergeevich Chistov – senior lecturer of the Human Resource Management Chair, Siberian State Technological University (Krasnoyarsk)
e-mail: ChistovRS@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Напалкова И.Г.

Анализ центрально-периферийных отношений
в федеративном государстве в свете теории элит 4

Попова Е.А.

Политические аспекты антропоцентрического подхода
к региональному развитию 11

Грызунова Г.В.

Трансформация ценностно-этических оснований государственной службы
в России и Казахстане 18

Манахов И.А.

Из опыта подготовки государственно-административного аппарата:
чиновники для империи 25

Москаленко О.Л.

Профессиональный аспект культуры личности
сотрудника береговой охраны 32

Прохоренко И.Л.

Испанская модель местного самоуправления: опыт для России 37

Потапов Д.В.

Российско-украинские отношения: факторы и тенденции развития 45

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

51

Мокин К.С., Барышная Н.А.

Депривационный анализ социальной напряженности:
возможности индикатирования 51

Чернов Е.А.	
Политическая субъектность групп интересов в современной России: исследовательский потенциал системного анализа	61

Стрижова А.Ф.	
Ответственность политической элиты: дефиницирование понятия в российской и англоязычной традициях	66

Милюкова О.В.	
Пределы трансформации политической идентификации	72

Марков Е.А.	
Роль СМИ в конфликте Президента и Верховного Совета России (1993 год)	76

Матвеева Е.В.	
Неофициальная сторона деятельности неправительственных экологических организаций	82

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

89

Агафонова Н.Ю.	
Дисциплинарные взыскания в контексте ответственности государственных гражданских служащих	89

Тотикова Т.Е.	
Актуальные проблемы развития института налоговой ответственности	94

Плотникова И.В.	
Европейский опыт уголовно-правовой охраны кредитных отношений	99

Остапец О.Г.	
Административно-правовые аспекты обеспечения транспортной безопасности в современной России	105

Липчанская М.А.	
Выборы как институт участия граждан в управлении делами государства	110

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

116

Добрин К.Ю.	
Социальная норма в традиционном и современном обществе	116

Зеткина Ю.В.	
Профилактика молодежного наркотизма в структуре антинаркотической политики (на примере Республики Мордовия)	121

Стельмах А.М.	
Особенности брачно-семейных отношений молодежи	126
Казакова Е.В.	
Институциональное взаимодействие рынка труда и образования: концептуальные основы и классификация	130
Завьялова М.С.	
Развитие личностных функций студентов в условиях модульно-рейтингового обучения	136
Хиневич Е.С., Волкова О.А.	
Социологические критерии успешности менеджеров в контексте полилингвизма	141
Темаев Т.В., Лукин Е.Е.	
Гендерная специфика социальной адаптации осужденных третьего возраста	146

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ 155

Быченко Ю.Г., Лопухин В.Ю.	
Человеческий фактор экономики в условиях перехода общества на инновационный путь развития	155
Думан М.О.	
Инновационное развитие основного капитала как антикризисный ресурс	162
Филиппова И.А.	
Инвестиции в основной капитал как главное направление инновационного развития Ульяновской области	168
Чистов Р.С.	
Культура денежных отношений и ее роль в становлении ответственного бизнеса в современной России	178
Корюкин А.П.	
Управление корпоративной культурой в нефтегазовой отрасли России: научно-теоретические подходы и анализ практики	184
Спиридонова К.А.	
Стратегическое планирование в управлении развитием жилищного комплекса региона	189
Краснощёкова Е.А.	
Состояние и актуальные задачи в области охраны труда на российских предприятиях	196

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА:
ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ
200**

Есина О.Ю.

Парадоксальная ситуация «смерти субъекта»
в современной философии 200

Мельник А.В.

Технологическая сторона глобализации:
информационно-коммуникационный аспект изменения
социальной реальности 205

Абубекеров Р.В.

Российская цивилизация в мировом глобализационном процессе 210

Дьяченко И.Н.

Славяно-русская гуманистическая традиция
в современном российском обществе 216

Лебедеико О.А.

Трансформация ценностных ориентаций российского студенчества
в условиях кризисного общества 224

Цветков С.В.

Корпоративные ценности организации,
функционирующей в условиях сетевого общества 230

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ
235**

Тарасов И.Н.

Рецензия на монографию:
Крауч К. Постдемократия. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы
экономики, 2010. – 192 с. 235

**Представляем кафедру государственного и муниципального управления
Поволжской академии государственной службы
имени П.А. Столыпина 237**

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
242**

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Napalkova I.G.

The Analysis of Centre-Periphery Relations in a Federative State
in the Light of Elites Theory 4

Popova E.A.

Political Aspects of the Anthropocentric Approach
to the Federation Subjects Development 11

Gryzunova G.V.

Transformation of Value-Ethical Bases of Civil Service
in Russia and Kazakhstan 18

Manakhov I.A.

From the Practices of the Public Administration Apparatus Training:
Officials for the Empire 25

Moskalenko O.L.

Professional Aspect of the Personal Culture of the Coast Guard Officer 32

Prokhorenko I.L.

The Spanish Model of Local Government: the Experience for Russia 37

Potapov D.V.

Russian-Ukrainian Relations: the Development Factors and Trends 45

RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CONDITION

51

Mokin K.S., Baryshnaya N.A.

Deprivation Analysis of Social Tensions: the Possibilities of Indication 51

Chernov E.A.

Political Subjectivity of Interest Groups in Modern Russia:
the Research Potential of the System Analysis 61

Strizhova A.F.	
Responsibility of the Political Elite: Defining the Concept in Russian and English Traditions	66
Milyukova O.V.	
Transformation Limits of Political Identification	72
Markov E.A.	
Mass Media Role in the Conflict between the President and the Supreme Council of Russia (1993)	76
Matveeva E.V.	
The Informal Side of Non-Governmental Environmental Organizations Activity	82

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

89

Agafonova N.Yu.	
Disciplinary Punishment in the Context of Responsibility of Civil Servants	89
Totikova T.E.	
The Urgent Problems of Tax Liability Institution Development	94
Plotnikova I.V.	
The European Experience of Criminal-Legal Protection of Credit Relations	99
Ostapets O.G.	
Administrative-Legal Aspects of Maintenance of Transport Safety in Modern Russia	105
Lipchanskaya M.A.	
Elections as an Institution of Citizen's Participation in Managing State Affairs	110

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

116

Dobrin K.Yu.	
Social Norm in Traditional and Modern Society	116
Zetkina Yu.V.	
Youth Drug Prevention in the Structure of Anti-Drug Policy in the Republic of Mordovia	121
Stelmakh A.M.	
Features of Matrimonial-Family Relations of Young People	126

Kazakova E.V.	
Institutional Interaction between Labor Market and Education: Conceptual Bases and Classification	130
Zavyalova M.S.	
The Development of Personal Functions of Students at Module-Rating Instruction	136
Khinevich E.S., Volkova O.A.	
Sociological Criteria of Managers' Successfulness in the Context of Multilingualism	141
Temaev T.V., Lukin E.E.	
Gender Specificity of Social Adaptation of the Third Age Convicts	146

SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA

155

Bychenko Yu.G., Lopukhin V.Yu.	
Human Factor of Economy in Conditions of Society Transition to Innovative Development	155
Duman M.O.	
Innovative Development of the Basic Capital as an Anti-Crisis Resource	162
Filippova I.A.	
Investments in Fixed Capital as the Main Line of Innovative Development of the Ulyanovsk Region	168
Chistov R.S.	
The Culture of Monetary Relations and Its Role in the Formation of Responsible Business in Modern Russia	178
Koryukin A.P.	
Corporate Culture Management in the Petroleum Industry of Russia: Scientific and Theoretical Approaches and Practice Analysis	184
Spiridonova K.A.	
Strategic Planning in Managing the Development of Housing Complex in the Region	189
Krasnoschekova E.A.	
The State and Challenges in the Field of Occupational Safety at Russian Enterprises	196

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS
200**

Yesina O. Yu.

The Paradoxical Situation of "Death of the Subject"
in Modern Philosophy 200

Melnik A.V.

The Technological Side of Globalization:
Information and Communication Aspect of the Social Reality Change 205

Abubekkerov R.V.

Russian Civilization in the World Globalization Process 210

Dyachenko I.N.

Slavic-Russian Humanistic Tradition in the Modern Russian Society 216

Lebedenko O.A.

Transformation of the Russian Students' Value Orientations
in the Crisis Society 224

Tsvetkov S.V.

Corporate Values of an Organization Functioning
in a Network Society 230

**REVIEWS.
SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE
235**

Tarasov I.N.

Monograph Review:
*Crouch C. Post-Democracy. – Moscow: State University – High School
of Economy Press, 2010. – 192 p. ....* 235

***We Present the Public Administration Chair
of the Volga Region Academy for Civil Service
named after P.A. Stolypin*** 237

**INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
247**

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 1 (26)

Редакторы *Т.П. Иванова, Л.Н. Головченко, Е.В. Феклистова*
Компьютерная верстка *Л.А. Михайловой*

Тем. план 2011 г., п. № 771

Подписано к печати 21.03.2011 г. Формат 70x100 $1/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.
Усл. печ. л. 20,96. Уч.-изд. л. 21,5. Тираж 500. Заказ 312.

ФГОУ ВПО «Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина».
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

- а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;
- б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);
- в) пристатейный библиографический список;
- г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжской академии государственной службы»
Сергеев Сергей Геннадьевич
(8452) 33 92 29
vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>